

СОКРОВИЩА БУЛГАРСКОГО НАРОДА

Выпуск 1.

Этногенез. История. Культура.

Под редакцией Академика Ю.К. Бегунова.

Аннотация

Это научно-популярный, тематический, неперIODический сборник трудов коллектива авторов из Санкт-Петербурга, Казани, Нальчика, посвященный этногенезу, истории и культуре Булгарского народа с древнейших времен. Сборник содержит неизданные уникальные материалы булгарских средневековых источников, которые хранились у ученых-ваисовцев. Это эпос, летописи, поэмы, открытые и переведенные на русский язык в 20 - 30-е гг. XX в. Сами оригиналы были уничтожены.

Эта книга предназначена для всех, кто интересуется историей и культурой тюркских народов и русского народа в связи с Евразийской идеей, которая красной нитью проходит через все статьи Сборника.

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник статей по тюркологии был задуман мною в 2006г. и тогда же был сформирован. Он состоит из десяти статей, содержащих ценный источниковедческий материал.

Цель настоящего сборника сообщить общественности о серьезном многотысячелетнем вкладе Булгарского народа в историю мировой цивилизации и культуры. К сожалению, и в России, и в Татарстане находятся ученые, которые утверждают, что Булгарского народа нет. Этим они наносят вред Татарстану и его великому народу. Сегодня многие из новооткрытых и вводимых в научный оборот исторических источников свидетельствуют в пользу истины. И от этого никуда не уйти!

Булгарский народ был, есть и будет жить вечно!

Академик Ю.К. Бегунов

*«В России наших дел, трудов, следов не мало.
В истории её мы чистые зеркала.
Мы жили и живём с народом русским вместе,
Заимствуя словарь, мораль, законы чести»*
Габдула Тукай

*«Не облакайте Истины одеждой лжи,
Не скрывайте Истины, если вы её знаете»*
Сура "аль-Бакара", аят.42. Коран

*«И познаете Истину,
И Истина сделает вас свободными»*
Евангелие от Иоанна, гл.8, стих 32.

ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР – ГЛАВНОГО ЭТНИЧЕСКОГО КОРНЯ ТАТАР

§ 1. О двух значениях этнонима булгар, необходимости изучения лингвоэтнической сущности булгар.

Из всех этнических корней татар самым мощным, близким к стволу родословного дерева татар корнем являются булгары. Поэтому мы не вправе оставить в стороне созданные учеными разных поколений противоречия, тенденциозные путаницы и неразберихи, которыми характеризуются сейчас взгляды различных историков на лингвоэтнические особенности булгар.

Этноним *булгар* — это русский вариант татарского слова *болг'ар*. В отличие от многозначного этнонима болгары (болгары Великой Болгарии Кубрата, дунайские болгары, кавказские болгары/балкары и т.д.) этноним булгар применяется в двух значениях: 1) в узком значении им называют булгарские племена, взявшие в конце VIII в. власть у биляров-биаров вместе с их столицей Биляр и создавшие Булгарское государство; 2) в широком значении этноним булгар означает население Булгарского государства в целом с включением в это понятие предков носителей всех трех диалектов татарского языка.

Здесь речь пойдет о булгарах в широком смысле этого слова, т.е. о тюркоязычном населении Булгарского государства вообще.

Как уже было сказано, в тюркологии до сих пор идет дискуссия об этнолингвистических особенностях волжских булгар, поэтому появилась необходимость специального рассмотрения этого вопроса. Часть русских и западноевропейских тюркологов, исходя из того, что современные татары и монголо-татары носят один и тот же этноним *татар*, современных татар продолжают считать непосредственными потомками монголо-татарских завоевателей, а потомками волжских булгар признают чувашей. Эту булгаро-чувашскую концепцию (теорию), ссылаясь на различные лингвистические доводы поддерживают некоторые чувашеведы, а также татарские татаро-татаристы, пытаясь превратить ее в аксиому. Булгаро-татарскую концепцию, считающую волжских булгар предками современных татар, в свою очередь, поддерживают основные татарские языковеды и историки, доказывая ее адекватность не только лингвистическими, но и этногенетическими данными.

Поскольку вопрос продолжает оставаться дискуссионным, попробуем разобраться в сложностях булгаро-чувашской и булгаро-татарской концепций.

Необходимо иметь в виду, что булгаро-чувашская концепция основывается исключительно на языковых данных. Общеизвестным, но не бесспорным считается то, что волжские булгары говорили не на обычном тюркском языке, а на древнечувашском. Поскольку язык является одним из основных показателей национальной принадлежности людей, постольку потомками булгар считаются чувашаи.

Из тенденциозного анализа языковых данных многие отечественные и зарубежные тюркологи, в том числе и Н.А.Баскаков, делают вывод, что чувашаи — это «одно из разветвлений древнего булгарского народа», сохранившего «до настоящего времени особенности этого языка, характеризующегося булгарскими чертами». В соответствии с таким выводом и при классификации тюркских языков чувашский причисляется к «булгарской группе языков», куда, по мнению Баскакова, «относятся древние языки — булгарский и хазарский — и современный чувашский язык»¹. Такого же мнения придерживаются венгерский ученый А.Рона-Таш, турецкий лингвист Т.Текин и многие другие.

Однако в свете таких выводов невольно возникают недоуменные вопросы. Во-первых, почему факты, основанные на лингвистических данных не находят своего подтверждения в области антропологии, археологии или этнологии? Чем объяснить такое разительное противоречие между данными различных наук? К сожалению, ответы на эти вопросы, хотя они

¹ Баскаков Н.А., Введение в изучение тюркских языков, М., - 1969, С.11, 231.

и имеются, не стали еще достоянием общей тюркологии.

Так, болгаро-чувашская концепция была подвергнута нами обоснованной критике впервые в 1977 году². На нашу критику очень сурово ответили некоторые чувашские языковеды, обвиняя автора в том, что он не владеет в достаточной степени чувашским языком и другими чувашскими материалами, поэтому не принимает болгаро-чувашскую концепцию. Но были и чувашеведы, чуваша по национальности, которые согласились с нашей критикой и даже предлагали написать совместный труд с критикой болгаро-чувашской концепции. Такой труд был создан и издан в 1993 году. Нашим соавтором выступил Яков Федорович Кузьмин-Юманеди, чуваш по национальности, прекрасный знаток чувашского материала. Труд называется «Волжские болгары и их потомки»³.

Данный вопрос стал предметом тщательного изучения и в других трудах М.Закиева⁴. В этих трудах и в трудах других сторонников болгаро-татарской концепции ясно показана несостоятельность болгаро-чувашской концепции, т.е. теории о том, что чуваша якобы являются непосредственными потомками болгар, т.е. населения Волжско-Булгарского государства.

§ 2. Из истории изучения волжских болгар.

Если окинуть общим взглядом историю изучения волжских болгар, то можно прийти к выводу, что в Поволжье в давние времена существовало весьма крупное государство болгар с трудолюбивым населением и весьма развитой средневековой культурой. Затем государство это перестало существовать, и население его как бы исчезло с лица земли, забылось и затерялось где-то среди других народов. Если учесть, что в истории народы не исчезают, а исчезают лишь их племенные названия и государственные образования, то следует полагать, что болгарский народ также не исчез с лица земли, что потомки его и сейчас живут и трудятся среди нас в общей семье народов. Но кем же они стали теперь? Какая народность является ныне наследницей болгар? На эти вопросы наука до сих пор не дала окончательных ответов, существуют различные точки зрения, противоречащие одна другой.

Например, русские историки Ю.Венелин (1829), Д.Иловайский (1881) и Ф.Флоринский в свое время утверждали, что болгары были славянами и, следовательно, наследниками болгар следует считать нынешнее русское население. Д.Иловайский аргументировал это мнение тем, что дунайские болгары являются славянами, следовательно, и родственные с ними волжские болгары должны были быть славянами (Иловайский Д.И., Разыскания о начале Руси., М., 1881). Известный европейский востоковед Тунманн считал болгар финно-уграми, родственными с мордвой, удмуртами и марийцами, а также и с предками нынешних венгров, так как в облике венгров он находил многие восточные черты, напоминающие ему болгар⁵. Другой европейский востоковед Клапрот считал болгар помесью трех различных народов — славян, финнов и тюрков — и, соответственно, потомками их считал представителей различных народов, живущих ныне в поволжском регионе⁶.

С.М.Шпилевский, И.Березин, Ш.Марджани, Г.Ахмеров и целый ряд позднейших их последователей считали и считают болгар предками нынешних татар.

А такие ученые, как Н.И.Ильминский, А.А.Куник, Н.И.Ашмарин, М.П.Петров, Н.Н.Поппе, Н.А.Баскаков, З.Гомбоц, Й.Бенцинг, К.Томсен признавали и признают болгар предками нынешних чувашей, и эта теория также нашла множество приверженцев.

Известные советские ученые М.Н.Тихомиров, П.Н.Третьяков, А.П.Смирнов и многие другие утверждают, что потомками болгар являются одновременно и татары, и чуваша, что-де,

² Закиев М.З., 1977. Закиев М.З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. Казан.

³ Авторы: М.З.Закиев и Я.Ф.Кузьмин-Юманеди. Казань, 1993. С. 158.

⁴ 1) «Проблемы языка и происхождения волжских татар». Казань, 1986. С. 62—108; 2) «Тюрки-татар этногенезы» (Этногенез тюрко-татар). Казань-Москва, 1998. С. 322—396; 3) «Происхождение тюрков и татар». Москва, 2003. С. 302—357.

⁵ Тунманн, Tuhnmann J.E., Untersuchung über die Geschichte der östlichen Völker, Berlin, 1774.

⁶ Клапрот, Klapproth G.J. Tableaux histoire de l'Azie, Paris, 1826.

прежние болгары впоследствии раскололись на две самостоятельные народности. Один из современных ученых – Х.И.Хаджилаев – утверждает, что потомками болгар являются три тюркоязычные народности Поволжья, а именно: башкиры, татары и чувашы⁷.

Чтобы разобраться в этой разногласии мнений и выявить истину, Академия наук царской России, а затем и Академия наук СССР не единожды предпринимали специальные исследования по данной проблеме, направляли в Поволжье многократные научные экспедиции, проводили специальные научные сессии, но вопрос так и остался нерешенным. На двух последних сессиях Отделения истории и философии АН СССР, проведенных, в частности, в 1946 году в Москве по проблеме этногенеза казанских татар и в 1950 году в Чебоксарах по вопросу этногенеза чувашей, была высказана рекомендация считать потомками болгар одновременно и татар, и чувашей. Но поскольку каждый из этих народов имеет самостоятельную тысячелетнюю историю, и по своим этническим признакам они не могут быть выведены от одного общего болгарского предка, то ни татарские, ни чувашские местные ученые не приняли эту рекомендацию и продолжают трактовать данный вопрос каждый по-своему. В частности, татарские историки утверждают, что болгары позднее превратились в казанских татар, а чувашские историки настаивают, что болгары превратились в чувашей. В татарских учебниках пишут, что татары произошли от болгар, и в чувашских учебниках утверждают идентичное татарскому происхождение чувашей. Татарскому населению внушают, что оно является наследником болгар, и чувашскому населению также внушают, что только оно является наследником болгар. И эти противоречия вызывают, к сожалению, не совсем здоровое соперничество между татарами и чувашами за обладание прошлым культурно-историческим наследием болгар.

Такое соперничество возникло не сегодня и не вчера, а существует сравнительно давно. В 1862 году в Казани был образован кружок татарской интеллигенции, считающей себя потомками болгар и ставящей своей целью возрождение прежнего названия своей национальности, так как этноним татар считали они чуждым, «прилипшим» к ним по недоразумению. Но местным реакционерам и чиновникам царского самодержавия эта идея почему-то не понравилась, и они решили воспрепятствовать ее реализации. В 1865 году профессор Казанской духовной академии Н.И.Ильминский опубликовал специальную статью, где, ссылаясь на материалы болгарской эпиграфики, утверждал, что потомками болгар следует считать вовсе не татар, а их соседей, чувашей⁸. Но татарские ученые, в особенности Шигабутдин Марджани, проигнорировали это выступление Ильминского и продолжали по-прежнему утверждать, что потомками болгар являются именно татары⁹. Тогда против татарских болгаристов выступил царский цензор по печати Казанской губернии Н.И.Ашмарин, который в 1902 году опубликовал свой псевдонаучный труд под названием «Болгары и чувашы», в котором отрицал связь татар с болгарскими и, базируясь исключительно на своих субъективных суждениях, доказывал происхождение чувашей от болгар. Но и эту публикацию татарские ученые проигнорировали: в 1909 году Гайнетдин Ахмеров опубликовал свой совершенно противоположного содержания труд – «История Болгарии», – где на конкретном материале доказал, что бывшие болгары и есть, собственно, казанские татары, но, учитывая существующую тогда политическую обстановку, выступать с критикой против Ашмарина и его сторонников не стал¹⁰.

Лишь после февральской революции 1917 года татарские болгаристы заговорили более смело и открыто. Уже летом 1917 года в Казани образовалась «партия избавления» болгар, назвавшая свое движение «Совет Волгобулгармус» и ставившая своей целью избавление от гнета и национальное возрождение болгарской нации. Руководителем партии стал общеизвестный деятель С.Г.Ваисов. На проведенных в первые годы советской власти трех своих съездах эта партия разрабатывала свою национальную и политическую программу.

⁷ Хаджилаев Х.И., О карачаево-балкарских и бесермянских схождениях // Советская тюркология, № 2, 1989.

⁸ Ильминский Н.И., О фонетических отношениях между чувашскими и тюркскими языками // Известия археологического общества. Т. V, СПб, 1865, 80—84.

⁹ Марджани Ш., Шихаб-уд-дин Багауд-динов. Очерк истории Болгарского и Казанского царства // Труды четвертого археологического съезда в России, Т. I, Казань, 1884.

¹⁰ Ахмеров Г., Избранные труды. Казань, 1909.

Но одновременно с деятельностью этой партии в Чувашской АССР развернули аналогичную деятельность и чувашские болгаристы. Они тоже ставили своей целью возрождение болгарской нации, но уже в лице чувашского народа. В Чебоксарах это движение возглавил бывший в то время секретарем Чувашского обкома компартии М.П.Петров, который опубликовал свою книгу «О происхождении чуваш» (Чебоксары, 1925) и развернул организационную работу по сплочению своих сторонников. Неофициальным консультантом и вдохновителем чувашских болгаристов стал Н.И.Ашмарин, специализировавшийся теперь по чувашскому языкознанию. Наиболее активные чувашские болгаристы ставили своей первой задачей переименование Чувашской Республики в «Булгарскую республику», дабы опередить в этом деле своих татарских соперников. К сожалению, и татарские, и чувашские болгаристы действовали тогда крайне замкнуто. Отсутствие информационной ротации, помешало им развернуть творческую дискуссию и придти к единому и взаимоприемлемому выводу. Этому помешала также наступившая тогда сталинская политическая реакция, которая выступала против свободы вообще. В 1930-х годах и татарские, и чувашские болгаристы были объявлены «буржуазными националистами», а их руководители и активисты были арестованы и расстреляны как «враги народа». С тех пор даже простое упоминание о них почти полвека находилось под строжайшим запретом.

В конце 80-х годов XX в. в связи с наступлением новой политической оттепели в стране как татарские, так и чувашские болгаристы снова активизировали свою деятельность. Татарские болгаристы организовали свою партию Булгарский Национальный конгресс с пропагандистским центром «Булгар ал-Джадид», которая преследует в основном те же цели, что и бывшая партия возрождения болгар, а именно: переименование татар в *булгары*, хотя против переименования выступают и татарские татаро-татаристы, по существу отрицающие болгаро-татарскую теорию.

Активизировались и чувашские болгаристы, хотя еще не произвели формального объединения своих рядов. Последние отрицают право своих татарских соперников именоваться булгарами, так как видят в них потомков только пришлых монголо-татар, узурпировавших местных болгаро-чувашей и захвативших их исконные земли.

По мнению сторонников болгаро-чувашской концепции, доказательств тому, что булгары говорили на чувашском языке, имеется очень много. **Во-первых**, чувашские слова и выражения сохранились в текстах болгарских эпитафий, написанных ими на каменных надгробных плитах. **Во-вторых**, чувашские слова «обнаружены» ими и в тексте рассказа о булгарах, написанного арабским путешественником Ибн-Фадланом, приезжавшим в Булгарию в 922 году. **В-третьих**, множество чувашских слов находят в венгерском языке, куда они, как полагают сторонники болгаро-чувашской концепции, принесены венграми, якобы жившими когда-то в Поволжье. **В-четвертых**, чувашские слова найдены якобы в древнем именнике князей дунайских протоболгар, которые, как полагают, также говорили на чувашском языке. **В-пятых**, чувашские слова найдены также в рунических письменах северокавказских балкар, которые как родственники болгар также говорили якобы на старочувашском языке. И, наконец, **в-шестых**, чувашские слова и выражения сохранились в языках поволжских финно-угров: марийцев, мордвы, удмуртов и коми. Все эти доводы, взятые вместе, не оставляют, по их мнению, никаких сомнений в том, что булгары якобы действительно говорили на старочувашском языке и что их потомками следует признать именно чувашей.

Ниже все эти доводы рассматриваются каждый в отдельности путем анализа конкретных материалов.

§ 3. Неудачные попытки «очувашивания» языка болгарской эпитафии.

Основным доказательством так называемой чувашезычности волжских болгар в широком смысле этого слова, считаются тексты болгарских мадригалов, которые подробно начали изучать со второй половины XIX в. Подавляющее большинство слов эпитафии легко объясняли через посредство татарского языка. Однако не поддавалось объяснению и дешифровке выражение, [арабские буквы] *жиаты жәр*. После долгих раздумий Г.Ю.Клапрот высказал предположение, что в этом выражении буквы обозначают числа, и они якобы

соответствуют 623 году хиджри, т.е. 1226 году христианского летосчисления. Эта дата близка ко времени нашествия монголо-татарских завоевателей, поэтому выражение переводилось как «год пришествия угнетения». С таким мнением согласился и И.Н.Березин¹¹.

Однако в 1863 году лектор С.-Петербургского университета Хусаин Фейзханов выступает против такого объяснения и читает это выражение *жѣиты жур*, объясняя *жѣиты* как татарское *жѣте* 'семь', *жур* — как чувашское *сер* 'сто'¹². Таким образом, Х.Фейзханов дал науке чувашский ключ к расшифровке болгарской эпиграфики.

После нахождения в болгарской эпиграфике чувашских слов Х.Фейзханов сам пришел к выводу о **влиянии** чувашского языка на язык эпитафий волжских болгар.

Ознакомившись с публикацией Х.Фейзханова, профессор Казанской духовной академии миссионер Н.И.Ильминский решил также принять участие в этом важном открытии. Не утруждая себя изучением самих надгробных памятников и их языка, он сразу же опубликовал свои суждения в следующем же номере указанного издания¹³. Смысл его статьи сводился к тому, что коль на болгарских памятниках обнаружены чувашские слова, значит, болгары говорили на чувашском языке. Хотя в публикации Фейзханова говорилось о дешифровании им трех надгробных эпитафий, из которых только две содержали чувашские слова, а третья была написана на обычном тюркском языке без чувашизмов, Ильминский повел речь лишь о чувашезычных памятниках, как будто других не существовало. Эта дезинформация ввела в заблуждение многих историков и лингвистов, которые, не имея возможности лично ознакомиться с исходными материалами эпиграфики, поверили Ильминскому на слово и стали основываться на его выводах в своей дальнейшей работе. То, что Ильминский рьяно взялся за болгаро-чувашскую теорию, объясняется его служебным миссионерским стремлением показать чувашам, мари́йцам, удмуртам и другим, что татары — не коренные, а пришельцы, завоеватели края. Конечной целью Н.И.Ильминского было то, чтобы эти народы быстрее отказались от исторической ориентации на мусульманство татар, и приняли христианство.

Основным разработчиком распространенной ныне болгаро-чувашской концепции вслед за Ильминским стал его преемник Н.И.Ашмарин, опубликовавший в 1902 году труд «Болгары и чувашаи» и посвятивший затем всю свою жизнь разработке чувашского языкознания применительно к высказываниям Ильминского. Если Ильминский выдвинул свои тезисы как догадку, то Ашмарин разработал целую концепцию, развивающую его идеи. Как и Ильминский, Ашмарин отлично знал, что существуют не только чувашезычные, но и обычнотюркоязычные эпитафии, но упорно продолжал утверждать только о чувашезычности болгарской эпиграфики. Поскольку это утверждение не согласуется с реальными данными эпиграфики, он всю жизнь лавировал и многократно менял, выправлял эту концепцию, стараясь уберечь ее от разоблачения. Сперва он утверждал, что болгарам принадлежали обычнотюркоязычные эпитафии, а чувашезычные эпитафии были написаны их союзниками, суварями. Но когда убедился, что именно на обычнотюркоязычных памятниках встречаются тахаллусы «ас-Суварии», то стал утверждать о одновременности двух типов эпитафий, что те чувашезычные памятники были написаны болгаро-суварями раньше, когда они еще говорили на чувашском языке, а обычнотюркоязычные написаны позже, когда болгары переняли обычнотюркский язык. Затем обнаружилось, что и такое объяснение невозможно, потому что датировки самих памятников показывают, что некоторые тюркоязычные эпитафии написаны даже раньше, чем чувашезычные; тогда Ашмарин стал утверждать, что оба типа надгробий создавались в одну эпоху, но написаны они на разных языках: тюркоязычные — на разговорном языке болгар, а чувашезычные — на литературном или «культовом» языке болгар¹⁴. Затем Ашмарин отказался от обеих трактовок, т.к. оба типа памятников относятся к атрибутике

¹¹ Смолин В.Ф., К вопросу о происхождении народности Камско-волжских болгар (разбор главнейших теорий), Казань 1921, 1921, С. 29—30.

¹² Фейзханов Х., Три надгробных болгарских надписи Известия археологического общества. Т. IV. СПб. 1863, С. 403—404.

¹³ Ильминский Н.И., О фонетических отношениях между чувашскими и тюркскими языками // Известия археологического общества, Т. V, СПб., 1865, С. 80—84.

¹⁴ Ашмарин Н.И., Болгары и чувашаи // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XVIII. Казань, 1902, С.123.

культы и, следовательно, не могут быть разграничены по этому принципу, тем более что культовым языком у болгар был арабский. Он стал утверждать, что тюркоязычные памятники принадлежали вовсе не болгарам, а чагатайцам и написаны на чагатайском языке¹⁵, хотя и это можно подвергнуть сомнению. Кроме того, Ашмарин до конца своей жизни так и не смог объяснить, почему чувашезычные памятники появились только после монгольского нашествия и вскоре исчезли, почему они распространены не на всей территории бывшей Булгарии, по какой причине за короткий промежуток времени было создано такое количество памятников и т.д.

Несмотря на все эти недостатки, концепция Ашмарина все же не была тогда отвергнута, так как сама проблема эпиграфики оставалась слабо изученной. По той же причине концепцию эту без должной критики восприняли такие всемирно известные ориенталисты, как З.Гомбоц, К.Томсен, О.Прицак, Й.Бенцинг, А.Рона-Таш и С.Фодор (Венгрия), К.Менгес и П.Гольден (США) и др. Особенно горячо поддерживали Ашмарина наши отечественные ученые С.Е.Малов, Б.А.Серебрянников, М.Р.Федотов, В.П.Денисов, В.Ф.Каховский, В.Д.Димитриев и многие другие.

После тщательного изучения болгарской эпиграфики стало ясно, что старания и усердия болгаро-чувашистов во что бы то ни стало очувашить болгарскую эпиграфику оказались лишь неудачными попытками. К сожалению, таких неудачных попыток с разных сторон было много. Рассмотрим их вкратце.

§ 4. Неудачные попытки А.П.Ковалевского найти чувашизмы в сочинении Ибн-Фадлана.

Другим аргументом, доказывающим чувашезычность болгар в широком смысле этого слова, считаются «чувашские» слова, сохранившиеся в древних записках Ибн-Фадлана о его поездке в Булгарию. Этот автор, проделавший в 921—922 годах путь из Багдада в Булгарию в составе арабского посольства, во время своей поездки записывал встреченные им на пути топонимы, этнонимы и личные имена, в том числе и болгарские названия, среди которых некоторые исследователи находят и чувашские слова. Из тридцати двух записанных им в Булгарии местных названий и имен шесть слов сторонниками болгаро-чувашской теории считаются чувашскими, а именно: *Хеллече* (название группы озер), *Гаушерма* (название реки), *Атал* (название Волги), *сэджув* (название медового напитка), *саваз* (название племени) и *Вырах* (личное имя вождя племени сувар).

Эти чувашские, как считает исследователь, слова доказывают происхождение чувашей от болгар. Обнаружил их сам переводчик книги Ибн-Фадлана на русский язык, арабист А.П.Ковалевский, при содействии чувашских лингвистов ашмаринистского толка, и притом обнаружил не сразу, а спустя более двадцати лет после выхода в свет первого издания этой книги.

Как известно, А.П.Ковалевский переводил эти записки на русский язык дважды: один раз в 1930-е годы, другой — в 1950-е годы — и оба раза по мешхедскому списку записок Ибн-Фадлана, полученному от иранского шаха. Первый перевод был сделан им под руководством академика И.Ю.Крачковского и под его же редакцией был издан в 1939 году в Москве, но в издании не было еще никаких чувашизмов. Это обстоятельство весьма удивило ашмаринистов, убежденных в том, что болгары были предками чувашей, ибо в сообщениях Ибн-Фадлана о них не оказалось ни одного чувашского слова. С этим вопросом чувашские лингвисты П.Г.Григорьев и Н.Р.Романов обратились к переводчику книги, Ковалевскому, работавшему в 1950-е годы над новым переводом той же книги.

Находя вопросы ашмаринистов вполне резонными, Ковалевский счел возможным пересмотреть транскрипции некоторых болгарских названий, написанных арабской графикой без строгой огласовки, и при содействии тех же чувашских лингвистов переправил написание ряда слов на чувашский манер. Так появились во втором издании книги Ибн-Фадлана

¹⁵ Ашмарин Н.И., Указ. соч., С. 69, 90.

вышеназванные шесть чувашских слов: *Хеллече, Гаушерма, Атал, саджув, савас* и *Вырах*¹⁶.

Дабы укрепить доказательную базу исправлений, вносимых во второе издание книги, в 1954 году Ковалевский издал специальную брошюру, где не самым удачным образом трактовал содержание книги Ибн-Фадлана уже с ашмаринистских позиций, и ряд терминов уподобил чувашским словам¹⁷.

Зачем понадобилось Ковалевскому столь неосторожно фальсифицировать переводимую им книгу Ибн-Фадлана, тем более что, по мнению арабистов, качество его вторичного перевода несколько не выиграло, а, наоборот, проиграло по сравнению с качеством первого перевода 1930-х годов?¹⁸ Разве не знал Ковалевский, что первейшей обязанностью всякого добросовестного переводчика является максимально точное воспроизведение переводимого текста?

Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно, нужно учитывать, с какой огромной любовью относился этот человек к объекту своего перевода и вместе с тем к самому автору книги. Трансформируя старобулгарские слова на чувашский манер, он, разумеется, вовсе не имел никаких дурных намерений, а делал это с целью совершенствования переводимого сочинения, чтобы сделать книгу Ибн-Фадлана более адаптированной к требованиям современного читателя.

Кроме того, А.П.Ковалевский хотел как-то оградить самого Ибн-Фадлана от несправедливых обвинений критиков.

В этих целях он очень подолгу работал над составлением обширных комментариев к тексту переводов и в этих же целях в 1950-е годы взялся за вторичный перевод книги. Услышав от ашмаринистов, что нынешние чуваша считаются потомками волжских болгар, Ковалевский принял это во внимание и начал серьезно изучать чувашскую культуру, чтобы найти историческую преемственность между этими народами. Поэтому неудивительно, что некоторые болгарские названия он пытался переименовать на чувашский манер.

Ошибка Ковалевского здесь заключалась лишь в том, что ему не следовало увлекаться доводами ашмаринистов и не пытаться исправлять написанное Ибн-Фадланом, как бы ни казалось оно ему несовершенным. Нужно было помнить, что сообщения Ибн-Фадлана не нуждаются ни в чьих исправлениях, и сам автор тоже не нуждается в защите. Все, что он написал, было истинной правдой, – правдой, существовавшей в сознании человека тысячи лет. Поэтому исправлять его сообщения вовсе не следовало, а следовало лишь точно их перевести и максимально точно воспроизвести встречающиеся там имена и термины.

§ 5. Неудачные попытки очувашивания болгарских слов из записей Ибн-Фадлана.

Как было сказано выше, А.П.Ковалевским подвергались «очувашиванию» шесть слов из записей Ибн-Фадлана: *Хеллече, Гаушерма, Атал, сюдже (саджув), суаз, Вырах*.

1. Первое из этих болгарских слов — *Хеллече*. «Когда мы прибыли к царю, мы нашли его остановившимся у воды *Хеллече*...»¹⁹, в арабском оригинале мешхедского списка рукописи это слово первоначально было расшифровано как [арабские буквы] *Халджа*²⁰. Примечательно, что и в первом издании книги 1939 года это слово было транскрибировано по-русски в форме *Халджа*²¹. Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то во втором издании книги Ковалевский переправил его в *Хеллече* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *хелле* ‘зима’ и заодно придать этому гидрониму значение ‘зимней стоянки’ болгарского царя, как это трактовали некоторые исследователи текста. Но этому перефразированию помешало окончание *-джа* в слове *халджа*, которое не объяснялось, исходя из чувашского языка, пришлось его

¹⁶ Ковалевский А.П., Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг., Харьков, 1956.

¹⁷ Ковалевский А.П., Чуваша и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана, Чебоксары, 1954.

¹⁸ Янина С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии//Материалы и исследования по археологии. № 111, Т. IV, М., 1962, С. 184.

¹⁹ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, С. 138.

²⁰ Ковалевский А.П., указ.соч., Приложение. 108-а, 108-б.

²¹ Ковалевский А.П., указ.соч., С. 75.

переделать в чувашское *-че*²², а это привело к возникновению необычного слова *хеллече*, что в переводе означает 'зимой было', но отнюдь не 'зимник'. Натянутость данной «конъектуры» видна еще и в том, что слово *Хеллече* Ковалевский написал по чувашской орфографии через два «л», а в арабском оригинале буква «лам» написана без удваивающего ташдида. Так что во всех отношениях это «очувашивание» гидронима *Халджа* было неправомерным. На самом деле этот гидроним надо было читать как *Сулча*, ибо первая буква в рукописи не [арабские буква] (х), а [арабские буква] (с), кроме того, там течет река, которая называлась и называется *Сөлчә/Сульча*²³.

2. Второе слово — *Гаушерма*, встречающееся во фразе: «И отъехал царь от воды, называемой Сульча, к реке под названием Гаушерма...», также оказалось неправомерно искаженным. В арабском оригинале мешхедского списка оно было написано в одном месте как [арабские буквы] (cauṣiz), в другом месте как [арабские буквы] (cauṣir) (без точки над зайн)²⁴. В первом издании книги 1939 года оно было транскрибировано по второму написанию в форме *Джавашир*²⁵, что имело целью показать существование р-языка у болгар, но затем в брошюре 1954 года Ковалевский пошел еще дальше и переделал его в *Гаушерма* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *сьырма* 'река', поскольку речь идет здесь о реке. Но для этого пришлось изменить весь фонетический состав слова и произвольно присоединить к его окончанию слог -ма, а также заменить начальный звук [дж] на [г]. Как видим, «конъектура» также не из удачных. Поэтому в 1956 году перед отправкой рукописи для второго издания Ковалевский переправил обратно это слово в *Джавшыр*, но тем не менее ашмаринисты до сих пор продолжают трактовать его как *Гаушерма*.

Реку под названием *Джаушир* можно отождествлять с рекой *Йауширмә* в Чистопольском районе Татарстана. Гидроним состоит, по-видимому, из двух частей: *Яуш* — имя человека, имеющего отношение к этой реке, *йырма* — тюркское слово со значением река²⁶. Может быть и другое толкование: *Яу* — 'войско', *ширма* — от диалектного произношения того же слова *ерма* в виде *жырма*. В чувашском сохранилось произношение *сьырма*.

3. Третье слово — *Атал*²⁷ — действительно имеется в книге Ибн-Фадлана и совпадает с чувашским названием реки *Волги* — *Атал*. Но это еще не означает, что болгары говорили на чувашском языке. Некоторые тюрки и арабы употребляют это слово с анлаутным [э] (*Этиль*, *Эдиль*), а татары и башкиры — с начальным [и] (*Идиль*), но в арабском письме все эти гласные звуки обозначаются одной и той же буквой алиф, снабжаемой дополнительно диакритическими знаками.

Ашмаринистов заинтересовало то, что в книге Ибн-Фадлана есть написание этого слова в чувашской форме *Атал*. Но и это еще ничего не доказывает. В мешхедском списке это слово повторяется пять раз и притом три раза написано оно с начальным алифом с фатхой ([арабские буквы] *Атл*) и два раза написано без диакритических знаков ([арабские буквы]). что можно читать как *Этель* или даже *Итель*. Поэтому вопрос здесь остается спорным: можно предполагать, что болгары называли Волгу по-чувашски *Атал*, но могли называть и по-болгарски *Итиль*. Сам оригинал рукописи Ибн-Фадлана до наших дней не сохранился. Возможно, в нем Волга была названа *Итиль*, а ираноязычный переписчик мешхедского списка в двух местах переписал его правильно, но в трех местах машинально написал по-своему в форме *Ател*.

Если обратить внимание на этимологию этого гидронима, то легко заметить, что он состоит из двух частей: тюрк. *иди* — *иде* 'великий, большой, бог' и *ел* (самая древняя форма гидронима *елга* 'река'). Тюркское *ел* заимствовано и марийским языком для обозначения самой Волги. Таким образом, *Иди+ел* (*Идель*) применялось и сейчас применяется в значении 'большая река, великая река'. Если так, то и самой древней формой этого гидронима является не *Атал*, *Этил* или *Итиль*, а *Идель* (*Иди-ел*). Исходя из сказанного, видно, что арабское начертание этого

²² Формант прошедшего времени.

²³ Это открытие принадлежит арабисту Анвару Хайри.

²⁴ Ковалевский А.П., указ.соч., С. 203, 208.

²⁵ Ковалевский А.П., указ.соч., С. 76.

²⁶ ср. тат. Ермак.

²⁷ название Волги.

гидронима должно быть транслитеровано как *Итиль*, *Ител* или *Идель*.

4. Четвертое слово — *сюдже* (напиток) в мешхедском списке было написано как [арабские буквы] (*al-saci* или, точнее, *as-sci*) и в первом издании книги 1939 года тоже было транскрибировано как *ас-суджув*, но затем в специально изданной брошюре 1954 года Ковалевский переделал его в *саджув* с тем, чтобы уподобить чувашскому слову *щу*, *шыв* (вода). Но поскольку медовый напиток чуваша называют не *саджув*, а *симпыл* или *карчама*, то и эта конъектура тоже оказалась неудачной, в связи с чем в 1956 году Ковалевский обратно переправил его в «суджув»²⁸. По данным Флейшера и Френа, *саджу* был не чувашским, а древнетюркским названием хмельного напитка, а по мнению А.П.Смирнова, это было заимствованием из русского сыта, сычевка.

В действительности *сюдже* (*сөҗе-сүҗе*) — это сладкий напиток, который был распространен среди тюрков различных регионов. В азербайджанском языке он сохранился до наших дней. Слово *сөҗе* в татарском литературном языке применяется в виде *төче*, в татарских диалектах как *сөче* (сладкий, приторный) и выступает как антоним слова *ачы* (кислый).

5. Пятое слово — *суаз* (название племени) тоже подвергнуто необоснованному искажению. В арабском оригинале мешхедского списка оно употреблено только один раз и в виде [арабские буквы] (*suau*). В первом издании книги 1939 года Ковалевский транскрибировал его в форме *саван*, ибо в рукописи последняя буква [арабская буква] *з* была изображена как [арабская буква] *н*. Но в последующем издании своей книги он это слово передает уже как *суваз*. Этим Ковалевский хотел подчеркнуть, что слово *суваз* затем стало применяться как чуваш и обозначало предков чувашей. Следовательно, по его мнению, болгары-сувазы были чувашезычными.

Более точные исследования²⁹ показывают, что слово *суаз-суас* было болгарским и произошло от двух тюркских слов: *су* 'вода' и *ас* (название племени). Марийцы татар называют этнонимом *суас/сюас*, а чувашей — *суасламари*.

6. Шестое слово — *Вырах* (имя суварского князя), по-видимому, тоже искажено переводчиком. В арабском оригинале мешхедского списка оно написано как [арабские буквы] *Ê?ië* уиргь/виргь³⁰. Сам Ковалевский в первом издании книги 1939 года транскрибировал его как *Вираг*. Но поскольку в чувашском языке такого слова нет, то он попытался впоследствии как-то «очувашить» его, переправив во втором издании книги в *Выраг*³¹, а в брошюре 1954 года — в *Вырах*³². Но все эти «конъектуры» были напрасными, потому что в чувашском языке не было слов, похожих на *Вираг/Вырах*. С точки зрения обычнотюркской этимологии, это слово не исследовано.

Таким образом, все шесть слов, уподобленных Ковалевским чувашским лексемам, не могут свидетельствовать о существовании у болгар чувашского типа *р-языка*. Но несмотря на это, ашмаринисты настойчиво продолжают использовать это «открытие» как доказательство правоты своей болгаро-чувашской концепции. В этих целях опубликовано и публикуется множество трудов и статей таких авторов, как П.Г.Григорьев, Н.Р.Романов, Н.Данилов, В.Г.Егоров, В.Ф.Каховский и многих других, направленных на популяризацию выводов о болгарском происхождении чувашей.

§ 6. Неудачные попытки найти чувашские слова в славяно-болгарском «Именнике».

Рассмотрим теперь следующий аргумент сторонников болгаро-чувашской концепции — чувашские слова в так называемом «славяно-болгарском именнике». Если этот именник содержит тюркско-болгарские слова, то они, по мнению сторонников болгаро-чувашской концепции, должны характеризоваться чувашскими особенностями.

Известно, что в 1866 году профессором А.Поповым был обнаружен и опубликован

²⁸ Ковалевский А.П., указ.соч., С. 132.

²⁹ Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986, С. 40—54.

³⁰ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, С. 208.

³¹ Ковалевский А.П., указ.соч., С. 139.

³² Ковалевский А.П., указ.соч., С. 43.

письменный памятник, написанный неизвестным автором в XVI веке и хранившийся в библиотеке Св. Синода вместе с рукописной книгой «Летописец еллинский и римский»³³.

Вот полный текст этого именника.

«Авитохоль жить летъ 300³⁴, родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Ирникъ жить летъ 150, родъ емоу Доуло, а летъ емоу диломъ твиремъ. Гостунъ наместникъ сы 2 летъ, родъ емоу Ерми, а летъ емоу дохсъ твиремъ. Коурътъ 60 летъ дрѣжа, родъ емоу Доуло, а летъ емоу шегоръ вечемъ. Безмеръ 3 лето, а родъ емоу Доуло, а летъ емоу шегоръ вечемъ. Сии 5 кнѣзь дрѣжаще княжение об ону страну Доуная летъ 500 и 15 остриженами главами и по томъ приде на страну Доуная Исперихъ кнѣзь, тожде и доселе. Есперерихъ кнѣзь 60 и одно лето, родъ емоу Доуло, а летъ емоу верени алемъ. Тервель 20 и I лето, родъ емоу Доуло, а летъ емоу текоу читемъ... твиремъ 20 и 6 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу дваншехтемъ. Севаръ 15 летъ, родъ емоу Доуло, а летъ емоу тохъ алтомъ. Кормисошь 17 летъ, родъ емоу Вокиль, а летъ емоу шегоръ твиремъ. Сии же князь измени родъ Доуло, рекше Вихтунъ. Винехъ 7 летъ, а родъ емоу Оукиль, а летъ емоу имя шегор алемъ. Телець 3 лета, родъ емоу Оугаинъ, а летъ емоу соморъ алтемъ... Оуморъ 40 дни, родъ емоу Оукиль, а емоу диломъ тоутомъ».

Здесь дело вовсе не в достоверности или недостоверности самого документа³⁵, а в загадочности тех приписок, которые приведены после каждого из тринадцати имен, получивших в литературе известность, как «неславянские вокабулы именника». Таких непонятных слов приведено 26, но некоторые из них повторяются по два и по три раза, так что в конечном итоге загадочными остаются 15 вокабул: *дилом*, *шехтем*, *твирем*, *дохс*, *шегор*, *вечем*, *верени*, *алем*, *текоу*, *четем*, *дван*, *тох*, *алтом*, *сомор*, *тоутом*.

Эти слова ученые пытались дешифровать на основе различных языков. Так, академик А.Куник, опираясь на материалы недавно опубликованной статьи Н.И.Ильминского о чувашских словах в болгарском языке, решил объяснить вокабулы именника на материале чувашского языка, поскольку, думал он, язык дунайских протобулгар должен быть родственным языку волжских булгар. Сам Куник, не владея чувашским языком, не смог этого сделать самостоятельно и обратился за помощью к тюркологу В.В.Радлову, прося последнего расшифровать именник на материале чувашского языка³⁶.

Молодой Радлов, находившийся тогда на стажировке в Барнауле, не отказал в просьбе известному столичному академику и послал ему несколько туманный ответ о некоторых возможностях отождествления вокабул с чувашскими числительными. Например, вокабулу сомор он возводил к чувашскому *ikke* 'два', четем — к чувашскому *šice* 'семь', а также к *šitmel* 'семьдесят', дохс и текоу оба возводил к *vätär* 'тридцать', шехтем — к *säkär-vunnä* 'восемьдесят', тутом — к *hegeh* 'сорок', а окончания вокабул на -ом и -ем истолковал как числительное *vuppa* 'десять'. В результате такого произвольного толкования Радлов вывел несуществующие в чувашском языке числительные; например, дилом твирем истолковал как 'пять двадцать', 'шегор вечем' — как 'восемь тридцать', текоу четем — как 'девять семьдесят', дван шехтем — 'четыре восемьдесят' и т.д. Но что означают эти бессвязные слова, он и сам объяснить не мог³⁷, поскольку единицы в его двузначных числах оказались впереди десятков. Такая обратная последовательность в структуре сложных числительных чужда не только чувашскому, но и большинству других тюркских языков; нечто подобное можно встретить лишь в сарык-югурском языке и в древних орхоно-енисейских письменах, где некоторые сложные числительные имеют иную структуру и количественное значение³⁸.

Если бы Радлов не был тогда связан с просьбой влиятельного академика Куника и отнесся к расшифровке именника более объективно, он наверняка пришел бы к выводу не в пользу

³³ Попов А. Обзор хронографий русской редакции. Вып. I. М., 1866.

³⁴ Числа, приведенные непосредственно после имен князей, в оригинале обозначены греческими буквами, заменявшими цифры.

³⁵ Этот вопрос подробно рассмотрен болгарским ученым Моско Московым в его книге «Именник на Българските ханове — ново тълкуване». София, 1988, С. 368.

³⁶ Куник А. Примечание Куника А. к книге «Известия Ал-Бакри о славянах и их соседях», Приложение к 32-му тому «Записок АН», № 2, СПб., 1878, С. 18—161.

³⁷ Куник А., указ.соч., С. 138—143.

³⁸ Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980.

гипотезы Куника, а скорее в пользу высказывания Гезы Кууна, считавшего вокабулы турецкими лексемами. В самом деле, многие вокабулы гораздо более близки к общетюркским числительным, нежели к чувашским. Например, вокабула верени более созвучна с тюркским *berence* 'первый', чем с чувашским *рѣгѣмѣш*; вокабула дохс более созвучна с тюркским *toguz* 'девять', чем с чувашским *tăxăg*; вечем тоже более похоже на тюрк. *uçon* 'тридцать', чем на чув. *vătăr*; читем и шехтем тоже более созвучны с тюркскими *citen* и *siksen*, нежели с чувашскими *šitmel* 'семьдесят' и *sakăgvunpă* 'восемьдесят'. Окончания вторых вокабул -ом и -ем гораздо лучше сопоставимы с тюркским *on* 'десять', чем с чувашским *vunpa*.

Кроме того, о восьми князьях в именнике прямо сказано «род емоу Доуло», а род Дуло, как известно, не был собственно болгарским, а был западно-тюркским, узурпировавшим в VII веке болгар, что также говорит о большей вероятности употребления в именнике общетюркского з-языка. Однако молодой Радлов пренебрег этими данными и написал Кунику, что это «наречие очень близко к чувашскому». Но в том же письме он недвусмысленно оговорился: «Согласно желанию Вашему... я пришел к изложенным выше выводам», но «я чувствую сам всю *неудовлетворенность*... своих изысканий».

Однако это признание Радлова не остановило Куника, вознамерившегося обнародовать свою гипотезу. В 1878 году он дополнил ответное письмо Радлова своими суждениями, изложил историю проблематики и, снабдив все это броским заголовком «О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому именнику», опубликовал в приложении к 32-му тому «Записок Российской академии наук». Так появилась на свет эта версия о «родстве хагано-болгар с чувашами», а вместе с тем и о мнимом родстве протоболгарского языка с чувашским.

В начале нашего столетия версия Куника-Радлова была окончательно отвергнута, а вместо нее предложена совершенно новая версия, рассматривающая вокабулы как названия дат древнетюркского «животного» календаря.

Основателем этой новой версии по праву считается финский лингвист И.Миккола, хотя идея эта впервые была высказана Бьюри. Отвергая мнение Куника, Радлова, Златарского и других авторов, рассматривавших вокабулы как имена числительные, Миккола предлагал рассматривать их как названия годов и месяцев восточного «животного» календаря, бытовавшего также у средневековых тюрков. По его мнению, в каждой паре вокабул именника первые слова являются названиями животных, обозначающими годы, а вторые — числительными, обозначающими порядковые номера месяцев в году. Притом названия животных, по его мнению, были взяты из разных тюркских и нетюркских языков. Например, вокабулу шегор он возводил к тюркскому *sygur* 'корова', обозначающему, по его мнению, год быка; вокабулу сомор возводил к монгольскому *morin* 'лошадь', дван — к огузскому *davšan* 'заяц', дилом — к общетюркскому *julan* 'змея', тох — к джагатайскому *tauک* 'курица', дохс — к тюркскому *tonguz* 'свинья', текоу — к огузскому *koç* 'баран', верени — к чувашскому *săvăr* 'сурок' и т.д. Вторые же вокабулы в каждой паре (твирем, вечем, алем, четем, шехтем, алтом, тоутом) Миккола считал числительными, означающими порядковые номера месяцев в году. Поскольку в году имеется не более тринадцати лунных месяцев, а в именнике имеются числительные даже «пятьдесят» (алем), то Микколе пришлось таким вокабулам присваивать другие числовые и даже нечисловые значения. Например, вокабулу алем он возвел к чагатайскому *iläg* 'перед', придав ему значение «первый месяц в году»; вокабулу твирем, считавшуюся чувашским *šiget* 'двадцать', возвел к чув. *tăxăg* 'девять', а для объяснения вокабулы текоу пришлось приписывать чувашскому языку несуществующее слово *koç* «баран» и т.д.³⁹

Поскольку версия Микколы оказалась во всех отношениях неубедительной, а главное, не сближающей вокабулы именника с чувашским языком, сторонники болгаро-чувашской концепции не раз предпринимали попытки к ее «совершенствованию», внося различные поправки и дополнения. Сам Ашмарин, ранее опиравшийся на числовую версию Куника — Радлова, в 1917—1923 годах полностью отрекся от нее и предпринял попытку «очувашить» новую версию Микколы. Например, вокабулу сомор, возведенную Микколой к монгольскому

³⁹ Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф., Волжские болгары и их потомки//Закиев М.З. Тюрки-татар этногенезы, Мәскәү, 1993, С. 42.

moġin ‘лошадь’, он предлагал возводить к чувашскому *ämärt* ‘орел’, верени возводил к чув. *raġan* ‘молодняк овцы’, текоу — к чув. *săxă* ‘курица’, твирем — к чув. *tërër* ‘другой, иной’, дилом — к чув. *sëlën* ‘змея’, алем — к чув. *ülëm* ‘потом, в будущем’, шехтем — к чув. *siçç* ‘семь’, а для остальных вокабул (тох, дохс, дван, четем и др.) Ашмарин не нашел созвучных слов, но тем не менее утверждал, что такие слова могли существовать в чувашском языке когда-то в прошлом⁴⁰.

О.Прицак, находя поправки Ашмарина неудачными, предлагал оставить в силе сопоставления Микколы в отношении вокабул дилом, твирем, шегор, вечем, тох, дохс, а вокабулу верени предлагал возводить к тюрк. *bige* ‘волк’ и истолковать как «год волка», хотя такого названия месяца нет в восточных календарях. Находя неуместным сопоставление вокабул сомор с монгольским ‘лошадь’, Прицак предлагал для лошади выделить первый слог из слитной вокабулы имаше горалем, то есть има-, и истолковать его как название лошади в предполагаемом протоболгарском языке⁴¹.

После Прицака не раз предпринимались попытки к совершенствованию версии Микколы. Например, В.Ф.Каховский предлагает вокабулу текоу, возведенную Ашмариным к чув. *săxă* ‘курица’, возводить к чув. *taka* ‘баран’, а вокабулу сомор возводить к гипотетическому *saġar* ‘лошадь’, хотя такого слова тоже нет и не было в чувашском языке, как и в других тюркских языках⁴².

Было высказано множество и других предложений по расшифровке этого именника⁴³. Но все они являются лишь субъективными гаданиями или, по выражению самого Ашмарина, «гадательными предположениями». Будет ли «Именник» когда-нибудь расшифрован? В этом многие ученые сомневаются. Но если упомянутые слова «Именника» будут достоверно расшифрованы, все равно они не смогут подтвердить правильность болгаро-чувашской концепции. На это обратил внимание еще в 1900 году болгарский ученый И.Д.Шишманов. Он писал, что в «Именнике» имеются слова с начальными д, г, б, что противоречит чувашской фонетике. Например, *doulo*, *dilom*, *doxs*, *Gostun*, *goralem*, *Bezmer*. Противоречит чувашской фонетике сам этноним болгар. Если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они распространили бы этноним не болгар, а палгар/палхар или мургар. Исходя из этого, И.Д.Шишманов делает вывод, что протоболгарский язык не имеет никакого сходства с чувашским языком, он был близок к чагатайскому языку⁴⁴.

Наиболее достоверным и доступным источником для выявления особенностей протоболгарского языка служит, бесспорно, сам живой славяно-болгарский язык с его древними протоболгарскими субстратами. Если бы протоболгарский тюрки был чувашского типа р-языком, то и среди субстратных тюркизмов сохранились бы элементы чувашского типа р-языка. Но их в болгарском языке как раз нет. По этому поводу К.Г.Менгес справедливо пишет: «когда печатно провозглашают, что в современном болгарском языке представлено много общих с чувашским слов типа дост (болг.) — тус (чув.), душек (болг.) — тушек (чув.), чавка (болг.) — чавка (чув.) и др., то их авторы делают грубую ошибку, так как здесь речь идет о турецких заимствованиях в болгарском языке, которые по своему фонетическому облику ничем не отличаются от кыпчакских заимствований в чувашском языке»⁴⁵.

Не было тюркизмов чувашского типа и в протоболгарском тюрки — язык этот был таким же зетацирующим, каким был и язык волжских болгар. Во всяком случае, ни в древних письменных памятниках, ни в живом болгарском языке, ни в славяно-болгарском именнике не обнаруживаются признаки чувашского типа р-языка.

⁴⁰ Ашмарин Н.И. Несколько слов о труде И.И.Миккола // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Т. XXXII, Вып. 2, Казань, 1923, С. 227—237.

⁴¹ Прицак О. *Omeljan Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren*, Wiesbaden, 1955.

⁴² Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории, Чебоксары, 1965, С. 276—278.

⁴³ Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф., указ.соч., 1993, С.44.

⁴⁴ Шишманов И.Д. Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологиите на името «българин»//Сборник за народни умотворения, наука и книжина, издательства Министерството на народното просвещение, Книга XVII, София, 1900, С. 684.

⁴⁵ Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф. указ.соч., 1993, С. 48.

§ 7. Неудачные попытки найти чувашизмы в древнебалкарских рунических надписях.

Следующим псевдодоказательством существования у волжских болгар р-языка считаются предполагаемые чувашизмы, обнаруженные в наскальных рунических письменах северокавказских балкар. Поскольку балкары считаются историческими родственниками волжских болгар, то наличие чувашизмов в их языке, естественно, должно бы свидетельствовать о р-язычности волжских болгар. Поэтому сторонники болгаро-чувашской концепции не раз обращали свое внимание на характер этого северокавказского языка, но ни в самом балкарском языке, ни в его диалектах не находили никаких признаков ротацизма и ламдаизма, так как все этнические группы балкар говорят на обычном тюркском языке кыпчакской группы. В связи с этим строились предположения о существовании р-языка у древних балкар, полагая, что когда-то этот народ говорил на р-языке, а затем с приходом в Предкавказье кыпчаков они переняли кыпчакский язык. Но подтвердить эту гипотезу не удавалось из-за отсутствия древних письменных памятников балкарского языка.

И вот, наконец, в 1970-х годах такие письменные памятники были найдены в горных ущельях Северного Кавказа вместе с древними наскальными погребениями горцев, в связи с чем болгаро-чувашская концепция ашмаринистов получила новое подтверждение. Но прежде чем перейти к рассмотрению этих письменных памятников, напомним вкратце об обстоятельствах, при которых появилась эта необычная находка.

Вообще-то, о существовании странных надписей и наскальных погребений в горах Северного Кавказа знали давно. Внимание исследователей привлекало то, что в ущельях вокруг Эльбруса часто встречаются наскальные погребения, совершенные в выдолбленных в скалах небольших пещерах с четырехугольным, а иногда и круглым входным отверстием. Внимание исследователей привлекли писаницы вокруг этих погребений.

Писаницы эти представляют собой довольно разнообразные фигурки, похожие на иероглифы, врезанные в камень или же нарисованные коричнево-красной охрой. Расположены они группами: иногда над входом в пещеру, в других случаях рядом с ней, а иногда и в глубине пещерки, где-нибудь на гладкой поверхности. Количество знаков около каждой пещерки варьируется от единицы до нескольких десятков. Если внимательно присмотреться к ним, то можно разделить их на четыре вида: 1) на обычные пиктограммы, 2) на личные тамги, 3) на рунические знаки и 4) буквы уйгурского письма. Расположены они вместе, попеременно, без всяких разграничений.

В отношении этнической принадлежности этих наскальных памятников существуют различные точки зрения. Одни исследователи приписывают их древним кавказским горцам, другие — средневековым тюркоязычным, даже «ираноязычным» аланам, третьи, как, например, Г.Ф.Турчанинов, — северокавказским касогамам, четвертые — хазарам и т.д.⁴⁶ Но большинство исследователей все же склонно приписывать их горным аланам. Так, например, Т.М.Минаева, посвятившая этим памятникам специальные исследования, считает их творением аланов, пришедших в Приэльбрусье в VI веке н.э. под натиском кочевых тюрков и вынужденных здесь за неимением свободной земли хоронить своих умерших в скалах⁴⁷. А.П.Рунич приписывает памятники также аланам, полагая, что, оказавшись прижатыми в горах, аланы трансформировали свои традиционные погребальные катакомбы в наскальные пещеры. С этим мнением согласны также исследователи Г.Ф.Турчанинов, М.А.Хабичев, В.А.Кузнецов и многие другие. Но необходимо иметь в виду, что под аланами одни авторы понимают предков ираноязычных осетин, другие — предков тюркоязычных балкар и карачаевцев.

Другой карачаевский ученый С.Я.Байчоров в 1970-х годах выдвинул совсем иную точку зрения. По его мнению, памятники эти принадлежали не аланам⁴⁸, а северокавказским протоболгарам, то есть предкам нынешних балкар и карачаевцев, которые раньше якобы

⁴⁶ Закиев М.З., Кузьмин-Юманиди Я.Ф. указ.соч., 1993, С. 52.

⁴⁷ Минаева Т.М. К истории алан верхнего Прикубанья по археологическим данным, Ставрополь, 1971, С. 227.

⁴⁸ под аланами С.Я. Байчоров понимает только ираноязычных осетин.

говорили на языке чувашского типа. «Анализ языка рунических памятников Приэльбрусья показал,— пишет он,— что по своим графо-фонетическим особенностям он — протоболгарский, имеющий дь- и дж-диалекты, которым характерен ротацизм»⁴⁹.

Эти выводы Байчорова явились такой же неожиданной сенсацией, какой были в прошлом столетии публикации Н.И.Ильминского по части волжскобулгарского языка и А.А.Куника в отношении хагано-болгарского языка дунайских протоболгар. И в том, и в другом случае отстаивалась одна и та же идея, что древний протоболгарский язык,— будь он на Дунае, в Поволжье или же на Северном Кавказе, — везде характеризовался одними и теми же особенностями чувашского типа р-языка.

Поскольку идея эта выглядит вполне логичной и на первый взгляд кажется достаточно обоснованной, работы Байчорова также, как и работы Куника и Ильминского в прошлом веке, нашли себе немало горячих сторонников. Например, положительно отзывались о них археологи В.Б.Ковалевская, Х.Х.Биджиев и М.П.Абрамова, и особенно восторженно восприняли их ашмаринисты, обрадованные тем, что найдено новое подтверждение отстаиваемой ими болгаро-чувашской концепции. Например, заслуженный деятель науки Чувашской АССР В.Д.Димитриев не без восторга писал: «Байчоровым выявлены и исследованы памятники северокавказской болгарской рунической письменности с характерным для их языка ротацизмом»⁵⁰. В унисон с ним восторгались и некоторые казанские ученые. В частности, Д.Г.Мухаметшин и Ф.С.Хакимзянов писали: «Стало быть, протоболгары (Приэльбрусья), исходя из природных условий, в честь погребенных сооружали поминальные дома и составляли надписи» на древнеболгарском языке, имея при этом в виду то, что, по их мнению, древнеболгарский язык характеризовался чувашскими особенностями⁵¹.

Но тексты, вычитанные Байчоровым в рунических письменах, весьма сомнительны и существуют, скорее всего, в воображении их чтеца, нежели в реальности. Заранее поставив перед собой задачу обнаружить в писаницах чувашеподобные тюркизмы, он на разных этапах работы с текстом постепенно трансформирует его в нужном направлении и в конечном итоге получает то, что ему требовалось. Уже на стадии копирования и снятия эстампажей с наскальных писаниц постепенно восстанавливает стертые места и искажает тем самым заложенную семантику.

Затем во втором этапе работы, выделяя из общей кучи писаниц рунические знаки, к последним причисляет не только действительные руны, но и гипотетические знаки, которые, по его мнению, могли существовать в протоболгарской письменности. Например, часто встречающееся в наскальных писаницах изображение лестницы он читает как букву «д» или «дь», хотя в тюркском руническом алфавите такой руны не существует. Затем на стадии чтения рун также допускает произвольные действия, читая их то справа налево, то слева направо, то сверху вниз, то снизу вверх, то находя одну руно внутри другой и т.д. — лишь бы это привело к образованию нужного тюркизма.

Вот так, с начала и до конца, на всех этапах дешифровки писаниц Байчоров неизменно трансформирует их по своему усмотрению и в конечном итоге выдает «протоболгарские тексты». При таком методе дешифровки те же самые рунические знаки можно прочесть не только на протоболгарском, но и на любом другом языке мира.

Косвенным доказательством ротацизма приэльбрусского языка Байчоров считает слово белег, белюх (знак, памятник), вычитанное им в наскальных писаницах и отождествляемое с волжскобулгарским *bälük* 'знак, памятник'. Он полагает, что это слово было присуще только р-языкам и поэтому свидетельствует о ротацизме и приэльбрусского языка. Но такое мнение является ошибочным, ибо белюк/белюг — это общетюркское слово, образованное от древнетюркской глагольной основы *bel* «знать», и присуще всем тюркским языкам без исключения. В Волжской Булгарии оно одинаково часто употреблялось в эпитафиях как 1-го, так и 2-го стиля. Поэтому наличие его в приэльбрусском языке также не может свидетельствовать о его ротацизме.

⁴⁹ Байчоров С.Я. Северокавказский ареал древнетюркской письменности 1977, С. 19—23.

⁵⁰ Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары. 1984, С. 29.

⁵¹ Мухаметшин Д.Г. Хакимзянов Ф.С., Эпиграфические памятники города Булгара, Казань, 1987, С.15.

И, наконец, прямым и непосредственным доказательством ротацизма приэльбрусского языка считают обнаруженное в нем слово чур (сто), якобы употребляющееся вместо общетюркской зетацирующей формы йөз (сто). В приведенных выше материалах Байчорова это слово встречается лишь один раз и притом в том же самом бессвязном предложении «Джгутур учемэ менчур элинче ур бити эшген». Слово чур здесь образовано искусственно от непонятной лексемы менчур путем ее расщепления на два слога (мен+чур) и последующей произвольной семантизации. Поэтому аргументировать этим надуманным словом наличие ротацизма в протоболгарском языке было бы несерьезно, тем более что других подобных примеров в лексическом материале Байчорова не обнаружено.

Таким образом, если даже предположить, что язык рунических памятников Приэльбрусья и в самом деле был протоболгарским, то все равно в лексических материалах Байчорова не имеется ничего такого, что достоверно свидетельствовало бы о ротацирующем характере этого языка. Нужно полагать, что подлинно протоболгарский язык Северного Кавказа был таким же зетацирующим, как и его нынешние преемники — балкарский и карачаевский языки, а также язык болгаро-татар, являющийся преемником волжскобулгарского, ибо все они относятся к одной общей группе тюркских 3-языков.

§ 8. Неудачные попытки найти чувашизмы в венгерском языке.

Сторонники болгаро-чувашской концепции для доказательства чувашезычности волжских болгар придумали еще один аргумент. Они предположили, что, поскольку венгры якобы более 100 лет жили на Средней Волге — в «Великой Венгрии» рядом с булгарами, то в венгерском языке должны быть заимствования чувашеподобных слов, т.е. так называемых чувашизмов, доказывающих чувашезычность болгар.

Исходя из этого предположения, в 1894 году венгерский ученый Б.Мункачи начал искать чувашизмы среди тюркских заимствований в венгерском языке. Другой венгерский ученый Золтан Гомбоц в 1912 году выпустил специальную книгу, где из 800 тюркских заимствований в венгерском языке выделил 227 слов, имеющих чувашские особенности⁵².

После выхода этой работы З.Гомбоца для венгерских ученых, а также для некоторых зарубежных и русских тюркологов мысль о тождестве болгарского и чувашского языков, т.е. болгаро-чувашская теория, стала положением, не требующим доказательств. Поэтому материалы эти никем не проверялись. Между тем первое же знакомство с книгой дает возможность установить следующую объективную картину.

1. Из 227 заимствований 87 слов настолько приспособлены к венгерским произносительным нормам, что их без тщательного фонетического анализа трудно приблизить как к чувашскому, так и татарскому языку, например, *artany* 'очищать', *baj* 'колдовство', *beke* 'подкова', *bika* 'упрямый', *boglya* 'копна', *bü* 'колдовать', *guur* 'давить, связать', *kororso* 'гроб, ящик', *tömenü* 'бесчисленный', *zerge* 'козел' и т.д. Сюда мы включили и такие заимствования, которые фонетически стали далеки от чувашских и татарских слов, но больше напоминают татарские варианты. Например, в венгерском *boglya*, в татарском *богол* 'копна, стог'; в венгерском *artany*, в татарском *арыну* 'очищаться, освобождаться'; в венгерском *tömenü*, в старотатарском *төмән* 'бесчисленный, десять тысяч' и т.д.

2. 44 слова совпадают как с татарскими, так и с чувашскими эквивалентами почти в одинаковой степени. Например, *sörke* 'гнида' — т. серке, ч. шарка; *szakal* 'борода' — т. сакал, ч. сухал и т.д.

Таким образом, из двух предыдущих пунктов 131 слово, т.е. 58%, не могут быть основанием для доказательства того, к какому языку близки эти заимствования: к чувашско-тюркскому или кыпчакско-тюркскому.

3. 43 заимствования находят эквиваленты в татарском языке. Например, *balta* 'топор' — балта; *beke* 'лягушка' — бака; *beke* 'закрытый' — бөке; *cziczkanu* 'мышь' — сычкан; *gözü* 'крыса' — күсе; *gyalom* 'багор, невод' — жылым; *guart* 'сделать, изготовлять' — ярату; *gyöplö*

⁵² Гомбоц З. Zoltan Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. Helsinki, 1912, С. 203—206.

‘связка’ — жәпләү; ildomos ‘мудрый’ — жылдам; kesik ‘поздно’ — кичегү; kobak ‘тыква’ — кабак; kedek ‘пупок’ — кендек; sörgö ‘дрожжи’ — чүпрә; szan ‘считаться’ — санау; szirt ‘хребет’ — сырт; szongor ‘орел’ — шонкар; teker ‘крутить’ — тәкәрмәч; tür ‘сложить’ — төр; tyuk ‘курица’ — таук и т.д.

4. 38 заимствований встречаются как в татарском языке, так и в чувашском, но с особенностями татарского языка, например, al ‘обманывать’ — тат. алдау, чув. ултала; alma ‘яблоко’ или ‘картофель’ — тат. алма, чув. улма; агра ‘ячмень’ — тат. арпа, чув. урпа; bator ‘храбрый’ — тат. батыр, чув. паттар; bors ‘перец’ — тат. борыч, чув. парас; kender ‘конопля’ — тат. киндер, чув. кантар; когом ‘сажа’ — тат. корым, чув. харам и др.

Следовательно, из двух предыдущих пунктов 81 слово, т.е. 35,5% заимствованы венгерским языком из кыпчако-тюркского.

5. Лишь 15 заимствований, т.е. 6,5% можно обнаружить в чувашском языке и с так называемыми чувашскими особенностями: boĵi ‘теленок’, borso ‘горох’, gyom ‘трава’, gyüğü ‘кольцо’, iker ‘близнецы’, ir ‘писать’, köris ‘ясень’, ög ‘молоть, дробить’, ökög ‘бык’, sar ‘грязь, болото’, sarlo ‘серп’, gyüğü ‘кольцо’, szücs ‘скорняк’, tükög ‘зеркало’, ünö ‘корова’.

Таким образом, если в область объектов сравнения З.Гомбоца включить и татарский язык, то лишь 6,5% собранного им материала могут подтвердить теорию близости болгарского и чувашского языков, все остальное, т.е. подавляющее большинство, доказывает несостоятельность этой теории.

Возникает закономерный вопрос: как же объяснить наличие среди этих заимствований нескольких слов с чувашскими особенностями? Объяснить это тем, что болгары являются предками чувашей, мы не можем, ибо ни лингвистические, ни этнографические, ни антропологические данные такое положение не подтверждают. Очевидно, дело здесь — в закономерностях процесса заимствования: как при формировании чувашского языка, так и при заимствовании венграми тюркские слова усваивались финно-угорами. Следовательно, в обоих случаях условия были одинаковыми: тюркские слова воспринимались слухом, привыкшим к финно-угорской речи, воспроизводились устами, привыкшими к финно-угорской артикуляции. Поэтому как в чувашском, так и в венгерском языках можно обнаружить некоторые общие, в одинаковой степени фонетически измененные обычные тюркские слова. Но они и в том, и в другом языке появились не путем взаимовлияния, а совершенно самостоятельно. Это подтверждается и тем, что в материалах Золтана Гомбоца имеется несколько слов с ротацизмом, отсутствующих в чувашском языке или имеющих в нем без ротацизма. Например, gönyü ‘хорек’ — тат. козән (сасы козән), чув. пасара; kago ‘кол’ — тат. казык, чув. шалса; tag ‘плешь’ — тат. таз, чув. кукша или таса в смысле ‘чистый’; tenger ‘море’ — тат. дингез, чув. тинес; tör ‘петля’ — тат. тозак, чув. йала (сёрёнё); tür ‘страдать, терпеть’ — тат. түз, чув. тус.

Золтан Гомбоц позднее сам, видимо, понял необъективность своего сравнительно-исторического исследования и нашел в себе силы отказаться от своих убеждений о проникновении болгарских слов в венгерский язык. Иначе венгерский ученый Ю.Немет не писал бы с сожалением: «От своей старой теории о соприкосновении волжских болгар с венграми Гомбоц не должен был отказываться»⁵³. Таким образом венгры непосредственно не соприкасались с волжскими булгарами и с чувашами. Поэтому придуманные «чувашизмы» в венгерском языке не могли служить доказательством болгаро-чувашской концепции.

Не было на Средней Волге и Великой Венгрии. Если бы венгры когда-то жили здесь, то не только в венгерском языке должны были быть болгарские и чувашские заимствования, но и в болгарском, и чувашском должна была быть масса венгерских слов. Их нет. Констатируя это явление, В.Д.Аракин писал, что вопреки всякому ожиданию в чувашском языке совсем нет мадьяризмов, что в нем есть только финнизмы, которые ошибочно можно принять за мадьяризмы, но они все заимствованы от поволжских финнов, не от венгров⁵⁴.

⁵³ Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир // Археология и этнография Башкирии, Уфа, 1971, С. 261.

⁵⁴ Аракин В.Д. Ошибки в работе Н.Я.Марра по чувашскому языку // Записки Чувашского НИИ. Вып. VIII. Чебоксары, 1953, С. 49.

Следовательно, для доказательства адекватности болгаро-чувашиской концепции факт чувашских заимствований в венгерском языке придуман неудачно.

§ 9. Неудачные попытки отнести чувашизмы в финно-угорских языках к болгарскому языку.

Венгерские ученые, основываясь на утверждении, что когда-то венгры и болгары жили рядом между Волгой и Уралом, старались найти болгаризмы (по их мнению, обязательно с чувашскими особенностями) не только в венгерском языке, но и в финно-угорских языках Урало-Поволжья: в удмуртском, марийском, мордовском и коми-пермяцком. В конце XIX в. венгерский ученый Б.Мункачи наметил изучение трех, ставших впоследствии традиционными, удмуртско-иноязычных контактов: удмуртско-болгарского⁵⁵, удмуртско-татарского и удмуртско-русского. По мнению Б.Мункачи, чувашеподобные болгаризмы начали входить в удмуртский язык с первой половины VIII в., когда появились болгары в Среднем Поволжье⁵⁶.

В самом начале XX в. финский ученый Ю.Вихманн в своем труде оперирует более чем 150 чувашскими заимствованиями, называя их болгарскими⁵⁷. В дальнейшем к этой проблеме обращали внимание венгерские ученые К.Редэи и А.Рона-Таш. В советское время чувашскими (по мнению авторов, болгарскими) заимствованиями в удмуртском языке занимались удмуртовед И.В.Тараканов, чувашевед М.Р.Федотов. Первый насчитал в удмуртском 190 болгарских (чувашских), а второй — 438 заимствований.

С точки зрения влияния болгарского языка (читайте: чувашского языка) изучались и другие финно-угорские языки Поволжья: особенно марийский. «Существование в марийском языке непродуктивных и продуктивных чувашских морфем, — пишет М.Р.Федотов, — говорит о глубокой древности тюркских заимствований, имеющих тысячелетнюю историю, о той силе тюркского влияния, которое пронизало всю морфологию марийского языка»⁵⁸.

Как известно, М.Р.Федотов под чувашским подразумевает болгарский язык.

Действительно, в языках марийцев, мордвы, удмуртов и коми зафиксировано большое количество тюркизмов, среди которых имеются и р-язычные и другие лексические заимствования, характеризующиеся чувашскими особенностями. В их числе есть хозяйственные термины, термины родственных отношений, домашнего быта, но особенно много терминов, связанных с земледелием и домашним скотоводством. Например: чув. *šăkkăġ* 'хлеб', морд. *šukro* 'хлеб', марийск. *сукуг* 'хлеб', *сукуг* 'хлебный каравай'; чув. *šarăk* 'репа', удмурт. *šarġi* 'репа', коми *serkni* 'репа' и т.д. Кроме того, в некоторых финно-угорских языках существуют одинаковые с чувашскими грамматические формы, например, чувашская форма причастия на *-sa* (ср. чув. *tarsa* 'стоя', удмурт. *puktysa* 'стоя', коми *suvtsa* 'стоя'); или чувашская форма реликтового глагола на *-ni* (чув. *sutni* 'светить, свечение', удмурт. *sötny* 'светить' (в выражении *jugyt sötyny* 'святить', ср. венгр. *sütni* 'светить' и т.д.).

Общеизвестно, что в Поволжье и Приуралье еще с древнейших времен складывался тюрко-угро-финский языковой союз. В результате взаимовлияния этих народов отмечаются тюркизмы в финно-угорских и финноугризма в тюркских языках. Некоторые тюркские заимствования в финно-угорских языках действительно характеризуются чувашскими особенностями, и они являются чувашскими заимствованиями. Начиная с конца XIX в., особенно после выхода в свет статьи Н.И.Ильминского «О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками» (1865), многие ученые, опираясь на рассуждения Н.И.Ильминского о чувашеподобности болгарского языка, все чувашские заимствования в финно-угорских языках автоматически начали считать болгарскими. Как мы до сих пор доказывали и будем еще доказывать, болгарский язык в узком смысле этого слова

⁵⁵ фактически чувашского. — М.З.

⁵⁶ Кельмаков В.К. Проблемы взаимовлияния удмуртского и соседних языков в трудах зарубежных ученых // Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР (по материалам автономных республик Поволжья и Приуралья), Казань, 1982, С. 48—49.

⁵⁷ Вихманн Ю. Чувашские заимствования в пермских языках, Хельсинки, 1903.

⁵⁸ Федотов М.Р., 1980, ч. III, 1986, С. 3.

характеризовался особенностями западного — мишарского диалекта татарского языка, в широком смысле слова ему были свойственны особенности языка тюркоязычного населения Волжской Булгарии, который был близок к современному татарскому языку. Поэтому попытки отнести чувашизмы в финно-угорских языках к болгарскому языку также оказались неудачными.

§ 10. Неудачные попытки определить болгаро-чувашские заимствования в русском языке.

Булгаро-чувашская концепция дошла и до русистов. Поверив в ее правильность, некоторые русисты начали искать чувашизмы среди болгарских заимствований в русском языке. Так, в 1918 году А.А.Шахматов и тюрколог А.Н.Самойлович в одном и том же сборнике выпустили свои статьи, посвященные доказательству правильности болгаро-чувашской концепции. Они оба обращают внимание на слово турун ‘праправнук’, ‘распорядитель’, которое встречается в русских летописях и которое, по их мнению, преобразовано от слова тудун ‘распорядитель’, где [д] чередуется звуком [р], следовательно, говорят они, здесь налицо явление ротацизма, т.е. особенность чувашского типа.

Древнетюркское слово тудун хотя и применяется как ‘распорядитель’, но основное его исходное значение было ‘родственник’. Надо полагать, что распорядителями были родственники беков, ханов и т.д. То, что турун не является простым чувашезированным вариантом слова тудун, доказывается наличием таких диалектных слов, как тудыка — двоюродные братья или сестры, тумачи — троюродные, торачи — четвертая степень родства. Торачи и турун восходят к слову түрәү ‘родить’, которое отмечено в темниковском говоре западного диалекта и на территории Пензенской области⁵⁹. Таким образом, слова тудун и турун уже на уровне корня-глагола совпадают (туу, түрәү ‘родить’), поэтому считать, что турун происходит от слова тудун путем ротацизма, нет оснований.

Домонгольские болгарские заимствования в русском языке подробно изучены И.И.Назаровым. Среди этих заимствований нет ни одного слова с чувашскими особенностями, т.е. с признаками ротацизма. Проанализировав домонгольские тюркские заимствования в русском языке, И.И.Назаров приходит к выводу о близости болгарского, хазарского и кыпчакского языков. Также он заключает, что болгары и казанцы говорили на одном и том же языке⁶⁰. В доказательство этого положения автор приводит следующие примеры.

1. Названия лиц по их месту в обществе: аталык, алпаут, амин, баскак, бураложник (от слова боер ‘прикажи’), баш, имильдеши (родственники, вскормленные одной материнской грудью), куштан, калга, киличей (посол), карачи (высшая знать), сунч, сеунчуй, сенунщик (посол, гонец), тафейник (изготовитель тафии — головного убора), улан, улубей (великий), ясаул, чеуш (ординарец), чага (дитя)⁶¹.

2. Термины торговли: алтын, асмачей, башмак, батман, деньги, куман, капторга (застежка), тесьма, таган, шалаш

3. Термины военного дела: батырлык, ертаул (отряд в разведке), сайдак, сагадак, тюфяк.

4. Термины строительства: сал, кош, шатры, чечень (плетень), чулан.

5. Названия, связанные с лошастью: аргамак, игренка, игрен, чик, буланый, карий, чалый, тебенек.

6. Названия, относящиеся к животным и растениям: корсак, барс, зилан, изюм, кичири (морковь), сарана.

7. Виды одежды: кафтан, колпак, кушак, чичак (головной убор девушек), японча (от слова япма ‘покрывало’).

8. Слова, связанные с религией: амир, басма, кафиры, байрам, баграм, дени (вера), курбан, курань (коран), мечеть, намаз, мусульманский, бесерменский.

⁵⁹ Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой Касимовского говора татарского языка Материалы по татарской диалектологии, Казань, 1972, С. 229.

⁶⁰ Назаров И.И. Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской письменности //Учен. зап. Казанского пединститута, Вып. 15, 1958, С. 239.

⁶¹ Назаров И.И., указ.соч. С. 250-273.

Как видно, болгарский язык, оказавший влияние на русский, был языком общотюркским.

В 1976 году Е.Н.Шипова выпустила «Словарь тюркизмов в русском языке», в котором собрано около двух тысяч тюркских заимствований, принятых из аварского, хозарского, болгарского и др. языков. Из них она выделяет 15—20 слов, заимствованных из чувашского языка: кереметь ‘дух зла’, ‘божница’, кашпа ‘головной убор у чув. женщины’, нашмак ‘головной убор’, серьга ‘кольцо’, хирка ‘девочка’, чуклеть ‘приносить жертву’, шаркома ‘женское украшение’, шарпан ‘узкий чув. холст’, ширтан ‘чув. еда’, шура ‘вязкая чистая глина’, яшка ‘чув. похлебка’. Здесь обращаем внимание на то, что среди приведенных примеров нет явления ротацизма.

Словарь Е.Н.Шиповой еще раз доказывает, что вокруг русских жили тюркские племена, говорившие на общотюркском языке. Если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то и в русском обязательно было бы много чувашеподобных заимствований.

§ 11. Начало системного изучения болгарской эпиграфики.

Выявление ошибочности ашмаринской концепции стало возможным позже, благодаря исследованиям эпиграфистов Н.Ф.Калинина, Г.В.Юсупова и др. В частности, проф. Калинину принадлежит заслуга в сборе и систематизации большого количества болгаро-татарских надгробных памятников, которые он четко подразделил на две группы: тюркоязычные эпитафии назвал «памятниками 1-го стиля», а чувашезычные — «памятниками 2-го стиля». Н.Ф.Калинину же принадлежит заслуга в составлении первого в истории каталога болгаро-татарских эпитафий⁶². Г.В.Юсупов в свою очередь составил и опубликовал первый в истории капитальной монографии труд по болгаро-татарской эпиграфике⁶³.

В дело изучения языка надгробных памятников волжских болгар большой вклад внесли еще и Н.И.Воробьев, С.Е.Малов, А.Б.Булатов, А.Рона-Таш, С.Фодор, О.Прицак, Ф.С.Хакимзянов (1987), Д.Г.Мухаметшин (1987), Т.Текин, М.З.Закиев (1977) и др. В работах этих авторов мы находим различные толкования лексических единиц памятников как 1-го, так и 2-го стиля и различные отношения к болгаро-татарской и болгаро-чувашской теориям.

В 60-х годах XX в. окончательно прояснилось, что единой болгарской эпиграфики действительно не существует, что есть два типа разноязычных мусульманских эпитафий, из которых одни написаны на обычном тюркском з-языке, а другие — на чувашеподобном р-языке.

Надгробные памятники 1-го стиля наиболее хорошо изучены и представляют собой типичные мусульманские надгробные стелы с богатой орнаментовкой и изящно оформленной арабской надписью. Верхние кромки этих стел, как правило, закруглены или же килевидно заострены, как это делалось и в других мусульманских странах. Орнаменты и надписи на них вырезаны рельефно, в виде выступов, и тщательно загравируются. Буквы выведены затейливым почерком сульс и насх. Всего таких памятников обнаружено около 150 экземпляров. Распространены они в основном на территории Татарской Республики, но отдельные экземпляры найдены также в Башкортостане, в Ульяновской, Самарской и Оренбургской областях, т.е. на огромной территории бывшей Волжской Булгарии. Судя по их датировке, памятники такие существовали очень долго. Один из ранних памятников данного стиля, обнаруженный на пороге церкви села Ямбухтино Татарстана и описанный Ахмеровым, датирован 1244 годом⁶⁴. Еще более ранний памятник из Билярска, описанный Н.П.Рычковым, но не сохранившийся до наших дней, датирован 1173 годом и также относился, по-видимому, к 1-му стилю, так как датировки надгробий 2-го стиля, написанные на р-языке, до Фейзханова (1863 г.) обычно не расшифровывались.

В эпоху Золотой Орды памятники эти существовали параллельно с вновь появившимися памятниками 2-го стиля, а затем продолжали бытовать и в эпоху Казанского ханства и позже.

⁶² Калинин Н.Ф. Альбом болгаро-татарской эпиграфики в 3-х частях, Казань, 1960.

⁶³ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику, М.-Л., 1960.

⁶⁴ Ахмеров Г. Избранные труды, Казань, 1909, С. 125.

Надписи на этих памятниках сделаны на обычнотюркском. В них сначала приводится молитвенная формула на арабском языке, затем следует имя погребенного с указанием его родословной, званий и земных заслуг, а в конце приводится дата смерти. Эти сведения написаны на обычном тюркском языке. Например: ...Fatima-elci binte Äjüb ibn Mäčkä ibn Junus äI-Bolğari jegermi iki jašindä vafat boldy... hiçrätdän jete jüz unberdä... «Фатима-елчи дочь Аюпа сына Мэчкэ сына Юсуфа Булгарского скончалась в 22 года... по хиджри в 711 году...» (т.е. в 1311 году). Вот еще пример: ...ğalimlearnı tärbiä qylğan häm alarny sügän mäscitläř ğyjmärät qyjlgan...tamğasy Ibrahim as-Suari vafat bulğan, bu — tarih jeti jüz un türtençedä, cumadi... ajynuñ un altynçu köni irdi... «...содержатель и любящий ученых, строитель мечетей, сборщик пошлин Ибрагим ас-Суари скончался, это было в 714 году истории в месяц джумади четвертого числа...» (в 1314 году).

В этих эпитафиях мы встречаем собственно болгарские тахаллусы (ал-Булгари и ас-Суари), а имена погребенных, включая имена их отцов и дедов, почти все являются мусульманскими. Язык памятников обычнотюркский, на основе которого сформировался затем болгаро-татарский национальный язык.

Памятники 2-го стиля представляют собой небольшие надгробные плиты, размером примерно 120x60 см, имеющие обычно грубую внешнюю отделку и короткие надписи. Они сделаны не рельефными, а врезанными в камень буквами.

Кроме того, в отличие от памятников 1-го стиля, памятники эти имеют форму прямоугольника (без заостренного верха), чем напоминают древние чувашские языческие надгробия. Однако, если чувашские каменные надгробия имели на лицевой стороне лишь традиционные выемки и тамгу погребенного, то для памятников 2-го стиля характерны арабская надпись и несложный орнамент. Чтобы придать такой прямоугольной плите вид мусульманского надгробия с острым верхом, у ее верхней кромки с лицевой стороны рисовали так называемую «арку с плечиками», т.е. снимали фаску по углам плиты выше дугообразно проведенной линии, и тем самым передняя плоскость плиты обретала как бы заостренный верх и вид михраба древних мечетей, хотя задняя сторона ее оставалась прямоугольной. Ниже такой арки вырезали несложный орнамент в виде восьмилепесткового цветка ромашки, а текст эпитафии писался под орнаментом. Надписи делали всегда угловатым почерком куфи или полукуфи.

Как по своей внешней форме, так и по тексту эпитафий, памятники не имеют аналогов в остальном мусульманском мире, кроме как в Дагестане. Существовали они весьма недолго: в эпоху болгарского ханства их еще не было, и появились они уже после нашествия монголов: самый ранний памятник датирован 1281 годом и самый поздний 1361 годом, после чего они внезапно исчезли и больше не появлялись.

Несмотря на такое кратковременное существование, было изготовлено их очень много (описано более 200 экземпляров), что намного превышает количество одновременно изготовленных памятников 1-го стиля. Наибольшее количество их было изготовлено в 1313—1342 годах, т.е. в дни царствования золотоордынского хана Узбека.

Распространены они на небольшой территории, в радиусе около 150—200 км вокруг низовьев Камы, а на дальних окраинах Булгарии и в других улусах Золотой Орды они не обнаружены. Находятся они, как правило, на татарских кладбищах или вблизи татарских селений, а в чувашских селениях и на территории Чувашии не обнаружены, за исключением трех пограничных с Татарстаном селений (Байглычево, Байтеряково, Полевые Бикшики).

Характерно, что территориально они не изолированы от памятников 1-го стиля: в одних и тех же селениях, на одних и тех же кладбищах обнаружены памятники как 1-го, так и 2-го стиля: были даже случаи, когда на могиле отца находился памятник 1-го стиля, а на могиле его сына — памятник 2-го стиля.

Особо следует сказать о языке этих эпитафий. Все они написаны на смешанном арабо-болгаро-чувашеподобном языке: сперва приводится какой-нибудь аят из Корана на арабском языке, затем следует имя и отчество погребенного (притом имена погребенных, как правило, мусульманские, а отчества зачастую тюркские, т.е. языческие); болгарских тахаллусов «ал-Булгари», «ас-Суари» не имеется; в конце эпитафий на тюрко-чувашском языке приводится дата смерти. Например: Al-xökmü li-l-lahi-l-ğäliji-l-käbiri. İljas auli İsmäğil auli Möhämmäd bälükü.

Räxmätü-l-lähi galaihi räxmätän vasigätän. Tarix ceti cur altysy cal zu-l-qagidä ajxu išna äči. Ćarimsän syvna barsa v(i)lti. «Суд бога всевышнего, великого. Памятник Мухаммеда, сына Исмагила, сына Ильяса. Милостью бога всевышнего, безграничного, по летосчислению в семьсот шестом году, в месяце зулькагида свершилось. Умер, отправившись на реку Черемшан». Притом последняя фраза «Умер, отправившись на реку Черемшан» написана почти на чувашском языке и соответствует нынешнему выражению: «Черемшан шывне пырса вилче».

Поскольку такие чувашезычные части эпитафий крайне лаконичны, лексический состав их весьма не богат. Среди типичных чувашизмов часто повторяются слова: cal 'год', ajx 'месяц', ärnä 'неделя', ärnäkön 'пятница', kici-ärnäkön 'четверг', ханкön 'среда' хус-kön 'воскресенье'(?), ärnäbaš-kön 'понедельник' (?), baluk 'памятник', šuv 'вода', jal 'селение', išnä 'внутри', mün 'большой', böčök 'маленький', ašli 'старший', aškä 'отец', küköca 'дед по матери', oul или yul 'сын', хиг или hig 'дочь', higxum 'невольница', ves 'три', tuat 'четыре', bial или bel 'пять', ceti 'семь', säkär 'восемь', toxg или toxug 'девять', von 'десять', ciarm 'двадцать', otug 'тридцать', хугух 'сорок', säkärvon 'восемьдесят', toxugvon 'девяносто', Vug 'сто', cet-cur 'семьсот', tuatm 'четвертый', bialm 'пятый', Viarmins 'двадцатый' и т.д. Из примеров уже видно, что язык этих эпитафий, как и чувашский язык, отличался, во-первых, ротацизмом, то есть закономерным замещением з — р в ауслауте и инлауте (вместо adna употреблялось arna 'неделя', вместо sakiz — sakar 'восемь', вместо toguz — toxug 'девять', вместо Vuz — Vog 'сто' и т.д); и, во-вторых, отличался ламбдаизмом, то есть замещением ш — л: вместо biš употреблялось bel 'пять', вместо ešik употреблялось elik 'дверь' и т.д. Иными словами, если язык эпитафий 1-го стиля, как и все прочие тюркские языки был з-ш-языком (сокращенно з-языком), то язык эпитафий 2-го стиля, как и чувашский, был р-л-языком (сокращенно — р-языком). Кроме того, языку эпитафий 2-го стиля, как и чувашскому, были присущи и другие особенности монгольских языков. В частности, в нем, как и в монгольском, отсутствовали анлаутные k, q; поэтому вместо qugug употреблялось хугух 'сорок', вместо kuz употреблялось хиг 'дочь' и т.д.

§ 12. Сравнительное изучение лексического состава болгарской эпитафики 2-го стиля с чувашским и болгаро-татарским языками.

Как мы уже поняли, тюркский язык эпитафии 1-го стиля болгаро-чувашисты и татаро-татаристы относят к татарскому языку, привнесенному, по их мнению, извне монголо-татарскими завоевателями, а болгаро-татаристы — к болгарскому языку, переросшему затем в современный татарский язык. Тюркский язык эпитафии 2-го стиля болгаро-чувашисты и татаро-татаристы считают чувашеподобным болгарским языком, а болгаро-татаристы — смешанным болгаро-чувашским языком, которым пользовались чуваша, находящиеся из-за принятия ислама на стадии освоения болгарского языка вместо своего прежнего чувашского.

Сторонники болгаро-чувашской концепции для того, чтобы доказать чувашезычность эпитафики 2-го стиля все имеющиеся там тюркские слова сравнивают только с чувашским языком, не включая при этом в орбиту сравнения болгаро-татарский язык. Поэтому результаты анализа, проведенные ими, например, венгерскими лингвистами А.Рона-Ташем и С.Фодором⁶⁵, а также турецким ученым Т.Текином⁶⁶, несколько односторонни. Они приходят к лежавшему на поверхности выводу о чувашезычности болгарской эпитафики 2-го стиля.

Наш нижеприведенный анализ лексического состава эпитафики 2-го стиля основан на тюркских словах, приведенных в трудах А.Рона-Таша и С.Фодора, а также Талата Текина. Для сравнения с чувашским и татарским языками в их трудах можно выделить 50 тюркских слов и арабских заимствований, в той или иной степени сохранившихся в чувашском и татарском языках.

Сравнение тюркского лексического состава с татарским и чувашским языками представлено в нижеследующей таблице.

⁶⁵ Rona-Taş A. Fodor S. Epigraphica Bulgarica. A Volgai Bolgar. Türokeliratok. Szeged, 1973.

⁶⁶ Talat Tekin. Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarcaşı, Ankara, 1988.

№ п/п	Написано в эпитафии	Возможное прочтение	Татарский разговорный вариант	Чувашский вариант	Значение
1	احيرت	ахи рэт	ахи рэт	—	загробный мир, подруга
2	اطى	алты	алты	ултă	шесть
3	اطشى	алтышы (алтысы)	алтышы (алтысы)	ултта улттамёш	шестой
4	ايح	айхы	ай (айгы)	уйăх	в месяце
5	اول	ыулы (ăwli) ¹	ыулы	ывăле	его сын
6	باطوى	былтыйы (balıwı)	былд ^т ыйы	пулнă (пулде)	был
7	باقى	бакый	бакый	—	вечный
8	باطوى	баттыйы (batıwı)	баттыйы	путнă (пулдё)	утонул
9	بلج	блежэ	бишенче	пиллĕкмёш	пятый
10	بلوى ك	белүе ки	белүе ки	палăк	знак это
11	برو	берү (берәү)	бере(нче)	пёр(рёмёш)	первый
12	برج	бережэ	беренче	пёррёмёш	первый
13	بيالم	биәлем	бишенче	пиллĕкмёш	пятый
14	دينان	дөнъядан (dınıagan)	дөнъядан	(тёнче)ран	из мира
15	كا	ике	ике	иккĕ	два
16	اكشى	икеше	икенче	иккёмёш	второй
17	الو (ال)	(илле) әлү	илле	аллă	пятьдесят
18	اج - ات	ижэ-ите	ийе-ид'е	-чĕ	(показ. прош. вр.)
19	فانى	фани	фани	—	тленный, бранный
20	هيحرت	хижрэт	хижрэт	—	мусульман. летосчислен.
21	هيو (حير)	хир	кыз (хур)	хёр	дочь. гурия (святая)
22	حرح	хырх	кырык	херех	сорок
23	هيو حوم	хирхум	кыркын	хăрхăм	невольница
24	الونى	әрне	атна (әднә)	ёрнĕ	неделя
25	جال	жыл (жал)	жыл	çул	год
26	حيرم	жирем	жегерем	çирĕм	двадцать
27	حيرميشى	жиремеше	жирменче	çирĕммёш	двадцатый
28	حيات	жжете	жид ^{те}	çичĕ	семь
29	حياتشى	жжетеше	жид ^{те} енче	çичĕмёш	седьмой
30	حور	жүр (жөд)	жөз (жөд)	çёр	сто
31	كوحلوى	күчдейе (кьсгьwi)	күчте ийе	куçнĕ	переселился было
32	كوان	куән (көн)	көн	кун	день
33	محرم	мөхәrrәм	мөхәrrәм	—	назв. 1-го лун. месяца

34	رجب	<i>рәҗәп</i>	<i>рәҗәп</i>	—	назв. 7-го месяца
35	رمضان	<i>рамазан</i>	<i>рамазан</i>	—	назв. 9-го месяца
36	سفر	<i>сәфәр</i>	<i>сәфәр</i>	—	назв. 2-го месяца
37	سکر		<i>сигед</i>	<i>саккәр</i>	восемь
38	تاریخ	<i>сәкр, сәкд</i>	<i>тарих</i>	—	время. история
39	طنوی	<i>тарих</i> <i>тындыйы</i> <i>(tɪŋɨwi)</i>	<i>тындыйы</i>	<i>тәннә (тәнрә)</i>	успокоился, скончался было
40	طوحر		<i>тугыд</i>	<i>тәхәр</i>	девять
41	توانم	<i>тухр</i>	<i>дүртенче</i>	<i>тәваттәмеш</i>	четвертый
42	وفات	<i>туатм</i>	<i>вафат</i>	—	смерть
43	وان	<i>вафат</i>	<i>вын</i>	<i>вун</i>	десять
44	وانم	<i>вын</i>	<i>вынынчы</i>	<i>вуннәмеш</i>	десятый
45	وجم	<i>выным</i>	<i>өченче</i>	<i>виçсәмеш</i>	третий
46	وטר	<i>вәҗм</i> <i>утр (утыд)</i>	<i>утыз</i> <i>(утыд)</i>	<i>вәтәр</i>	тридцать
47	زیرت	<i>зиарат</i>	<i>зиарат</i>	—	кладбище, могила
48	الاه رحمت	<i>алла рәхмәте</i>	<i>алла</i> <i>рәхмәте</i>	—	милость божья
49	انشا الاله		<i>инша алла</i>	—	бог даст
50	بسم الاله	<i>инша алла</i> <i>бисмилла</i>	<i>бисмилла</i>	—	с именем аллаха

Для того чтобы доказать близость языка эпитафии к чувашскому языку, обычно берутся только те эпитафии, которые могут иметь какое-то отношение к соответствующим чувашским лексемам. Кроме того, из сферы сравнения обычно исключают татарский (особенно разговорный) язык, который сформировался на территории Булгарского государства и имеет непосредственное отношение к языку болгарской эпитафии. В лучшем случае включают или древнетюркский язык, или тюркский литературный язык, привнесенный в Поволжье из Караханидского государства, которые вряд ли могли иметь непосредственное отношение к языку эпитафии. Такой методики исследования, введенной в свое время Н.И.Ашмариним, придерживаются все сторонники булгаро-чувашской теории. С учетом этого в таблицу для сравнения включены слова татарского разговорного языка. Кроме того, мы дали новые варианты чтения некоторых слов, совпадающих с татарскими диалектными словами. Однако в первый вариант сравнительного анализа мы включили общепринятое до сегодняшнего дня прочтение слов, исправляя лишь явно ошибочные. Первый вариант лексического анализа выглядит так:

1. 15 заимствованных из арабского языка слов эпитафии вошли в словарный фонд татарского языка, активно применялись в старотатарском и применяются в современном татарском языке, проникли даже в разговорный язык. Если бы чувашский язык представлял собой продолжение болгарского, то в нем сохранилось бы хоть одно из этих заимствований.

2. Все другие слова тюркского корня в той или иной форме можно найти как в татарском, так и в чувашском языках, кроме, пожалуй, двух: блеже (пятый), туатм (четвертый). Этих корней в таком значении в татарском языке нет. Корень слова блеже сохранился в слове беләк (рука). Корень второго слова туатм восходит, вероятно, к слову дүрт, получившему значительное изменение в бесписьменной диалектной речи. Как бы то ни было, эти два слова

сохранились более отчетливо в чувашском языке.

3. 22 слова, сохранившиеся как в татарском, так и в чувашском языках, по фонетическому облику значительно ближе к их татарским разговорным соответствиям: *алты, алтышы, улы, былтыйы (булды ийе), баттыйы, белүе ки, берү, береже, ике, икеше, ите (иже/ийе), жәл (жыл), жиерме, жиермеше, жиете, жиетеше, күчдейе, көн, тындыйы, уын, уыным, үҗем (өчөм).*

4. 11 слов, сохранившихся как в чувашском, так и в татарском языках, по фонетическому облику значительно ближе к их чувашским эквивалентам: айхы, биэлем, эллү, хырых, һирхум, сэкр, тухр, жур, утыр, ирне, һир.

Таким образом, первый вариант лексического анализа приведенных слов дает следующую картину. Сохранились только в татарском языке — 30 процентов, только в чувашском — 4 процента слов. Остальные 66 процентов слов наблюдаются в обоих языках, однако 2/3 из них значительно ближе к татарскому языку. В итоге, из 50 слов эпитафии тяготеют к татарскому языку — 74 процента, т.е. три четверти, к чувашскому — 26 процентов, т.е. всего четвертая часть. Это естественно: анализ любого древнего тюркского текста может дать аналогичную картину, ибо татарский и чувашский языки являются тюркскими. Поэтому из анализа должен быть сделан вывод о близости языка эпитафии этой группы (2-го стиля) и татарскому общенародному (обычно-тюркскому) языку, и чувашскому. Мы можем говорить лишь о влиянии языка чувашского типа на язык эпитафии (2-го стиля). Такое влияние стало возможным, по-видимому, только из-за того, что мастерами-изготовителями надгробных камней служили чуваша (суасламари), которые, будучи мусульманами, затем ассимилировались среди обычно-тюркоязычных болгар.

Окончательная ассимиляция чувашей-мусульман произошла где-то в 60-х годах XIV столетия, так как самый последний памятник, написанный на чувашеподобном языке, датировался 1361 годом. Притом исчез этот тип памятников весьма внезапно, что трудно объяснить лишь ассимиляционными процессами, поскольку лингвистические процессы в обществе не совершаются мгновенно. В 1361 году Булгарский улус был полностью разгромлен войсками золотоордынского князя Булат-Тимура, что и послужило, по-видимому, непосредственной причиной исчезновения традиций ортодоксов. Именно тогда прекратилось производство каменных надгробий как первого, так и второго стиля. После этого лишь спустя двадцать лет, то есть в 1380-х годах, снова стали появляться каменные стелы, но уже смешанного типа и без чувашизмов. Очевидно, к тому времени новое поколение мастеров полностью утратило свой чувашский язык. Хотя отдельные представители чувашского народа переходили в ислам и после этого, но делали это уже не целыми общинами, а лишь поодиночке и притом владея болгаро-татарским языком. Поэтому более поздние эпитафии писались исключительно только на болгаро-татарском или на арабском языках.

Таким образом, анализ языка болгарских эпитафий доказывает, что эта эпиграфика не может доказать адекватность болгаро-чувашской концепции.

§ 13. Неудачные попытки одобрения болгаро-чувашских штудий А.Рона-Таша некоторыми татарскими историками.

Как сказано выше, венгерский ученый болгарскими считает только эпитафии 2-го стиля и язык их относит к чувашскому языку. Исходя из этого, он признает чувашей непосредственными потомками болгар, а татар — непосредственными потомками монголо-татарских завоевателей. В 1999 году А.Рона-Таш выпустил большую монографию на английском языке «Hungarians and Europa in the Early Middle Ages: An Introduction to Hungarian History»⁶⁷. Этот труд заслуживает объективной оценки.

В книге М.Усманова «Гасырдан-гасырга»⁶⁸ я обнаружил рецензию на этот труд А.Рона-Таша, написанную М.Усмановым и А.Арслановой: «Бер гыйбрәтле тарихи хезмәт хакында»⁶⁹,

⁶⁷ Венгры и Европа в начале средних веков: Введение в историю Венгрии. Будапешт, 1999, С. 566.

⁶⁸ Усманов М., Гасырдан-гасырга, (Из века в век), Казань, 2004, С. 488.

⁶⁹ Усманов М., С. 45—69.

где авторы пытаются дать оценку точке зрения А.Рона-Таша относительно чувашезычности болгарской эпиграфики и об идентификации болгар с чувашами. Так как рецензенты никогда не занимались данными проблемами, постольку точка зрения А.Рона-Таша и его оппонента (М. Закиева) описывается весьма запутанно и тенденциозно. Приведем целый абзац из рецензии М.Усманова и А.Арслановой.

Сүз унаенда тагын бер мәсьәләгә тукталып узыйк. А.Рона-Ташның болгар теле үзенчәлекләренә карата элек тә әйткән әлегә фикерләре кайбер тел белгечләренә (мәсәлән М.З.Закиевнең) кискен рәвештә каршы чыгуына очраган иде. Фикер белән килешергә теләмәү бер нәрсә, ләкин болгар эпиграфияләренә бер өлешендәгә чуашчага якынак элементларның реальгә бөтенләй икенче нәрсә. Мондый сыйфатларны бернинди «югарыдан төшкән» күрсәтмәләр яисә төрлечә тартып-сузулар белән дә үзгәртеп булмады хәзергә һәм булмас та кебек. Заманында татар кешесе Хөсәен Фәйзханов тарафыннан ачылган, соңрак күпчелек компетентлы лингвистлар тарафыннан кабул ителгән караш киләчәктә дә аерым шәхесләренә ихтыярларына (теләү-теләмәүләренә) буйсынмас шикелле. Болгарчыларның бер бәләсе, фикеребезчә, Болгар дәүләтендәгә халыкларның һәммәсе дә бер генә диалектта сөйләшкән кавемнән булган дип, тар карашлы позициядә торулары белән аңлатылса кирәк. А.Рона-Таш исә, күргәнәбезчә, реаль чынбарлыкка төртеп күрсәтә торган конкрет фактлар нигезендә мәсьәләгә киңрәк карап фикер йөртә — бер дәүләт эчендә төрле диалектларда сөйләшкән кардәш кавемнәр булу идеясен алга сөрә... Ниһаять, шуны да өстәргә кирәк: язма чыганаclar да, археологик истәлекләр дә, антропологик материаллар да ачык күрсәткәнчә, Идел-Кама Болгар дәүләте күп этнослы, ягъни, хәзергәчә әйтсәк, күпмилләтле дәүләт булган. Шуңа күрә «болгар мирасы» өчен талашып, ызгышып ятуның мәгънәсе бик чамалы. Чын гыйльми бәхәс исә реальгә расланган фактлар нигезендә булырга тиеш...⁷⁰.

Необходимо прямо сказать, что здесь чувствуется стиль М.Усманова, который ближе к художественному, чем к научному. И в других статьях он сначала придумывает себе оппонентов, к сожалению, не называя их и не указывая на источники их мнений. В очень редких случаях он называет фамилию своего оппонента, не указывая источник, искажает его мысли, затем с серьезным видом начинает излагать свои якобы обоснованные мысли против вымышленных мнений оппонентов. Хотя такой стиль для живости изложения в художественных произведениях иногда и допускается, но совершенно неприемлем в научном тексте. В вышеприведенном отрывке рецензии М.Усманова и А.Арслановой мы наблюдаем это весьма отчетливо.

Здесь сначала речь идет о том, что М.Закиев еще раньше подвергал резкой критике мнение А.Рона-Таша об особенностях болгарского языка. В языке некоторой части болгарской эпиграфики А.Рона-Таш обнаружил чувашские элементы, а М.Закиев как бы отрицал наличие их в этих памятниках. В каком именно труде М.Закиев говорил об этом, в рецензии не указано. В действительности же М.Закиев в своих трудах даже перечислял чувашские слова, выводил их проценты из общей массы лексических единиц болгарской эпиграфики. Наличие или отсутствие чувашских слов в болгарской эпиграфике никогда не было предметом спора между А.Рона-Ташем и М.Закиевым. Это — заблуждение рецензентов.

Следующая выдумка М.Усманова и А.Арслановой заключается в том, что А.Рона-Таш, находя чувашские элементы в болгарской эпиграфике, хотел доказать якобы многодиалектность народа Булгарского государства, т.е. якобы наряду с обычным болгаро-тюркским признавал наличие чувашезычного диалекта. Рецензенты просто не поняли А.Рона-Таша. Ведь он во всех своих трудах полагал, что у болгар не было обычного тюркского языка, что болгары говорили только на чувашеподобном языке. Кроме того, рецензентам надо было принять во внимание тот факт, что чувашский язык не может выступать диалектом общотюркского языка! Это — разные языки, а не диалекты. Рецензенты утверждают, что болгаристы вроде М.Закиева из-за узости своих взглядов представляют народ Булгарского государства однодиалектным, т.е. они отрицают многонациональность болгар, а вот А.Рона-Таш, по их мнению, в этом вопросе поступил якобы правильно.

⁷⁰ Усманов М. Госманов Миркасым. Гасырдан гасырга, Казань, 2004, С. 53.

Как уже было сказано, А.Рона-Таш никогда не ставил своей целью показать многодиалектность болгар, у него была одна цель: доказать, что к болгарам относятся лишь памятники 2-го стиля, что они написаны якобы только на чисто чувашском языке, что болгары были однодиалектными, т.е. только чувашезычными, что потомками болгар являются чувашаи. Свою ошибочную установку доказать чувашезычность болгар А.Рона-Таш излагает не только в своих вышеупомянутых двух монографиях (изданных в 1973 и 1999 годах), но и в других работах. Так, в статье «Периодизация и источники истории чувашского языка»⁷¹. А.Рона-Таш выделяет четыре периода в истории чувашского (?) языка: древнеболгарский, староболгарский, среднеболгарский и новоболгарский. По его мнению, среднеболгарский период начинается со времени краха Волжской Булгарии и характеризуется интенсивными этническими процессами: часть болгар подверглась татаризации, другая часть вступила в тесные контакты с финно-уграми. Новоболгарский период это, по другой терминологии, используемой автором, — чувашский период. Данное мнение наверняка повторяется и в его монографии, оно по душе М.Усманову и А.Арслановой. Далее, в своих нескольких статьях, опубликованных в другом сборнике научных трудов «Studies in Chuvash etymology»⁷², А.Рона-Таш пытается находить в татарском языке слова волжско-болгарского происхождения и объясняет их при помощи чувашского языка. В его статьях красной нитью проходит идея отождествления болгар с чувашами, а татар — с завоевателями края — монголо-татарами. Эту мысль он излагает и в своих монографиях, в том числе и в книге, рецензируемой М.Усмановым и А.Арслановой. Мы уже знаем, что рецензенты не только полностью согласны с мнением автора, но и старательно защищают его от тех, кто с ним не согласен.

Необходимо напомнить о том, что не болгаристы, а именно ордынцы до сих пор стараются показать болгар незначительной народностью, недостойной быть предшественницей «великих» татар. По их мнению, именно потому, что болгары были мелкой односоставной народностью, Сталин и компартия навязали их татарам.

М.Закиев, выступая против современных татарских ордынцев вроде М.Усманова, многочисленными данными доказал, что болгары в болгарском государстве были титульной народностью, и все те племена, которые вошли в состав этого государства, за три столетия постепенно обугарились. К таким он относит племена со следующими этнонимами: ас/яс, суас, буртас, остяк/иштяк, сөн, кусөн/касан, савир/сабир, авар, угор, утригур, бигер/бияр, кунгур, мишар, курук, паскарт и др.⁷³. Обугарилась и часть чувашей, финно-угров, которые остались непосредственно в составе болгар и приняли ислам.

Рецензенты труда А.Рона-Таша здесь преднамеренно искажают мнения и А.Рона-Таша и М.Закиева. Такое преднамеренное искажение мнений своих оппонентов и стремление таким образом показать свою правоту называют обычно профанацией науки.

Всем тюркологам, более или менее знакомым с проблемами болгарской эпиграфики, известны и не вызывают никаких споров вопросы о наличии чувашских элементов в языке болгарской эпиграфики, а также о многоэтничности болгарского народа. Вряд ли А.Рона-Таш в своей новой книге уделила внимание этим вопросам. Поэтому рецензенты, якобы защищая позиции А.Рона-Таша по этим вопросам, оказали ему лишь медвежью услугу.

На самом деле суть разногласий между А.Рона-Ташем и М.Закиевым в оценке болгарской эпиграфики заключается в том, что А.Рона-Таш на основе изучения языка лишь второго стиля болгарской эпиграфики считает, что болгары говорили на чувашеподобном языке, потомками болгар являются чувашаи; а М.Закиев на основе изучения обоих стилей болгарской эпиграфики приходит к выводу, что язык первого стиля является болгарским, а второго стиля — языком самих чувашей-мусульман, находящихся на стадии принятия болгарского языка вместо своего прежнего чувашского языка. Это мнение принадлежит не только М.Закиеву, так думали В.В.Радлов, Г.Ахмеров, Н.Ф.Катанов, Г.Газиз, Г.Рахим, К.Мусаев, Г.Саттаров, А.Мухаммадиев и др.

⁷¹ Стр. 113—169 в сборнике научных трудов «Chuvash studies» / Ed. by Rona-Taş A. Budapest: Akad. Kiado, 1982. 306 p.

⁷² Ed. by Rona-Taş A. Szeged, 1982. 240 p.

⁷³ Закиев М.З. Тюрки-татар этногенезы, Мәскәү 1998, С. 235—307.

Рецензенты здесь критикуют М.Закиева за то, что он, по их мнению, против многодиалектности болгар, тогда как сам М.Закиев в своих трудах доказывает многодиалектность болгар. Так рецензенты, находясь на позициях М.Закиева, ведут ожесточенную борьбу против его же несуществующих взглядов. Если бы они поняли суть вопроса, поднятого А.Рона-Ташем и М.Закиевым, то им не пришлось бы сражаться с ветряными мельницами, принимая их за великанов.

Вывод авторов рецензии не совсем прозрачен. По их мнению, поскольку болгарский народ был многоэтничным, нет смысла спорить о том, кому принадлежит «болгарское наследие». Следовательно, рецензентов не волнует судьба «болгарского наследия», их устраивает учение А.Рона-Таша, на основе которого многие чувашские ученые болгарское наследие оставляют за собой, а татар считают остатками монголо-татарских завоевателей. Если эту теорию считать обоснованной, как это признают М.Усманов и А.Арсланова, то остается только одно: полностью встать на позицию А.Рона-Таша и болгар вообще убрать из татарской истории, передать все болгарское чувашскому этносу.

К сведению М.Усманова и А.Арслановой, а также самого А.Рона-Таша, повторюсь: если бы надгробные памятники второго стиля написали сами чувашезычные болгары, если бы поэтому чуваша были непосредственными потомками болгар, то все этнические особенности болгар сохранились бы у чувашей. Очевидно, что у последних их нет, а у татар они сохранились. Это не учитывается ни А.Рона-Ташем, ни его рецензентами. А вот сами чувашские ученые на это обратили внимание и отказались от признания своими предками болгар-мусульман. В Чувашской энциклопедии пришли к заключению, что «чувашский этнос сформировался на базе не принявшего ислам земледельческого болгарского населения, расселившегося на Правобережье Волги..., частично ассимилировавшего финно-угров на севере Чувашии»⁷⁴. В то же время в другой статье отмечается, что «Чувашский язык... относится к болгарской группе тюркской языковой семьи и представляет собой единственный живой язык этой группы»⁷⁵. Таким образом, чего добивался А.Рона-Таш в своих исследованиях, полностью принято чувашскими учеными и рецензентами книги А.Рона-Таша.

Не надо забывать, что чуваша представляли собой финно-угров, называемых веда. И миссионерский съезд 1910 года пришел к выводу о первоначальном родстве чувашей-язычников и финно-угорских племен⁷⁶. Финно-угорязычные веда тесно общались с тюркоязычными суасами, приняли от них тюркский язык и этноним суас/чуваш. При исследовании чувашской проблемы, не учитывать этого также нельзя.

Таким образом, старания М.Усманова и А.Арслановой во что бы то ни стало защитить болгаро-чувашскую концепцию ученого А.Рона-Таша от принципиальной критики какого-то Закиева оказались лишь неудачными попытками понять суть проблемы этнической взаимосвязи болгар, татар и чувашей.

§ 14. Обычнотюркоязычность болгар доказывается еще тем, что арабы называли болгар тюркским этнонимом сакалиба.

В 921 году царь сакалиба из племени болгар Алмас⁷⁷ сын Шилки просил Багдадского халифа направить в страну сакалиба посольство для официального принятия ислама с тем, чтобы освободиться от подчинения хазарам, принявшим иудейскую религию. В 922 году в страну сакалиба — Булгар — прибыло арабское посольство под руководством Сусана ар-Раси. Секретарем посольства был Ахмед Ибн-Фадлан, который вел подробные путевые записи и описание страны и народа сакалиба — болгар. В этих записях, которые изданы сейчас под названием «Книга Ахмеда Ибн-Фадлана», страна и народ называются в основном термином сакалиба, а царь Алмас сын Шилки также представляется как царь сакалиба. Лишь по прибытии, после личного знакомства с Алмасом Шилки и после того, как он узнал о том, что

⁷⁴ Краткая чувашская энциклопедия, 2001, С. 465.

⁷⁵ Там же, С. 486.

⁷⁶ Шарафутдинов Д.Р. Документы миссионерского съезда, 2005, С. 67.

⁷⁷ Алмуш — неправильная транслитерация.

еще до его прибытия Алмасу на минбаре произнесли хутбу: «О, Аллах! Сохрани царя Йылтуара⁷⁸ — царя болгар!», и после того, как Алмас Шилки принял арабское имя Джагъфар, дал своему отцу имя Абдулла, Ибн-Фадлан, наконец, сам произнес хутбу: «О, Алла! Сохрани [в благополучии] раба твоего Джагфара Ибн-Абдаллах, повелителя [эмира] болгар, клиента повелителя правоверных»⁷⁹, лишь после всех этих церемоний Ибн-Фадлан объявляет Алмаса Шилки царем болгар. И далее при описании страны Ибн-Фадлан снова применяет выражение «царь сакалиба».

Этноним сакалиба представляет собой общее название так называемых «дотюркских» тюрков⁸⁰. Он образован по тюркской модели вторичных и третичных этнонимов из частей сака+лы+ба, где сака/сак — древнее общее название тюрков, -лы — этнонимобразующий аффикс, ба — сокращенный вариант первичного тюркского этнонима бай/пи/би/бек.

Для ясности здесь повторим некоторые данные о тюркских первичных и вторичных этнонимах.

Саки в Евразии зафиксированы в связи с описанием Геродотом событий VII—V вв. до н.э. Саков он относит к скифам.

Тюркский ли этот этноним сака/сак? Да, в традиционной тюркологии и индоиранистике саки отнесены к ираноязычным племенам, и этноним сака считается иранским в смысле 'рога'. Но он сохранился среди тюркоязычных народов: саха — якуты, казах<косаккыпчак 'белые саки', поэтому тюркологи считают его первичным тюркским этнонимом.

Сакалы/сакали — вторичный тюркский этноним, образован при помощи этнонимобразующего аффикса -лы. Сакалы — 'племя с саками'. Сакалы зафиксировано и в записях Геродота как общее название многих скифов в форме сколот, где последний звук [т] к карачай-балкарскому окончанию множественного числа -та(р)/-ла(р), оставшаяся часть сколо восходит, по-видимому, к сакалы. Кроме того, Ибн-Фадлан отмечает, что среди болгар живет племя ъскль, по-видимому, это сакалы, но при редуцировании первого [а] перед [ск] неизбежно появляется редуцированный звук [а—ъ]: ср.: скафандр — тат. произн. ъскафандр.

Этнонимобразующий тюркский аффикс -лы имеет фонетический вариант -ды, при помощи которого на основе первичного этнонима сака образован вторичный этноним сакады/съкъдь, другое название саков. Съкъдь в результате перехода интердентального [д—th] в [ф], в старорусском языке начали произносить как скиф. Таким образом, сакалы/сакали — фактически скифы.

Но сакалы — не просто скифы, а 'богатые скифы', т.е. они сакалиба 'баи скифские'. Здесь ба представляет собой усеченный вариант первичного тюркского этнонима бай/би/пи.

Не случайно, Геродот упоминает саков рядом с каспиями и хорасмиями. Ведь этноним каспи — это тюркский этноним, обозначает пиев/баев среди скал (кас), хорасмии — также тюрки *һуар+ас+ым/суар+ас+ым* 'мои асы суарские'. Кстати, этноним бай в усеченном виде представлен и в этнонимах туба 'горные баи', бараба 'баи бары, т.е. баи, имеющие богатство'.

Таким образом, сакалиба — это тюркское название тюркоязычных царских скифов, т.е. 'сакалы баев'. Арабы еще задолго до н.э. приняли этот этноним как общее название тюркоязычных народов, в том числе и обычнотюркоязычных болгар. Естественно, в различных регионах и ситуациях этноним сакалиба применялся в разных значениях.

§ 15. Сакалиба — белокурые люди, болгары — также.

Если обратить внимание на сами арабские источники, то слово саклаб (в ед. числе) или сакалиба (во мн. ч.) обозначает белокурых или рыжеволосых людей, в них неизменно подчеркивается рыжий (или рыжеватый) цвет волос или красная (красноватая) окраска кожи лица у сакалиба⁸¹. В словаре Ашраф ибн Шараф ал-Музакир Алфаруги, составленном в

⁷⁸ по А.Хайри: Белекир

⁷⁹ Ковалевский А.П. указ.соч., 1956, С. 132—133.

⁸⁰ т.е. тюрков, проживавших еще задолго до появления и распространения этнонима тюрк.

⁸¹ Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч. Т. V, М., 1963, С. 870.

1404—1405 годах в Индии под названием «Даниш-наме-йи Кадар-хан»⁸², отмечается, что Саклаб ([арабские буквы]) — это область в Туркестане, люди там белые⁸³.

Для того, чтобы адекватно раскрыть значение этнонима сакалиба, применявшегося арабами в общем смысле «тюрк», означающего белолицых рыжеволосых людей, необходимо установить народ, людей, которые в то время называли себя и представлялись другим белолицыми или рыжеволосыми и в то же время жили вместе с известными тюркоязычными народами в таком тесном контакте, что приезжающие арабы и персы считали сакалиба и тюрков одним народом или одних рассматривали в составе других. Таким народом тогда, естественно, были кыпчаки/кыгсаки 'белые саки'. Вторичные этнонимы кыгсак и сакалиба образованы на основе первичного этнонима сак/сака.

Слово кыпчак этимологически восходит к тюркскому кьчак, которое состоит из двух корней: кьу (кьу/кьуб/кьуба) 'рыжий', 'бледный', 'бело-рыжий', 'светлый', и чак, означающий сак/чак древнее название тюрков. Слово кьу применяется и в значении 'лебедь', по-другому ак кош 'белая птица'. Куу 'белый', 'белая птица' составляет другой этноним со словом киж/кеше 'человек', куукижи 'белые люди', 'лебединцы'. Слово кьу/куу применяется первичным этнонимом ман в виде куман/куманды. Сравните еще: мэн в слове тюркмэн. В Западной Европе вместо этнонима кыпчак применяется слово куман.

То, что кьу в этнониме кьчак/кыпчак (кьуман) имеет значение 'белый, рыжий, светловолосый', подтверждается еще и тем, что среди многих тюркских народов мы наблюдаем белых (желтых) и небелых (нежелтых). Так, в V—VI вв. на территории Средней Азии, Афганистана, Северо-Западной Индии и части Восточного Туркестана белые гунны, которые иначе назывались кусанами/ку-сюнами или эфталитами, образовали государство. В истории известны белые татары и черные татары, белые хазары и черные хазары, белые киргизы и другие киргизы, сары уйгуры и др.

Итак, в составе тюрков были племена, которые называли себя светловолосыми, белыми. Далее мы увидим, что это были кыпчаки. На то, что этноним кыпчак обозначает белых, светлых⁸⁴, ученые-тюркологи давно обратили внимание. Так венгерский ученый Ю.Немет еще в конце 30-х годов пришел к этому выводу. Он писал, что бледно-желтые наименования половцев являются калькой с их тюркских названий куман и кун, которые восходят к тюркскому прилагательному кьу (из более старого кьуба) 'бледный', 'желтый'⁸⁵.

В тюркских языках белокурый человек часто называется еще и сары чэчле 'желтоволосый'. Поэтому и неудивительно, что кыпчаки имели и другой этноним от слова сары - 'желтый'. «Западные половцы в древних русских источниках именовались сорочинцами, в чем отразилось название народа сары, который шел впереди народа кьун. (Впоследствии это название сблизилось и слилось с европейским названием мусульман сарацины)»⁸⁶.

Следовательно, очень большая группа тюрков Восточной Европы, Западной Сибири, Казахстана, Малой, Средней и Центральной Азии, Афганистана, Восточного Туркестана, Северо-Восточной Индии, имея свои местные собственные этнонимы, называли себя более общим этнонимом со значением «белолицые», «светло-желтые». Такими этнонимами выступали, прежде всего, слова кьукижи, кьуман, кьуманды, *кьчак/кьфчак/кыпчак*. В этом смысле арабы применяли этноним сакалиба.

Самое главное, на что надо обратить внимание, это то, что эти племена сами прекрасно знали значение своего общего этнонима и другим народам представляли себя белолицыми, рыжеволосыми. В свою очередь, представители других народов тут же скалькировали этноним белолицых. По этому поводу И.Г.Добродомов пишет следующее: «Уже давно обращалось внимание на то, что половцы во многих языках обозначаются словами, производимыми от

⁸² «Книга знаний Кадар-хана».

⁸³ Баевский С.И. Географические названия в ранних персидских толковых словарях // Страны и народы Востока. Вып. XXII. М., 1980, С. 87.

⁸⁴ По-тюркски: сары чэчле 'желтоволосые'.

⁸⁵ Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975г. М., 1978, С. 116; Немет Ю. Венгерские племенные названия у башкир//Археология и этнография Башкирии, Уфа, 1941 С. 99.

⁸⁶ Добродомов И.Г. указ.соч., С. 123.

корней со значением желтый, бледный: рус. половцы (ср.: половый, устар.: половой); польск. (из чешск.) *plavci* (*Plawcy, Plauci, Plawci*); отсюда также венг. *Palucz(ok)*, взятое у восточных славян: нем. *Val(e)we(n)* (ср. совр. нем. *fahl* и *fabl* 'блеклый', 'белесоватый', 'буланный'), латинизированные славянские формы *Falones, Phalagi*. Такое же значение имеет упоминаемое под 1050/51 г. в 75 главе „Истории” армянского автора Матвея Эдесского название народа хартеш (досл. 'светлый', 'белесоватый', 'белокурый')⁸⁷.

Из этой цитаты становится ясным то, что кыпчаки представляли себя русским, полякам, немцам, венграм, итальянцам и армянам белокурами людьми, и поэтому эти народы называли кыпчаков на своих языках «белокурами». Также они представляли себя «белокурами» китайцам и персам⁸⁸.

Для нашей темы очень важно, что кыпчаки представлялись «белокурами» еще и арабам, поэтому арабы, называя их тюркским этнонимом сакалиба, вкладывали в него значение 'белолицые, светловолосые' и отмечали их принадлежность к тюркам. Так, Абу Хамид ал-Гарнати сообщает, что в стране сакалиба он посетил город Гур Куман, где народ похож на тюрков, говорит по-тюркски, даже стрелу пускает по-тюркски⁸⁹.

Таким образом, в арабских и персидских источниках тюркский этноним сакалиба применялся как синоним этнонима кьуман или кыпчак (кьучак). Кыпчаками 'белыми саками' называли всех северных тюрков, в том числе и болгар.

§ 16. Можно ли сакалиба считать безусловно славянами?

Ведущие русские ученые-арабисты — В.В.Бартольд, И.Ю.Крачковский, Б.Н.Заходер и др. — отмечают, что арабские географы часто ошибались, смешивая сакалиба⁹⁰ с тюрками, киргизами, булгарами, хазарами. Если под арабским сакалиба понимать не славян, а саков-кыпчаков, то становится понятно, что ошибались не арабские и персидские географы-очевидцы, а русские исследователи арабских и персидских источников, переводя арабское слово сакалиба как 'славяне'.

По предположению В.В.Бартольда, этноним сакалиба (в ед. числе саклаб) заимствован арабами, вероятно, из греческого *скалаб* или *скалабена*, которое означает славян⁹¹, он же приводит вероятность другой этимологии: это из персидского *сек* 'собака' + *леб* 'губа' (Гардизи), эта этимология основана еще и на том, что сын Яфета Саклаб был вскормлен собачьим молоком⁹². Тут же В.В.Бартольд отмечает, что киргизы за их «рыжие волосы и белую кожу» названы отпрысками сакалиба... по-видимому, славяне (т.е. сакалиба) были подданными болгар. Трудно представить то, что Ибн-Фадлан называет царя болгар Алмаса Шилки еще и царем подданных болгар, т.е. славян. Поэтому весьма сомнительно, что сакалиба — это славяне.

В 2002 году в Москве опубликована солидная книга Д.Е.Мишина «Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье», в которой автор на основе огромного количества источников приходит к выводу о том, что: 1) в мировой исламской литературе сакалиба применяется в основном к славянам; 2) в Машрике (Востоке) сакалиба появляется уже к середине VII в., что связано с переселениями балканских славян в византийскую Малую Азию; 3) первоначально под сакалиба понимали слуг, принадлежавших к народу сакалиба, по всей вероятности, к славянам; 4) невольники-сакалиба ввозились в исламский мир из районов славяно-германского пограничья, из Руси через Волжскую Булгарию и Хорезм; 5) в первой трети XI в. слово сакалиба получило новое значение «евнух»; 6) в Машрике позже появились самые разные слуги-сакалиба — и евнухи, и неоскопленные слуги, и женщины; 7) в исламском

⁸⁷ Добродомов И.Г. указ.соч., С. 108.

⁸⁸ Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч. Т. V, М., 1968, С. 408.

⁸⁹ Добродомов И.Г. О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975 г. М., 1978, С. 128). Тюркоязычность сакалиба подтверждается еще данными Заки Валиди Тоган (*Zeki Velidi Togan. Umumi Türk Tarihine giriş. 3 baskı. İstanbul.*

⁹⁰ По мнению арабистов, славян.

⁹¹ Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963, С. 870.

⁹² Бартольд В.В., указ.раб., С. 871.

мире слуги-сакалиба находились как при дворе, так и во владении частных лиц, иногда они выполняли различные естественные поручения и занимали важные государственные должности; 8) сакалиба испытывали на себе большое внимание исламской культуры, быстро выучивались арабскому языку, принимали ислам⁹³.

Как видно из заключения, Д.Е.Мишин изучил сакалиба очень подробно, использовал почти все мировые источники, но не обращал должного внимания на доказательство сакалиба славянами, он больше доверял прежним исследованиям, в которых доказано безусловно славянское происхождение сакалиба. К таким исследованиям относятся прежде всего собранный Б.Н.Заходером во втором томе его книги «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» материал о сакалиба.

В целях выяснения вопроса, кем были сакалиба: славянами или тюрками (кыпчаками/кып+саками), проведем анализ свода Б.Н.Заходера, собранного им о сакалиба, по его выражению, о славянах. Слово славяне здесь заменено нами исходным словом сакалиба.

1) «От печенегов до сакалиба десять дней пути по лесам и трудным дорогам. Сакалиба народ многочисленный, живут в лесах по равнине. У сакалиба город В.б.нит» (Заходер Б.Н., 1967, 109). Эту особенность расселения сакалиба можно приписать как кыпчакам, так и славянам. Название города передается по-разному: Ва.и — [арабские буквы], Вабнит — [арабские буквы], Вантит — [арабские буквы], и становится ясно, что название города с точки зрения славянского языка не дешифровано. В будущем необходимо сделать попытку прочесть его как тюркское слово. Название второго города Хурдаб или Худуд также не расшифровано. Что касается выражения, что некоторые сакалиба походят на русов, то здесь можно сказать следующее: кыпчаки по внешности действительно нередко походили на русов, а других славян здесь уже не было.

2) «У сакалиба мед употреблялся вместо винограда, у них развито пчеловодство»⁹⁴. Этот признак характерен как для славян, так и для кыпчаков. Но конкретное содержание сообщений восточных географов позволяет идентифицировать сакалиба с кыпчаками. Так, сакалиба делают напиток из меда, «который они называют суджув»⁹⁵.

Еще Д.А.Хвольсон, анализируя это слово, начертанное как [арабские буквы], пытался объяснить его, используя хорватское ulisce 'улья', А.П.Ковалевский и Б.Н.Заходер отождествляют его со словом соты⁹⁶. На самом деле это тюркское слово суджы (сэже/төче), которое применялось в старотюркских текстах в значении 'вино' или 'сладкий напиток' и употребляется до сих пор в татарском и башкирском языках в значении 'сладкий', 'приторный'.

3) «У сакалиба свиньи так же многочисленны, как у мусульман овцы»⁹⁷. Здесь Б.Н.Заходер сознательно изменил текст, добавив слово «мусульман». На самом деле говорилось, что сакалиба имеют стада свиней и стада овец или стада свиней, подобные овечьей отаре. Известно, что кыпчаки первоначально разводили и свиней, и овец. Кыпчаки-христиане продолжили эту традицию, а кыпчаки-мусульмане, естественно, отказались от свиноводства.

4) «Когда умирает сакалиба, его труп сжигают, вместе с покойным бросают в огонь его жену, при этом совершают тризну и веселятся»⁹⁸. Как известно, своих покойников сжигали гузы и часть буртасов, в тюркоязычности которых никто не сомневается.

5) «Сакалиба поклоняются огню (или быку)»⁹⁹. Здесь Б.Н.Заходером не было учтено, что сакалиба еще и идолопоклонники. Все это сближает сакалиба с кыпчаками больше, чем со славянами.

6) «Сакалиба сеют просо; при наступлении времени жатвы они кладут зерно в сито и, обращаясь к небу, произносят молитву»¹⁰⁰. Так могли поступать и славяне, и кыпчаки. Но обращение лица к небу (Тэңре) сближает сакалиба с кыпчаками, т.е. тюрками.

⁹³ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем средневековье. М., 2002, С. 308—310.

⁹⁴ Мишин Д.Е., указ.соч.,С. 110.

⁹⁵ Ковалевский А.П. указ.соч., С. 132.

⁹⁶ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II. М.: Наука, 1967, С. 110—111.

⁹⁷ Заходер Б.Н., указ.соч С. 112.

⁹⁸ Заходер Б.Н., указ.соч С. 112.

⁹⁹ Заходер Б.Н., указ.соч С. 114.

¹⁰⁰ Заходер Б.Н., указ.соч С. 115.

7) «У сакалиба имеются разные музыкальные инструменты: лютни, тамбуры, свирели»¹⁰¹. По этому признаку сакалиба можно сблизить и с кыпчаками, и со славянами.

8) «У сакалиба мало вьючного скота, лошадей; они носят рубахи и надевают на ноги сафьяновые сапоги; их вооружение: копьё, щит, пики, меч, кольчуга; ...глава сакалиба питается молоком вьючного скота (кумысом) ...»¹⁰². Кыпчаки, как и все тюрки, лошадей использовали для верховой езды, поэтому вьючных лошадей у них было мало. Сафьяновые сапоги были известны у тюрков-булгар, по более общему названию — у кыпчаков, кумыс являлся национальным тюркским напитком. Глава сакалиба назывался субаныч ([арабские буквы]) и суиж ([арабские буквы]), по-тюркски сучи, где су войско, -чы аффикс профессии. Возможно, написание слова субаши 'глава войска' арабскими буквами приводит к искажению.

Некоторые арабисты-русисты начертание [арабские буквы] читают как [арабские буквы] (Святополк), и этим доказать, что глава сакалиба — это и есть глава славян Святополк. Но, как отмечает сам Б.Н.Заходер, [арабские буквы] — это малик 'царь', в целом — это сучы малик 'царь, глава войска'. Другие слова, приведенные здесь как топонимика сакалиба, требуют дополнительных исследований с точки зрения кыпчакского языка.

9) «Сакалиба строят подземные сооружения, в которых спасаются зимой от сильного холода (или от нападения мадьяр)»¹⁰³. Это нейтральное выражение, приведенное Б.Н.Заходером, не позволяет определить этническую принадлежность сакалиба. Но далее в тексте речь идет о древней бане, которая была присуща кыпчакам и современным западным тюркам.

10) «Царь сакалиба берет дань платьем»¹⁰⁴. По данному признаку мы не можем определить этническую принадлежность сакалиба.

11) «Сакалиба подвергают суровому наказанию виновных в воровстве и прелюбодеянии»¹⁰⁵. Этот обычай, по описанию Ибн-Фадлана, характерен для булгар-сакалиба, т.е. в целом — для кыпчаков, в частности — для булгар.

Надо отметить, что Б.Н.Заходер, по-видимому, целенаправленно перечислил здесь высказывания восточных географов. Он пропустил данные, которые дают повод считать сакалиба тюрками. Исследователь, естественно, не мог не отметить, что, по Ибн-Фадлану, булгары относятся к народу сакалиба. Но он трактовал этот факт по-своему: Ибн-Фадлан постоянно путает булгар с сакалиба, т.е. со славянами¹⁰⁶.

Как мы уже отмечали, Ибн-Фадлан называет Алмаса Шилки-хана царем сакалиба, он был, по-видимому, из племени булгар, поэтому и называется царем булгар. Понятно, что в Среднем Поволжье страна сакалиба позже называлась государством булгар. Необходимо отметить, что мнение о том, что сакалиба обозначает светлокожих тюрков, было высказано историком Ахмедом Заки Валиди Тоганом еще в 1939 г. Но оно получило резкую критику А.П.Ковалевского¹⁰⁷.

В.В.Бартольд отмечает, что у сакалиба неизменно отмечается рыжий цвет волос, но «несмотря на отличительный физический признак, сакалиба как потомки Яфета (арабск. Йафас) объединяются с тюрками»¹⁰⁸. Абу Хамид ал-Гарнати в 1150 г., рассказывая о своем путешествии из Булгара в Венгрию, писал, что прибыл он в город страны сакалиба, который называют Гур Куман, где люди, по виду как тюрки, говорят на тюркском языке и стрелы мечут, как тюрки¹⁰⁹. Здесь излишне объяснять, кем были сакалиба.

Итак, сакалиба — это тюрки, слово сакалиба (саклаб в ед. числе) применялось в смысле кыпчак 'белолицые'.

¹⁰¹ Заходер Б.Н., указ. соч., С. 116.

¹⁰² Заходер Б.Н., указ. соч., С. 119.

¹⁰³ Заходер Б.Н., указ. соч., С. 121.

¹⁰⁴ Заходер Б.Н., указ. соч., С. 124.

¹⁰⁵ Заходер Б.Н., указ. соч., С. 124.

¹⁰⁶ Заходер Б.Н., указ. соч., С. 125.

¹⁰⁷ Ковалевский А.П., указ. соч., С. 80.

¹⁰⁸ Бартольд В.В., указ. раб., 1963, С. 870.

¹⁰⁹ Добродомов И.Г., указ. раб., С. 128.

Некоторые могут возразить этому, утверждая, что в официальной тюркологии переход кыпчаков из Азии в Восточную Европу якобы относится к XI в., а арабские и персидские географы знали о сакалиба еще в VIII в. Действительно, многие тюркологи по недоразумению считают, что первые тюрки пришли в Восточную Европу в IV в. под названием гуннов, они исчезли примерно через 100 лет, а их место заняли пришедшие из Азии авары; на место аваров пришли из Азии тюрки, последних в VII в. их заменили хазары, в VIII в. появились печенеги и т.д. В XI в. в Восточную Европу пришли якобы кыпчаки (половцы). Это заблуждение: тюркоязычные племена жили в Восточной Европе еще во времена киммерийцев, скифов и сарматов, продолжают жить и сейчас. Здесь не было смены этносов, менялся лишь этноним, ибо в разные периоды истории господствующими племенами среди множества тюркских племен выступало то одно, то другое племя. Отсюда и смена общего для тюрков этнонима.

Следы кыпчаков зафиксированы еще в глубокой древности. Так, этноним команче мы встречаем среди американских индейцев¹¹⁰. Если учесть, что предки американских индейцев перешли на Американский материк из Азии 30—20 тыс. лет тому назад, то есть основание утверждать, что этот этноним пришел в Америку из Азии еще в то время. Следовательно, этноним коман/команче существовал в Азии еще 30—20 тыс. лет тому назад.

В III в. до н.э. китайские источники содержат сведения о кюеше, которые говорили на тюркском языке. М.И. Артамонов считает, что это первое сведение о кыпчаках¹¹¹. По нашему мнению, кюеше — это типичное китайское сокращение этнонима кюкижи 'белолицые'.

По китайским сведениям, еще до н.э. южнее Алтайских гор жили хунны, на севере — народ со. Они затем распались на 4 племени: кюман или кюбан, кыргыз, чу-кши и тюрк¹¹².

По мнению некоторых ученых, этноним кыпчак (кыбчак/кыфчак) появляется во второй половине VIII в. для обозначения народа, называвшегося до этого этнонимом сир, который представляет, по-видимому, также китайское сокращение слова сарир (сары ир 'желтые люди'). В памятнике Тоньюкука (726 г.) господствующие племена называются тюрками и сирами, а в памятнике Элетмиш Бильге-кагана из Шине Усу (760 г.) господствующие племена обозначены этнонимами тюрк и кыбчак¹¹³. Важно отметить, что в первом арабском списке тюркских племен, составленном в VIII в., фиксируется этноним хыфчак/кыбчак¹¹⁴. Но в дальнейшем в сочинениях арабских и персидских географов вместо этнонима кыбчак/(кючак) начинает применяться его синоним саклаб, лишь с XI в. в них опять появляется этноним кыпчак и вместо названия «степь гузов», употреблявшегося географами X в., появляется термин «степь кыпчаков» (Дешт-и кыпчак)¹¹⁵.

Необходимо сказать и о том, что в официальной исторической науке, следовательно, и в русской, и в западноевропейской тюркологии, вопрос о появлении и происхождении половцев (по самоназваниям: кюкижи, куман, кючак) рассматривается в связи с представлением о передвижении тюрков якобы из области Дальнего Востока в Западную Азию и Восточную Европу¹¹⁶. Такая точка зрения глубоко ошибочна: не было такого передвижения. Тюрки еще в доисторические времена наряду с предками других народов жили и в Западной, и в Восточной Европе, в Малой, Средней и Центральной Азии, в Западной Азии и на Дальнем Востоке, т.е. в тех регионах, где они были известны в исторически известные времена и где, в основном, они живут сейчас. То, что куманы (кумы, куны) жили в Западной Европе еще до н.э., доказывается наличием до н.э. города Кум у этрусков (позже — города Куман в Венгрии) и города Куманово в Македонии.

¹¹⁰ Майн Рид Всадник без головы, М., 1955, С. 32; Языки и диалекты мира: проспект и словарь. М., 1982, С. 162.

¹¹¹ Артамонов М.И. История хазар, М.-Л., 1962, С. 420.

¹¹² Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии русского географического общества, Вып. III и IV. СПб., 1896, С. 279—280; Закиев М.З. Татар халкы теленең барлыкка килүе, Казан, 1977, С. 155—162.

¹¹³ Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // Turcologica. К 80-летию акад. А.Н. Кононова. Л. 1986, С. 160.

¹¹⁴ Кляшторный С.Г., указ. соч., С. 160.

¹¹⁵ Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов // Соч. Т. V М., 1968, С. 395.

¹¹⁶ Бартольд В.В., указ. раб., С. 393.

Таким образом, кыпчаки (кьюкижи, куман, сарир, сир) с древнейших времен представляли себе, что их этноним обозначает белокурых, светло-желтоволосых людей, поэтому и эти соседи на своих языках называли их белокурами: славяне — половцами, армяне — хартеш, арабы и персы называли их тюркским словом сакалиба и т.д.

Слово кыпчак (куман, кьюкижи) было более общим этнонимом. В составе кыпчаков выделялись более мелкие народности или племена — по сообщению восточных географов, киргизы, гунны, болгары, хазары и т.д. По сведениям Ибн-Фадлана, в Среднем Поволжье в составе сакалиба (кыпчаков) выделяются болгары, баранджары, суары, суасы, скилы (скиды/скифы), хазары.

Итак, болгары — это одно из кыпчакских (кыг-сакских) племен, поэтому арабы их называли тюркским этнонимом сакалиба. Об этом красноречиво свидетельствует объективный анализ «Книги Ахмеда Ибн-Фадлана».

§ 17. И по первоисточникам болгарский язык был общетюркским, а не чувашским.

В предыдущих параграфах мы рассмотрели все доводы сторонников болгаро-чувашской теории и не нашли ни одного достоверного факта, который бы прямо или косвенно свидетельствовал о существовании у болгар чувашского типа р-языка. По существу все выдвинутые ими доводы базировались исключительно на недоразумениях и ошибочно интерпретированных фактах. Следовательно, несостоятельность болгаро-чувашской концепции теперь очевидна. Принадлежность чувашеподобного языка мусульманским чувашам, переживавшим процесс принятия обычнотюркского болгарского языка, не вызывает сомнений.

Перейдём к рассмотрению волжско-болгарского языка по первоисточникам.

Волжско-болгарский язык зафиксирован в надгробных памятниках 1-го стиля. Начнем с языка эпитафии 1244 года, когда в Болгарии монголо-татары еще не освоились. ... *aldynda, 84 jaşynde ğadäde: tarix alty jüz qyrg ekidä. 642...* «...в возрасте 84-х лет, по летосчислению в шестьсот сорок втором. 642-м...», т.е. по христианскому летосчислению в 1244 году...¹¹⁷.

Как видим, эпитафия эта написана на з-языке, т.к. числительные названы *jüz* (а не *сүг*), *qyrg* (а не *херх*), *ekidä* (а не *ikemeš*). Принадлежность данной эпитафии болгарам не вызывает сомнений уже по той причине, что датирована она 1244 годом, когда болгарский народ продолжал вести повстанческую борьбу с завоевателями. И в правильности датировки также не может быть сомнений, ибо она приведена здесь дважды: один раз словами «*alty jüz qyrg ekidä*» и второй раз цифрами «642».

Или вот еще другая, более пространная эпитафия из Болгарского городища, датированная 1311 годом: ...*Fatima elci bint Ajur ibn Muxammet ibn Junys äl-Bolgari... Jegerme eki jaşynda vafat boldy... hicratda jети jüz on berdä.* «...Фатима-ильчи дочь Аюпа, сына Мухаммеда, сына Юнуса Болгарского... в двадцатидвухлетнем возрасте скончалась по летосчислению в семьсот одиннадцатом»¹¹⁸.

Этот памятник посвящен знатной болгарской женщине Фатиме, у которой, судя по родословной, все предки — и отец, и дед, и прадед — были болгарами-мусульманами и жили в городе Булгаре, по-видимому, задолго до монголов, но эпитафия написана на том же з-языке: в ней, как и в предыдущем примере, приведены числительные с зетацизмом, те же общетюркские формы глаголов и аффиксы болгарских падежных окончаний.

Или вот еще один текст такой же болгарской эпитафии, но уже из села Тарханы Татарстана, датированный 1314-м годом: ...*Galimlärnü tärbijä qylğan häm alarny sügän, mäscedlärgijmarät qylğa(n), üküš xäjr sahibe, meskenlärg... Xuca uğly Gosman uğly tamğaçy Ibrahim as-Suvari vafat bulğan. Bu tarix jети jöz un türtençedä Vomady äl-ävväli ajynun un altunç köne ärdi.* «...Давший воспитание ученым и любивший их, мечети возводивший, много благодеяний совершивший, сын Ходжи, сына Госмана, сборщик податей Исмагил Суварский скончался, это по

¹¹⁷ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л, 1960, С. 46.

¹¹⁸ Юсупов Г.В., указ.соч., 10-я таблица.

летосчислению в семьсот четырнадцатом (году), джумади первого месяца в шестнадцатый день было»¹¹⁹.

Этот памятник посвящен сборщику податей Исмагилу, представителю болгарского племени сувар, здесь нет никаких признаков чувашского ротацизма и ламбдаизма: все числительные (jetî ‘семь’, juz ‘сто’, un ‘десять’, türt ‘четыре’, alty ‘шесть’), а также все другие слова (aj ‘месяц’, ugly ‘сын’, üküs ‘бедный’ и проч.) написаны на типичном з-языке.

Можно привести множество и других эпитафий того же стиля (всего обнаружено и описано около 150-и разновременных памятников), и все они написаны на том же з-языке, не имеющем признаков ротацизма и ламбдаизма.

Исходя из з-язычности поздних болгар, ашмаринисты выдвинули новую версию о предполагаемой «смене болгарского языка». Согласно этой версии, болгары якобы когда-то все же говорили на старочувашском языке, но затем еще до монголов бросили этот свой старый язык и заговорили на обычном тюркском з-языке. Причиной такой смены языка выставляют то предполагаемый приход в Болгарию з-язычных кыпчаков, то приход среднеазиатских священнослужителей, то влияние на болгар общетюркского книжного языка¹²⁰, или даже полную смену населения: якобы после мора болгар эту территорию заняли кыпчаки.

Разумеется, превращение чувашского р-языка в общетюркский з-язык мало вероятно, потому что эти языки уже более тысячи лет сосуществуют параллельно и превратиться один в другой в недавнем прошлом никак не могли.

Более конкретные сведения о болгарском языке сохранились в сочинении Махмуда Кашгарлы, относящемся к XI веку. В своем «Дивану лугат-ат-тюрк» он приводит данные не только о болгарском, но и о других языках средневековых тюрков. Булгарам он приписывает слова qanaq ‘сливки’, azaq ‘нога’, avus ‘воск’, lav ‘воск для печати’, tügel ‘не, нет’, kükleş ‘породниться’, а суварам — bal ‘мед’, tävä ‘верблюд’, azaq ‘нога’, bün ‘бульон’. М.Кашгарлы пишет: «Язык же болгар, сувар и печенегов, находящихся вблизи Рума, (является) тюркским с одинаковыми опускающимися окончаниями»¹²¹, чем подтверждает сходство болгарского языка с печенежским.

К сожалению, все эти ценные сведения Кашгарлы о болгаро-суварском языке до сих пор незаслуженно игнорировались многими лингвистами на том основании, что они противоречат представлениям ашмаринистов. Например, Омельян Прицак, посвятивший сведениям Кашгарлы специальную научную публикацию, утверждает, что Кашгарлы сам никогда в Болгарии не бывал, болгарского языка не знал и писал о нем лишь понаслышке, со слов приезжих купцов, которые-де могли быть вовсе не булгарами и болгарского языка могли не знать. Подтверждением такого своего суждения Прицак считает то, что приведенные в «Диване» болгарские слова не встречаются в текстах болгарских эпитафий 2-го стиля. Поэтому он предлагает вообще игнорировать сообщения Кашгарлы о болгарском и суварском языках¹²².

На самом деле, сведения Кашгарлы удивительно точно характеризуют особенности домонгольского болгарского языка, выявляемого по письменным памятникам той эпохи. Среди этих произведений особое место занимает, например, поэма Кул Гали «Кысса-и Юсуф» («Повесть о Юсуфе»), написанная незадолго перед нашествием монголов и отражающая язык той эпохи. Хотя ашмаринисты и пытаются это произведение отстранить от болгар и приписать его другим народам из-за того, что написано оно на з-языке, более квалифицированными исследованиями лингвистов достоверно установлено, что оно является именно болгарским сочинением и принадлежит перу выходца из Болгарии поэта Кул Гали.

¹¹⁹ Юсупов Г.В., указ.соч., 12-я таблица.

¹²⁰ Хахимзянов Ф.С. Эпиграфические памятники волжских болгар и их язык. М., 1987, С. 9—12.

¹²¹ Кашгарлы М. Divanu Lügat-it-Türk Tercümesi. 3 baskı. I, II, III Ciltler. Ankara 1992, т. I, С. 30.

¹²² Прицак О. Omeljan Pritsak. Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. Wiesbaden 1959, С. 106—116.

...Gaziz Jusef tämam unber jäšär idi,

Jakub säüçi ojlykynda ojyr idi,

Ojurkän ber gaçäb döš Jusef kürdi,

Täzvileni atasyndan sorar imdi:

«Dogar kön, tulun aj, onber joldyz,

Döšem icra säcdä qyjldyj bänä döpdöz,

Ošbu döši bila kürdem hic gömansyz,

Ja äbäta, bänä täzvil äjgyl imdi».

Anda Jakub Jusefnıy döšen jurdyj,

Täzvileni möbäräk äjtü üirdi,

Ömitder kem, mäüladan mädäd irdi,

Sänä gyjzzät vä räfägat kürner imdi.

Приведенные данные неопровержимо доказывают, что болгарский язык, т.е. тюркский язык населения Булгарского государства, не имел никаких чувашских особенностей, он характеризовался теми же отличительными чертами, которые характерны современному татарскому языку, проявляющемуся в трех его диалектах.

§ 18. Общие данные, отвергающие болгаро-чувашскую, подтверждающие болгаро-татарскую концепции.

Для того чтобы легче было разобраться в различных искажениях действительности по лингвоэтническим особенностям болгар в широком смысле этого слова, необходимо вкратце перечислить всеми признанные исторические данные, отвергающие адекватность болгаро-чувашской концепции, подтверждающие правильность болгаро-татарской теории.

Приводя исторические данные, связанные с вышеизложенными концепциями, мы исходим из следующих теоретических предпосылок: история языка и происхождение его носителя — явления далеко не идентичные, поэтому отождествлять их нельзя. Однако не следует забывать, что не менее опасна для науки другая крайность: отрыв истории языка от истории его носителя. Между ними существует ярко выраженная взаимосвязь: хотя история языка и история его носителя не одно и то же, но без истории народа в целом нет истории его языка, и, наоборот, без истории языка невозможно более или менее полно представить историю его носителя. Именно поэтому любая этногенетическая теория должна иметь не только чисто лингвистическое, но и антропологическое, этнографическое, археологическое, т.е. в целом этноисторическое подтверждение. Это означает, что при решении этногенетических проблем необходимо исходить не из отдельных, разрозненных данных, а из их совокупности. Лишь при таком комплексном подходе можно объективно изобразить историческую действительность. Иначе есть опасность уйти от объективного анализа в сторону субъективных домыслов.

С этой точки зрения попытаемся дать краткий ответ на вопрос: подтверждается ли болгаро-чувашская теория со всех сторон, т.е. совокупностью данных, или она чревата противоречиями?

1. Если бы чувашаи формировались в основном из поволжских булгар, если бы болгарский язык исторически перешел в чувашский язык, то такая преемственность безусловно, была бы видна, прежде всего, в антропологическом типе булгар и чувашей. Между тем, конкретные краниологические исследования дают совершенно противоположные результаты. «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, — пишет В.П.Алексеев, — что краниологически чувашаи похожи на своих финноязычных соседей и что, следовательно, их антропологический тип сформировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской»¹²³. Второй ясно выраженный компонент в антропологическом типе чувашей — это кыпчакский тип. Чувашаи, по словам В.П.Алексеева, физически восходят к кыпчакам в большей мере, чем татары. Что же касается характерного для булгар комплекса признаков, то он в составе чувашей не улавливается¹²⁴, этот болгарский комплекс признаков составил основу формирования антропологического типа поволжских татар. На него наслоились низколицый монголоидный компонент, представляющий один из вариантов субуральского типа, и высоколицый монголоидный тип, связанный, видимо, с кыпчаками¹²⁵. Следовательно, по данным краниологии, историческая преемственность между булгарами и татарами более очевидна, чем между булгарами и чувашами.

2. Не подтверждается булгаро-чувашская теория и в этнологическом отношении. Известные этнографы Н.И.Воробьев и К.И.Козлова отмечают, что этнологические особенности булгар в своей основе сохранились прежде всего среди татар¹²⁶. Так, например, булгарам были свойственны развитое кожевенное производство и торговля, что затем передалось татарам, а у чувашей развитие этих ремесел и занятий не отмечается.

3. Культура письма от булгар передавалась татарам, у чувашей такой культуры до XIX в. не было. То же самое можно сказать о мусульманской религии. Следы булгар не сохранились ни в мифологии, ни в фольклоре чувашей, а для мифологии и фольклора татар болгарская тематика является сквозной¹²⁷.

4. Чувашаи никогда не называли себя булгарами, а татары считали, что их деревни заложены выходцами из Булгара, что их деды, прадеды являются булгарами и нередко, вплоть до XX в., называли себя булгарами в противовес названию татар, которое насаждалось с трех сторон: со стороны влившихся в состав населения Казанского ханства мишарей-татар, со стороны русских, которые называли почти всех восточных соседей татарами, и со стороны тех, кто именем татар стремился показать свое величие. В том, что татары почти до XX в. упорно называли себя булгарами, нет никакой политической подоплёки. Этому народ никто не учил, ведь не было ни учебников по истории, ни руководств, в медресе тогда не изучался ни родной язык, ни история народа, там ограничивались обучением арабскому, персидскому или турецкому языкам и общемусульманской истории. Официальная пропаганда была глубоко заинтересована в насаждении этнонима татар. Следовательно, сведения о том, что татары являются в основном прежними булгарами, сохранились в памяти народа. К сожалению, этот факт и другие данные о том, что в основе этнического состава и языка татар лежат болгарский компонент и болгарский язык, сторонниками булгаро-чувашской теории раньше вообще не учитывались. Сейчас их также обходят молчанием.

5. Не подтверждается булгаро-чувашская теория и территориально. Археологические раскопки показывают, что на территории расселения чувашей болгарские археологические памятники как домонгольского, так и золотоордынского времен отсутствуют, если не учитывать восточной и юго-восточной части Чувашии, связанной с бассейном Свияги¹²⁸.

¹²³ Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1., 1971, С. 248.

¹²⁴ Алексеев В.П., указ.соч., С. 249.

¹²⁵ Алексеев В.П., указ.соч., С. 241—246.

¹²⁶ Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Происхождение казанских татар, Казань, 1948, С. 80; Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. МГУ. 1964, С. 20—21.

¹²⁷ Борынгы татар Җидияты, Казан 1963, С. 17—51.

¹²⁸ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань.1975, С. 86.

Можно было бы предположить, что предки чувашей сначала жили на территории Булгарского государства, затем их оттуда кто-то вытеснил в чувашский регион, например, монголо-татары, как считают некоторые исследователи. Однако прямые подтверждения этому отсутствуют.

6. Рассмотрим еще один исторический факт. Если бы предки современных чувашей имели близкое отношение к булгарам, то они обязательно унаследовали бы у них государственность. Нет никаких оснований думать, что предки современного чувашского народа в общественном развитии когда-то находились на уровне создания государства, а затем отказались от такой формы политической организации. В истории, кажется, не было случая, чтобы этнический коллектив, имея свое государство, формировался как народность, а с течением времени все это потерял. Следовательно, ясно, что у предков чувашей не было государственности, и они к булгарам не имели близкого отношения. Булгарское государство переросло в Казанское, и татары свою государственность унаследовали от булгар.

7. Как известно, булгаро-чувашская концепция возникла и развивалась как чисто лингвистическая. Однако и в этом плане она весьма противоречива. Так, Махмуд Кашгарлы в XI в. отметил близость булгарского, суварского и печенежского языков¹²⁹. Как известно, печенежский язык не характеризовался чувашскими признаками, а был языком огузоязычного типа. М.Кашгарлы, отмечая близость булгарского, суварского и кыпчакского языков, пишет, что «звук [д], имеющийся в языке чигилов и других тюркских племен, в языке кыпчаков, ямаков, суваров, булгаров и других племен, распространенных до римлян и русских, заменяется звуком [з]»¹³⁰. Кроме того, что здесь языки кыпчаков, ямаков, сувар и булгар перечисляются как однотипные по данному признаку, заслуживает внимания еще одна сторона этого сообщения: здесь так называемый ротацизм, характерный для чувашского языка, не отмечается. Речь идет только о чередовании д—з, которая наблюдается до настоящего времени в тюркских языках обычного огузоязычного типа. Следовательно, надо полагать, что булгарский язык не характеризовался ротацизмом. Если он встречается в языке булгарской эпитафии II стиля, то это можно объяснить влиянием языка предков чувашей на язык булгарской эпитафии, т.е. тем, что в составлении II стиля булгарской эпитафики принимали участие чуваша-мусульмане, находившиеся на стадии обугаризации.

8. Приведем еще одно свидетельство современника булгар. В 1183 г. владимирский князь Всеволод перед походом на Булгары сообщил киевскому князю Святославу: «Половец же призывать не хочу, ибо они с болгары язык и род един»¹³¹. Таким образом, в истории имеются два достоверных сведения (Кашгарлы и Всеволода) о близости булгарского языка печенежскому и кыпчакскому языкам. К тому же надо учесть, что эти два сообщения, не связанные друг с другом территориально, совпадают.

9. Нельзя не обратить внимания и на следующее. Чем объяснить то, что современные татары и башкиры с одной стороны и балкары — с другой, имеют почти один и тот же язык, во всяком случае, хорошо понимают друг друга. Ведь после VII в., т.е. разделения общих предков на три группы, балкары и булгаро-татары не имели ни территориальных, ни экономических связей. С точки зрения булгаро-чувашской концепции это можно было бы объяснить таким образом: их общие предки протоболгары были чувашезычными, а языки татар и балкарцев стали похожими друг на друга под влиянием кыпчаков. Однако, как указывалось выше, в составе татар кыпчаков было незначительное количество, а балкары после притеснения хазар ушли в горы и ущелья, вряд ли они там могли настолько тесно общаться с кыпчаками, чтобы ассимилироваться в языковом отношении. То, что языки татар и балкарцев так близки друг другу, объясняется, очевидно, общностью исторических корней, восходящих к языку протоболгар.

10. Далее, если бы булгарский и хазарский языки были чувашетюркскими, то заметные следы их остались бы на всей огромной территории, занятой когда-то гуннами, булгарами и хазарами. Более того, если даже предположить, что в самой глубокой древности они говорили

¹²⁹ Кашгарлы М., указ.соч., С. 30.

¹³⁰ Кашгарлы М., указ.соч., С. 32.

¹³¹ Татищев В.Н. История Российская. Т. III. М.-Л 1964, С. 128.

на чувашетюркском языке, то все равно во время столетнего господства над ними тюрков Тюркского каганата (VI—VII вв.) их язык подвергся бы влиянию языка огузкыпчакского типа.

11. Наконец, если бы болгары говорили на чувашеподобном языке, то они имели бы самоназвание палхар, которое закрепилось бы и в исторических источниках. Но такого явления в истории нет. Распространился этноним болгар (болгарь), который характерен для языка обычнотюркского типа.

Булгаро-чувашская лингвистическая теория, которая безосновательно распространяется на этническую историю и татар, и чувашей, зиждется на наличии чувашских слов (наряду с татарскими) в некоторых болгарских надгробных памятниках, установленных самими чувашами, находившимися на стадии ассимиляции среди болгар; т.е. на стадии принятия ими болгарского языка вместо своего, уже используемого ими чувашского.

Таким образом, булгаро-чувашская теория уже при беглом рассмотрении не выдерживает никакой критики и оказывается несостоятельной. Следовательно, болгары, т.е. местные тюркские племена, получившие общий этноним болгар, были предками современных татар.

§ 19. При классификации тюркских языков болгарский должен быть отнесен к кыпчакской группе, а не к чувашской.

Из сказанного в предыдущих главах вытекает, очевидно, также необходимость в пересмотре существующей системы классификации тюркских языков. Как известно, во всех ныне существующих системах классификации болгарский язык непременно рассматривается как ротацирующий и в этом смысле противопоставляется остальным тюркским 3-языкам. Например, А.Н.Самойлович и Н.Н.Поппе в свое время подразделяли все тюркские языки на две группы: 1) на р-языки, включающие в себя древний болгарский и современный чувашский языки и 2) на з-языки, включающие в себя все остальные тюркские языки мира. Ныне, по классификации современных тюркологов (Баскакова, Менгеса, Бенцинга, Текина и др.), те же языки принято подразделять на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но болгарский язык все равно относится к числу ротацирующих. В частности, по классификации Менгеса, древний болгарский и современный чувашский языки причисляются к 6-й или так называемой «F» группе языков, характеризующейся ротацизмом и ламбдаизмом. По классификации Н.А.Баскакова, считающейся ныне общепризнанной системой, языки эти тоже подразделяются на огузские, кыпчакские и карлукские группы, но кроме того выделяется еще и четвертая¹³², так называемая «булгарская группа» р-языков, куда причисляются древний болгарский, древний хазарский и современный чувашский языки¹³³. Однако в связи с тем, что болгарский язык, как уже сказано, не был ротацирующим, а представлял собой обычный тюркский 3-язык, то при новой классификации он, естественно, выпадает из четвертой группы и переходит в группы огузских и кыпчакских 3-языков.

Что же касается четвертой группы или группы р-языков, то в ней после исключения болгарского и хазарского остается только один язык — чувашский. Другого ротацирующего языка в семье тюркских языков не было и нет. Правда, существует мнение о наличии чувашезычных хазар, которые образовались путем смешения монголоязычных и тюркоязычных племен, среди обычнотюркоязычных хазар. Если в некоторых языках, как, например, в караимском, азербайджанском или казанско-татарском, встречаются иногда эпизодические случаи проявления ротацизма, то их следует рассматривать как результат влияния финно-угров на тюркский язык или результат влияния на них того же чувашского р-языка или же как результат контактов с монгольскими языками, которым также свойственны ротацизм и ламбдаизм, но сами тюркские языки все без исключения изначально были зетацирующими, таковыми остаются и поныне.

Таким образом, по своим лингвистическим и этнологическим особенностям волжские болгары были обычнотюркоязычными, а не чувашезычными. Это несколько не умаляет значения чувашей в этнической истории тюркоязычных племен Урало-Поволжья. Волжские

¹³² По нумерации Баскакова — первая.

¹³³ Баскаков Н.А. . Введение в изучение тюркских языков. М., 1960, С. 231.

булгары, в состав которых вошли и другие тюркоязычные и тюркизированные племена Волжской Булгарии, легли в основу современных болгаро-татар. Чуваши — прежние веда, говорившие сначала на финно-угорском (древнемарийском языке), тесно общались с обычнотюркоязычными суасами (одними из предков казанских татар), наполовину ассимилировались среди суасов, получили от них этноним суас, который видоизменился в чуваш. Поэтому древние соседи и чувашей, и болгаро-татар, т.е. марийцы, называют болгаро-татар суасами, а чувашей — суасламари.

Заключительная реплика Ю.К.Бегунова:

Когда академик М.З.Закиев пишет об этнониме «татары», он подчеркивает, что сам народ во все времена изначально называл себя булгарами. А этноним «татары» был некогда введен в оборот лишь как эктоэтноним, т.е. внешнее чуженазвание. Дело в том, что «татар» переводится с тюркского как «чужой народ», что ни в какой мере не могло быть самоназванием автохтонного тюркского народа. Язык, на котором говорят современные татары, это «сабан», т.е. тот же самый, в основном, язык на котором говорили и древние булгары из Идель-Урала.

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОСУДАРСТВА БУЛГАР

История болгар уходит в незапамятные времена. Но отрывочные данные официально признанных источников не дают полной картины о государственности древних болгар. Восстановлению реальной истории древнего и ныне существующего народа болгар препятствует то обстоятельство, что на их прошлое обычно смотрят через призму их современного состояния, что сильно искажает существовавшее положение дел. К тому же господствующие ныне нации создают мифы о своем величии и в прошлом, игнорируя тот факт, что их величие пришло позже и часто основывается на достижениях других народов. Все в этом мире изменчиво.

Однако есть официально непризнанные болгарские летописи «Джагфар тарихы», которые показывают неизвестные страницы истории болгар во взаимосвязи исторических фактов и довольно логично вписываются в общую историческую картину Европы и Азии. События, описываемые в «Джагфар тарихы», не противоречат в своей основной канве официально признанным источникам и даже находят в них подтверждения. В указанных летописях история болгар, естественно, отражена более полно и подробно. Именно они дают ясное понимание тех сведений о болгарях, которые имеются в официальных источниках, но не находят там логичного объяснения.

Государство болгар Идель. Как и история других народов, история болгар имеет две взаимно связанные части – мифологическую и собственно историческую. Не будем касаться мифологической части истории болгар, хотя в ней можно обнаружить отголоски действительных событий, происходивших в жизни народа, совершавшего в древности великие дела. Рассмотрим историческую часть. Исходя из «Джагфар тарихы», можно предположить, что первым исторически достоверным государством болгар было царство Идель (от «жиде ил» – «семь стран»). Оно охватывало территорию от современного Подмосковья до Енисея. Правила царством разные династии.

Так, например, в период с VIII в. до н.э. до I в. н.э. Иделем правила династия Сармат и соответственно страну называли Сарматией, а болгар – сарматами. В I-II вв. во главе государства стояла династия Алан, во II-V вв. правила Гуннская династия, затем с VI по VII в. царством управляла Суварская династия. Так было принято в то время – какой род стоял во главе страны, тем именем назывался весь народ, входящий в состав государства, хотя между собой они четко знали, кто какого рода-племени.

Царство Идель являлось раннефеодальным государством, которое делилось на автономные княжества (бейлики), во главе которых стояли князья (бии). В их обязанности входил также сбор податей с подвластных им крестьян (игенчеев). Собранные таким образом средства бии отправляли в царскую казну в качестве дани, за исключением своей доли. Часть своих доходов обязаны были вносить в царскую казну также ремесленники и торговцы.

Булгары жили и за пределами царства Идель. Стремление царей Иделя присоединить к своему государству соседние земли, заселенные булгарами, казалось тогда законным. Булгары занимали территории от Северного Китая до Малой Азии. Булгарский царь из Сарматской династии Буртас (VII в. до н.э.) настойчиво осуществлял объединение болгарских племен в одно государство. Его сын Азак со своим войском дошел до озера Балхаш и присоединил к Иделю индоарийские племена северных саков (кыпчаков). Другая ветвь саков, которые жили южнее кыпчаков, массагеты (масгуты), не подчинились Азаку и стали нападать на своих северных соплеменников, видимо, из мести за принятие подданства Иделя. Кыпчаки по их же просьбе были переселены в Северное Причерноморье, где к тому времени уже обитали киммерийцы – германоязычные племена (готы, кимвры, тевтоны и др.), – которых булгары называли «камырцы». Последние воспротивились переселению кыпчаков. Царю Азаку пришлось пойти на них войной. Киммерийцы были разбиты и бежали на Ближний Восток. Иделю пришлось отразить ответное нападение с Ближнего Востока персов, которые создали

мощную державу и не могли допустить возвышения кого бы то ни было по соседству. Особенно опасным было нападение персов на Идель в 516-514 гг. до н. э. Однако царь Иделя Тимер отразил нападение врага.

Гуннский период государственности булгар. В I в. в Иделе к власти приходит династия Алан, ставка которых город Сувар находилась в низовьях Волги. В середине II в. власть в Иделе унаследовал Эр-Таш, женатый на массагетках. Влияние их родственников вызвало недовольство староидельской знати. На идельский трон болгарской знатью был тайно приглашен гуннский царь Агарджа Дуло. Когда Эр-Таш узнал об этом, он с войском выступил навстречу претенденту на его трон. Большинство болгарских феодалов перешло на сторону Агарджи. Состоялся поединок царей, в котором победил Дуло. По предварительному уговору он и стал царем Иделя. Сестра погибшего в единоборстве Эр-Таша была выдана замуж за Агарджу Дуло.

Гунны Агарджи Дуло были потомками северокитайских булгар – сянбийцев. Они называли идельских булгар булярами (биярами), последние же называли своих азиатских родственников сербийцами. Часть сербийцев, поселившись среди финно-угров, смешалась с ними и образовала новую этническую группу булгар, которых русские называли «ведами», затем – «горными черемисами», позднее за ними закрепилось название «чуваши».

В IV в. после смерти идельского царя Кама-Батыра между его сыновьями вспыхнула война за трон отца. Как почти всегда бывает в таких случаях, победителем оказался гуннский военачальник Булюмар (Баламбер). Он женился на дочери Кама-Батыра Туран-бике и основал династию Атиль. Однако его потомки продолжали причислять себя к династии Дуло. Баламбер выступил на стороне Персии против Восточной Римской империи. Война для идельского царя оказалась удачной, и он присоединил к своим владениям земли союзников греков – Аланское княжество, основанное на западе Северного Кавказа и на Нижнем Дону бежавшими из Иделя представителями Аланской династии, а также Готское княжество в Приднепровье и греческие города в Причерноморье. С победы Баламбера над Византией в Причерноморье началось завоевание Западной Европы гуннами. Мощную гуннскую державу создал в Европе потомок Баламбера Аттила (434-453). Его держава простиралась от Волги до Франции. Ставка Идели переносилась все далее на запад: сначала в основанный Баламбером аул Хон-Балын (на месте будущего Киева), затем – на территорию будущей Венгрии и далее – в Германию. Военские победы Аттилы позволили ему взимать дань с Восточной и Западной Римских империй. После смерти Аттилы между его потомками разгорелась борьба за наследство отца. Этим обстоятельством воспользовались греки и римляне. Гунно-булгары потеряли территории в Центральной и Западной Европе. Сын Аттилы Бел-Кермек, ставший царем Иделя, сохранил лишь восточные земли империи.

Распад единого болгарского государства Идель. Потомок Кермека идельский царь Буляк попытался в союзе с Персией отвоевать у Византии захваченные ею черноморские земли. В 516 г. сын царя Ас-Терек во главе войска, состоящего в основном из нижневолжских булгар – сувар (савир), - вошел в пределы Армении, затем в Малую Азию. Однако угроза, которая возникла на востоке страны – Тюркский каганат потребовал у царя Идели Буляка дани – заставила Ас-Терека повернуть войско назад и вернуться в пределы своей страны. В 520 г. Буляк умер, и на трон взошел его сын Ас-Терек. Тюркский каган заключил с Византией антиперсидский союз и потребовал от Ас-Терека прекратить военные действия против нее. Идельский царь не подчинился требованиям тюркютов (так называли булгары основное население Тюркского каганата). Тогда путем придворных интриг тюркюты помогли захватить власть в Идели младшей жене Буляка суварке Бояркыз – стороннице тесного союза с Тюркским каганатом. У власти в Иделе оказалась Суварская династия. Бояркыз физически устранила сыновей Буляка от других жен, однако, не всех.

Второй сын Буляка от старшей жены Джамбек бежал в Крым. Вначале он служил грекам, затем в Азаке (Тамань, Приазовье и Восточный Крым) основал Булгарский бейлик (княжество). На месте древнего греческого города Фанагории Джамбек основал столицу государства, назвав ее Эчке-Булгар (Бунгар). В бейлике были и другие крупные города, например, на месте современной Керчи находился город Банджа-Кэпэ (Агарджа), Тамья-Тархан (Тмутаракань) и др. Вскоре границы нового государства расширились: они охватили Северное Причерноморье

со Средним Приднепровьем, Предкавказье, населенные булгарами, аланами и анчийцами (антами), предками современных украинцев. В составе Идели остался Суварский бейлик, в который входили территории Поволжья, Южного Урала и Западной Сибири.

Великая Болгария. В 558 г. Булгарский бейлик постигло несчастье. Булгары не смогли устоять против натиска аваров-кочевников, которые были изгнаны из Азии тюркютами. Авары с уграми с боями прошли Болгарию, обязав ее платить дань, и поселились, создав Аварский каганат, на Среднем Дунае (территория современной Венгрии). В самом Тюркском каганате шла борьба различных группировок за власть. Власть захватили огузы и значительная часть болгар Тюркского каганата во главе со своим бием (князем) Аскалом (Аскилем) ушла в 563 г. из Туркестана в Великую Болгарию (Булгарский бейлик). Князь Булгарского бейлика Тамья-Тархан принял соплеменников и поселил их в области Хон-Балын (район современного Киева), после чего это поселение получило название Аскал.

Аскал женился на дочери Тамья-Тархана, их сын Алвар стал наследником власти в Булгарском бейлике (Великой Болгарии, как позднее назовут его греки). Алвар заключил союз с Византией, который поддерживали и его преемники. После гибели Алвара от рук родного брата, служившего аварам, на трон возшел его младший брат Бу-Юрган (Органа). В 619 г. для укрепления союза с Византией Бу-Юрган с частью болгар принял православное христианство в греческом городе Херсонесе (Корсун), который булгары называли Кряшен. Булгары были тенгрианцами, и крещение Бу-Юргана вызвало среди них недовольство, что привело к тому, что он вынужден был уступить власть в Великой Болгарии своему племяннику сыну Алвара Кубрату (Курбату).

В 620 г. Кубрат поручает своему младшему брату Шамбату строительство в Аскале крепости, которая была названа Башту (впоследствии Киев). В Башту жили булгары, анчийцы (славяне), греки и др., что нашло отражение в позднейших арабо-персидских историко-географических сочинениях. Шамбат осуществил поход на авар, оказавшийся успешным: он присоединил к своим владениям обширные территории, принадлежавшие аварам, и объявил о создании собственного государства под названием Дулоба (область рода Дуло), которое славяне называли Дулеба. Кубрат потребовал от брата вернуться в лоно Великой Болгарии, но Шамбат отверг это требование, за что получил прозвище Кый, т.е. «отделившийся». Дулоба как отдельное государство просуществовало с 623 по 658 г.

Кубрат внимательно следил за событиями, происходившими в Тюркском каганате, сотрясаемом междоусобными войнами в борьбе за власть. В 629 г. Тюркский каганат распался на две части: восточную – Баласагунскую и западную – Хазарскую. Сразу же после этих событий Кубрат подчинил своей власти Суварский бейлик и провозгласил Болгарию единым государством. С этого времени Идель – это только Волго-Камская водная система. Страна изменила название, что нашло отражение в византийских летописях. Греки стали называть страну болгар Великой Болгарией. Если греки страну болгар называли Великой Болгарией, то для самих болгар она – Кара-Булгар, что одно и то же, ибо слово «кара» на болгарском языке в то время имело значение не только «черный», но и «великий, большой, могучий». Отсюда и «Кара дингез», т.е. Черное море.

События в то бурное время развивались стремительно, особенно у народов, которые вели кочевой или полукочевой образ жизни. В 658 г. Шамбат потерпел поражение от франков и авар и вынужден был обратиться за помощью к Кубрату. Тот принял брата под свою руку, назначив его улугбеком (губернатором) области Башту, но в наказание приказал называться Кьем («отрезанным, отдаленным»), откуда и происходит современное название города Киев, кроме того, крепость получила название по имени ее основателя – Шамбат.

В 668 г. каган (царь) Кубрат умирает, трон наследует его старший сын Бат-Боян. Через три года Шамбат при поддержке своего младшего брата Аспаруха, который был улугбеком Барсиле (Волго-Урала и Сибири), выступает против Бат-Бояна с целью завладения болгарским тронном. Аспарух захватывает Бурджан (Северный Кавказ). Бат-Боян при поддержке хазар, с которыми он заключил союз, разбивает войско Аспаруха. Последний бежит в Киев к своему дяде Шамбату. В последствии Аспарух со своими племенами уходит на Балканы и там создает вместе с южными славянами новое государство – Дунайскую Болгарию.

Во главе Хазарского каганата стояли среднеазиатские булгары из рода Ашина, т.е. «рода

Волка». Хазары постоянно расширяли пределы своего государства. Вскоре бывшие болгарские территории вошли в состав Хазарского каганата. Хазары были родственным болгарам народом, поэтому особых разногласий в государстве по национальному признаку не возникало, тем более существовали болгарские государства, куда желающие могли переселяться. Центром Хазарского каганата был болгарский город Итиль. Возникновение и упрочение Хазарского каганата совпало со становлением Арабского халифата, который вел многочисленные войны, в том числе и на Северном Кавказе. Вначале хазары и болгары сдерживали наступление арабов. Но в 737 г. хазарские войска были разбиты арабами на территории самого Хазарского каганата. По условиям арабо-хазарского договора каган всем желающим разрешил принимать ислам. Немалое количество болгар-бурджан (в частности, предки современных балкар, карачаев и кумыков) приняло мусульманство. Именно с этого времени среди болгар начинает распространяться ислам.

Кара-Булгария. В первый период существования Хазарского каганата центром болгарской политической жизни стал город Башту (Киев). Когда в начале IX в. хазарский каган Обадия со своим окружением принял иудаизм и начинает преследование мусульман, многие из них бежали к болгарскому царю Айдару (815-855) в Башту (Киев). Айдар поселил их на территории современной Украины. В 820 г. царь Айдар с частью черных болгар принял ислам. В ответ на это Обадия разорвал союз с Булгарией и пошел на нее войной. Булгары разбили хазарское войско, в этом им большую помощь оказали угры-маджары, поселенные хазарским каганом в Приазовье, которые в решающий момент битвы перешли на сторону болгар. Для обеспечения безопасности страны царь Айдар заключил союз с баджанаками (печенегами) и женился на печенежской бике (княжне). Их сын Джилки также принял ислам и мусульманское имя Габдулла.

Айдар решил бороться с Хазарским каганатом экономически. Он запретил болгарским и западным купцам ездить в Хазарию по торговым делам и основал новый торговый путь – «Из Варяг в Греки». Путь из Скандинавии в Византию и Закавказье проходил по славянским землям: по Волхову и Днепру, по Булгарскому бейлику, Черному морю и далее в Малую Азию. Данное обстоятельство способствовало расцвету Кара-Булгарского государства.

В 855 г. Айдар умер, болгарский трон унаследовал его сын Габдулла Джилки, который в своих делах опирался прежде всего на мусульманскую знать, что вызвало недовольство болгар-тенгрианцев. Младший брат Габдуллы Лачын (Рюрик), стремившийся занять трон отца, встал во главе недовольных политикой брата тенгрианцев. Византия и Хазарский каганат встали на сторону Лачына (Рюрика) в его борьбе за трон, естественно, небескорыстно. В Кара-Булгарии вспыхнула гражданская война. Вначале успех был на стороне Габдуллы: он разбил войско Лачына и его хазарских союзников. Против же другого союзника Лачына Габдулла в 860 г. послал болгарский флот, который достиг Константинополя и разорил его посадки. Во главе флота стояли вождь анчийцев (предков современных украинцев) Джир (Дир) и вождь скандинавских наемников (варягов) Аскольд.

В 864 г., когда Габдулла находился в своей летней ставке (батавыле) Хорысдане (Путивле), Лачын напал на него. Царь поспешил укрыться в Башту (Киеве). Но киевляне во главе с Аскольдом изолировали верного Габдулле Джира (Дира) и не пустили царя в столицу. Царь отбил нападение Лачына, захватил Киев, изгнал Аскольда из столицы. Неверность киевлян заставила его в 865 г. перенести столицу Булгарии в город Булгар у слияния Камы с Волгой. Кара-Булгария была разделена Габдуллой на два удельных бейлика с границей по Днепру: восточная часть стала Кара-Булгарским бейликом, во главе которого царь поставил своего сына Алмыша (Джафара); западная часть была названа Киевским бейликом во главе с верным беком Джиром (Диром).

Внешнюю политику Булгарии в IX – середине X вв. определяло соперничество с Хазарским каганатом за влияние в Восточной Европе. Хазары упорно стремились отнять у Булгарии Киевский бейлик. С другой стороны захватить власть в Киеве стремился изгнанный из страны Аскольд, который 870 г. подступил к Киеву с варяжской дружиной. Киевляне приняли его в качестве соправителя улугбека Джира и выслали в Булгар на Волге наместника Габдуллы в Киеве Микаила Башту, великого болгарского поэта средневековья. В 875 г. Аскольд поднял в Киеве антибулгарский мятеж, организовав на это анчийцев (славян). Кара-Булгарский

улугбек Алмыш не смог подавить мятеж: в дело вмешались хазары, которые поддержали Аскольда. Габдулла начал готовить большой поход на Киев.

Джилки к походу подготовил большие силы. Булгары и печенеги должны были двигаться к Киеву с востока, а с севера из Яна Галиджа (Великого Новгорода) выступал Салахби («Вещий Олег»). В 882 г. Габдулла скоропостижно скончался и начал запланированный поход его сын Бат-Угыр Мумин (882-895), новый болгарский царь. Болгарские войска с севера и востока одновременно подошли к Киеву. Киевляне без сопротивления приняли в князя Салахби («Вещего Олега»). Аскольд был схвачен и казнен. Мумин окрыленный успехом начал готовить поход на враждебный Хазарский каганат. Хазары пошли на заключение мира с Булгаром. Однако угроза со стороны Хазарии Булгару еще не миновала.

В 890 г. хазары помогли старшему сыну Алмышу Арбату свергнуть отца и захватить власть в Кара-Булгарском бейлике. Арбату помогли в этом не только хазары, но и угры (мадьяры), так как его матерью была мадьярка. Алмыш бежал в Киев, где стал соправителем Салахби. Арбат же после захвата власти принял участие вместе с уграми в походах хазар против печенегов. Печенеги были разбиты, одна их часть бежала в Булгар, другая обосновалась в Приазовье на землях, которые ранее принадлежали уграм. Арбат совершил походы на дунайских болгар, попытался отбить угорские земли у печенегов, но это ему не удалось. Неудачи заставили его уйти со своими кара-булгарскими и мадьярскими воинами в Аварию. Здесь совместно с аварскими уграми Арбат (Арпад) основал свое собственное Венгерское государство.

Волжская Булгария. Кара-булгары оказались по соседству с беспокойными печенегами, что им совсем не доставляло радости, и они упростили Алмышу увести их в Волжскую Булгарию. Алмыш согласился возглавить переселенцев с надеждой занять со временем отцовский трон. Прибытие Алмышу во главе с переселенцами совпало с походом огузов на Булгар, когда те только перешли болгарскую границу. Огузский хан заключил с Алмышем союз. Булгарская знать напуганная таким оборотом дел возвела на трон Алмышу (895-925), обещавшего Булгару защиту от огузов (тюркменов).

Умелая внешняя политика Алмышу с опорой на военную силу заставила Византию отказаться от поддержки Хазарского каганата. Хазарский каган нашел поддержку в среднеазиатском Саманидском государстве. Саманидский эмир приказал подвластным ему среднеазиатским огузам-тюркменам выступить против Булгара. В ответ на это Алмыш в 910 г. дал указание болгарским варягам совершить нападение на прикаспийские владения Саманидов. В 911 г. огромное объединенное войско хазар и тюркмен напало на Булгар. Алмышу с трудом удалось отбить это нападение.

Видимо, размышления о необходимости единства всего болгарского народа в одном централизованном государстве перед лицом опасности внешнего порабощения привели Алмышу к мысли о принятии религии, которая обеспечила бы это единство идеологически. Тем более перед ним были яркие примеры могущества Арабского халифата, государства Саманидов, скрепленные духовно исламом. Он сам уже давно был мусульманином и многие болгары исповедовали ислам, но немало болгар еще поклонялись Тенгри. Чтобы утвердить ислам в стране, необходимо было объявить его государственной религией.

В 921 г. болгарский дипломат, сын поэта Микаила Башту, Абдаллах ибн Башту, преодолев трудности пути, по поручению самого царя Алмышу добрался до двора багдадского халифа, которому и сообщил о желании болгарского царя сделать ислам государственной религией и заключить союз против хазарского кагана как противника ислама. В том же году долгожданное посольство халифа выступило из Багдада во главе послом Сусаном ар-Раси. Советником в посольстве был Ахмед ибн Фадлан, записки которого о тех событиях дошли до нашего времени.

Однако не все бии были довольны прибытием посольства и перспективой объявления ислама государственной религией. Часть биев-тенгрианцев организовала заговор, в который они вовлекли среднего сына Алмышу Микаила-Ялкау и предложили ему свергнуть отца и занять болгарский трон. Заговорщики под видом празднования сабантуя собрались в городе Буляре. Народ поддержал заговорщиков, ибо увеличение налогов Алмышем незадолго до этого события вызвало недовольство многих людей. Микаиль-Ялкау не присоединился к

заговорщикам, что вызвало среди них некоторую растерянность. Мятежники закрылись в крепости Буляр и ограничивали свои действия редкими вылазками.

12 мая 922 г. Великое посольство из Багдада, которое через все перипетии провел Абдаллах ибн Башту, въехало в столицу страны город Болгар. Алмыш согласился разрешить конфликт бескровно. Повстанцы сдались и были прощены царем-мусульманином, что еще более подняло авторитет ислама в глазах народа. Кроме того, повстанцы – бии и их люди – были воинами, а воины Алмышу были нужны, чтобы вести войну против хазарского кагана. Для джихада (священной войны за веру) болгарский царь собирал силы. Из Яна Галиджа (Великого Новгорода) для участия в войне против хазар прибыл Салахби («Вещий Олег»), изгнанный из Киева сыном Лачына (Рюрика) Угыром (Игорем), который провозгласил Киевский бейлик независимым от Булгарии Русским княжеством. Династия Урус-Айдара, к которой относился и Угыр (Игорь), называлась «урусской» по-булгарски, или «русской» по-славянски. Да и киевские болгары называли себя «урус-болгары». «Урус» в то время имело значение «великий». Вполне естественно, что Угыр (Игорь) не пренебрег этим названием. Так возникло древнерусское государство Киевская Русь. Салахби («Вещий Олег») неожиданно умер по прибытию в Булгар. Без его флота, имея в распоряжении только конницу, Алмыш не решился начать поход против хазар.

После официального принятия ислама Алмыш провел ряд реформ, как в управлении государством, так и в экономической жизни страны. Ахмед ибн Фадлан был назначен сеидом, т.е. религиозным главой мусульман страны. По всей стране строились крепости и города. Началась чеканка болгарской металлической монеты. Государство было поделено вместо автономных бейликов на провинции (губернии), во главе которых стояли улугбеки (губернаторы), назначаемые царем. Им подчинялись тарханы – местная знать. Шла исламизация языческих племен. Все это способствовало возникновению единой народности болгар. Усилилась и феодальная эксплуатация народа. Государственные крестьяне (игенчеи), которых называли чирмышами, обязаны были в связи с развернувшимся в стране строительством нести дополнительные повинности. Было в Булгарии и рабство. В основном рабами становились захваченные в плен воины противника или их покупали на невольничьих рынках, куда их привозили иностранные купцы. Раб по истечении 6 лет работы у хозяина или в случае принятия ислама становился свободным.

После смерти Алмыша Булгарией правил его сын Газан (Хасан) (925-930). Он всегда почитал Саманидов и сразу же по восшествии на престол заключил с Саманидским эмиратом союз, тем самым, предав забвению планы отца покончить с Хазарским каганатом. Газан не мог не знать, что Саманиды поддерживали Хазарский каганат. Внутри страны Газан усилил гнет игенчеев (крестьян) и роздал часть игенчевских земель своим дружинникам (джурам). Так в стране появились крупные феодалы-вотчинники, которые могли передавать полученные от царя земли по наследству. Их стали называть казанчегями, т.е. людьми Газана. Ахмед ибн Фадлан, ставший при Газане еще и везирем (главой правительства), всемерно поддерживал начинания своего любимца.

Зимой 930-931 гг. Газан лично отправился собирать налоги на Горную сторону Булгарии (правобережье Волги). Зима была суровой и голодной. По приказу царя у игенчеев стали отбирать последнее. Народ восстал. Газан был убит нападшими на него крестьянами. Отрубленную голову царя воткнули на копье и поместили в центре города Атряч. Новый царь Микаиль-Ялкау (931-944) жестоко разгромил повстанцев, а город Атряч – центр восстания – переименовал в Шонгыт. Ахмед ибн Фадлан, видимо, сочувствовавший повстанцам, как личный враг Микаиля был арестован и помещен в зиндан (подземную тюрьму), где и скончался.

Микаиль назначил везирем своего учителя и наставника Абдаллаха ибн Башту, по совету которого царь выделил чирмышей-мусульман в привилегированный слой государственных игенчеев, получивший название «субашы». Субашы платили строго назначенные налоги, которые были не так тяжелы и заинтересовывали их в развитии зернового хозяйства. Царь оставил у казанчеев наследуемые земли, так как именно они (субашы) составляли главную ударную силу болгарского войска – конницу тяжеловооруженных рыцарей, которых называли уланами, и ему не имело смысла с ними ссориться. Во внешней политике Микаиль вяло

стремился отстоять Кара-Булгарский бейлик от притязаний киевского князя Игоря (Угыра). В основном этим вопросом занимался кара-булгарский бий Мал, младший сын Алмыша.

После смерти Микаила-Ялкау в 943 г. царем Булгарии стал его сын Мохаммед (Ахмед). Ставленник казанчеев – он мало уделял внимания государственным делам. Окружив себя преданными аристократами, он предавался любимым развлечениям – охоте, пирам и др. Всеми делами в государстве занимался сеид Насыр, сын Ахмеда ибн Фадлана. Прихоти царя стоили огромных денег, казна быстро пустела, новые налоги разоряли народ. Упущениями булгарского правительства во внешней политике воспользовалась Киевская Русь. В 945 г. киевский князь Игорь (Угыр) напал на столицу Кара-Булгарского бейлика Хорысдан (Коростень, Путивль). Но дела пошли не так, как рассчитывал киевский князь. Войско Игоря было булгарами разбито, а сам он погиб. Через несколько лет его жена Ольга с помощью византийцев и хазар, а также кара-булгар-ковуев подчинила Кара-Булгарский бейлик Киевской Руси. Мал перешел на службу к Ольге, которая поселила последовавших за ним кара-булгар, которых стали называть берендеями, на правом берегу Днепра, где Мал основал новый город с прежним названием Хорысдан (Коростень). Оставшиеся на территории Кара-Булгарского бейлика булгары позднее вошли в состав Черниговского княжества.

В результате ослабления центральной власти границы Булгарии стали плохо охраняться. Нападения хазар и тюркмен участились. Наконец, Мохаммед понял степень опасности надвигающейся на страну катастрофы и приказал сыну царя Хасана Талибу Мумину возглавить оборону юго-восточных рубежей страны. Талиб проявил себя выдающимся полководцем и политиком. Он сумел добиться того, что охраняемые губернии стали платить дань Буляру, где он обосновался, за безопасность. На эти деньги Талиб создал 6-тысячную регулярную армию – «курсыбай» – из добровольцев-мусульман, пострадавших от набегов тюркмен, а также армию строителей из игенчеев разоренных набегам областей.

Строители под руководством Талиба на наиболее опасных участках границы создают крепости, валы, рвы, засеки, оставив противнику на случай нападения лишь несколько «коридоров», в конце которых были устроены засады. Талиб добился введения в стране закона о субашах, по которому принявшие ислам игенчеи переводились в разряд субашей, что способствовало процветанию сельского хозяйства страны и укреплению ее обороноспособности. Кроме того, Талиб создал новую категорию государственных военнообязанных игенчеев – ак-чирмышей. В военное время они обязаны были участвовать в войнах, в мирное время платили такой же по размеру налог, как субаши. Остальные игенчеи (крестьяне) попали в нерыцарские разряды: кара-чирмыши – государственные игенчеи-немусульманы – платили высокие налоги и несли наиболее тяжелые повинности, связанные со строительством крепостей, дорог, мостов и т.д.; самый низший разряд – курмыши – игенчеи, платившие большие налоги феодалам. Все эти реформы привели к тому, что Тюркменская война закончилась полной победой Булгарии.

Взросшая популярность и деловые качества Талиба были оценены царем Мохаммедом. Талиб был назначен везирем. Высокий государственный пост позволил ему продолжить свою реформаторскую деятельность. Талиб ограничил казанчеевское землевладение и большую часть земель центральной части Булгарии передал субашам и ак-чирмышам, которые с этого времени становятся главной опорой Булгарского государства. Основной своей задачей во внешней политике Талиб считал претворение в жизнь плана Алмыша: довести борьбу с Хазарским каганатом до полной его ликвидации, что давало Булгарии возможность стать хозяином всего Волжского пути до Каспийского моря, т.е. взять в свои руки довольно прибыльную европейско-азиатскую торговлю.

В 964 г. Талиб заключает договор с сыном Угыра (Игоря) Барысом (Святославом) о совместном выступлении против Хазарского каганата и его союзницы Византии. Союз был заключен на согласии Булгара с потерей губерний Джир (Ростов) и Балына (Суздаля), которые незадолго до этого Святослав присоединил к своим владениям. Летом 965 г. русские войска овладели булгарским округом Азак (Азов), захваченными Хазарией и Византией. Талиб двинул свое войско «курсыбай» на северные районы Хазарского каганата. Жители этих районов, напуганные русским наступлением, попросили Талиба переселить их во внутренние области Булгарии. Талиб удовлетворил эту просьбу. Переселенцами в основном были купцы и ремесленники. Они увезли с собой все свое имущество, оставив лишь дома с голыми стенами.

Когда в эти города вошел Святослав со своим войском, то он не обнаружил в них ожидаемой добычи, что его разозлило. Половину своего войска раздосадованный Святослав послал против войск Талиба, но русские потерпели поражение. Тогда Святослав двинулся в южные районы Хазарии. Многие болгарские и хазаро-иудейские купцы от русского разорения бежали из этих районов в города Саманидского государства. Впоследствии они стали опорой болгарской торговли в Средней Азии.

В 968 г. Святослав, оставив в захваченных им хазарских городах русские гарнизоны, отправился на войну с Дунайской Болгарией. Этим обстоятельством воспользовался Талиб. Он вернул Джирскую губернию (Ростов) и присоединил к Булгарии территории разгромленного Хазарского каганата под названием Саксинского иля. Однако Талиб не хотел порывать с Киевской Русью, которая вела войну с Византией, что было и в интересах Булгарии. Талиб послал в Киев к Святославу своих послов, которые провели с ним переговоры и заключили мирный договор. По этому договору киевский князь признавал присоединение территории Хазарии к Булгарии, вернул ей отбитую у византийцев область Азак (Азов). В свою очередь болгары обязались послать в помощь Святославу свой флот и в случае успеха на Балканах послать и сухопутные силы. Булгарские корабли, команды которых в основном состояли из варягов, действительно помогли Святославу.

После смерти Мохаммеда на болгарский трон взошел Талиб (976-981), который фактически правил страной с 960 г.

Особое внимание Талиб уделял торговым делам. Булгарским купцам были даны большие привилегии, что их сильно обогатило. Богатство купцов составляло и богатство государства, ибо они платили налоги. При Талибе в Булгарии завершилось сложение своеобразной феодальной системы, которая наиболее соответствовала условиям тогдашнего времени, что благотворно сказывалось на экономическом и политическом развитии страны. При Талибе Булгария стала мощной мировой державой, с которой считались как ближние, так и дальние соседи.

Когда Талиб умер, на трон взошел старший сын Мохаммеда Тимар Баджанак (981-1004). Однако младшие братья Тимара Ибрагим и Масгут, недовольные этим обстоятельством, начали выступать против него. В 985 г. Ибрагим заключил союз с киевским князем Владимиром, с которым он находился в дружеских отношениях еще раньше, и, объединив свои силы с русскими, напал на Тимара. Владимир двигался к Булгарии по Волге, он овладел Джиром (Ростовом), затем взял город Джуннэ-Кала (позднее – город Ибрагим, Брахимов русских летописей). Тимар, двигавшийся с юга захватил город Буляр. Тимар сумел добиться мира с Ибрагимом, уступив ему Буляр. Владимир в неведении высадился у Болгара и был окружен казанчегями Тимара. Однако дело обошлось заключением мира.

По болгаро-русскому договору 985 г. Русь возвратила Булгарии область Джир (Ростов) и Джуннэ-Кала (позднее на этом месте был основан русский город Нижний Новгород). За захваченный русскими Кара-Булгарский бейлик Владимир обязался платить Булгарии ежегодную дань. Кроме того, договор предусматривал принятие Русью ислама как государственной религии. Для закрепления договора Владимир женился на дочери Тимара Бозби. Однако уже через пять лет Владимир заключает союз с Византией и принимает в качестве государственной религии православное христианство.

Нарушение болгаро-русского договора 985 г. со стороны Владимира вызвало войну между Булгарией и Русью. На южном фронте против Киева выступали болгарское войско «курсыбай» и союзные печенеги (баджанак). Владимир проиграл несколько битв. Однако по неизвестным нам причинам Тимар поссорился с командующим (сардаром) курсыбая и распустил эту наиболее боеспособную армию Булгарии. В результате болгарские войска на юге не смогли овладеть Киевом, а на севере вынуждены были уступить русским Джир (Ростов). По новому болгаро-русскому договору Владимир обязался выплачивать ежегодную дань за Джир (Ростов), который остался за Русью. В свою очередь Тимар отказался от своей цели исламизировать Русь.

В 1004 г. Тимар погиб в междоусобной борьбе, к власти в Булгарии пришел его брат Масгут (1004-1006). Однако новый царь не пользовался в народе поддержкой и вскоре был свергнут своим братом Ибрагимом и бежал в болгарский город Кан-Мардан (Муром). Став царем, Ибрагим (1006-1025) еще более укрепил свою старую дружбу с Владимиром. По новому

договору с Русью болгарские купцы теряли право вести льготную торговлю в сельских районах Руси, это право осталось только для городских рынков. При Ибрагиме Булгария оказывала Руси большую помощь хлебом, особенно при освоении северо-восточных земель Руси (Ростовская область) и в голодные годы. Владимир сделал ответный жест: он вернул Булгарии область Азак (Азов).

В 1014 г. Ибрагим вновь пытался склонить Владимира к принятию ислама, обещая ему определенные уступки. Однако данное обстоятельство было не по душе сыну Владимира Мстиславу (его мать была дочерью хазарского принца, перешедшего на службу в Киев и принявшего иудаизм). Он убил отца и бежал в Византию, от которой в княжение получил Азак (Азов), вновь завоеванный ею от Булгарии. Новым Киевским князем стал сын Владимира Ярослав, который в войне против Мстислава был союзником Булгарии. Внутри страны Ибрагим поддерживал порядок, установленный еще Талибом, что обеспечивало стране благополучие.

После смерти Ибрагима трон унаследовал сын Тимара Ашраф (Шараф) Балук (1025, 1028-1061). В том же году сын Масгута Азгар взял Болгар и заставил Ашрафа уйти в Буляр. В 1028 г. Ашраф сместил Азгара (1025-1028, 1061) и вновь стал царем. Отныне потомки Балуга Ашрафиды и потомки Масгута Масгутовичи постоянно вели борьбу за болгарский трон. Балук, взяв власть в свои руки, стал вести активную внутреннюю и внешнюю политику. Он нанес поражение Мстиславу и Азак (Азов), уже который раз, опять стал болгарским. Он затеял тяжелую войну с Киевской Русью. А когда воины курсыбая стали роптать из-за того, что им приходилось вести непрерывные войны, Балук распустил элитное войско. Он также урезал права служилых феодалов. Вместо болгарских воинов в войско были наняты половцы (кыргызы-куманы, кыпчаки). Но наемники не были такими преданными и стойкими воинами, как болгары. Кроме того, для содержания наемной армии требовались огромные средства, которые собирались с игенчеев, купцов и ремесленников. Все это вызвало недовольство болгарского населения. К тому же начались межэтнические конфликты. Саксинские огузы (торки) отказались уступить свои земли для поселения наемных кыпчаков. Балук приказал жестоко подавить мятеж. Главари мятежа были схвачены и казнены. Масса торков бежала в Киевскую Русь, где они были поселены на правобережной части страны.

Сильнейшее недовольство болгарского населения внутренней и внешней политикой Балуга вызвало восстание народа. Во главе восстания встал Азгар. Он и был поднят восставшим народом на трон Булгарии. Однако вскоре Азгар погиб на охоте и царем был провозглашен его сын Ахад Мосха (1061-1076). Сын Балуга Адам бежал в Саксин в низовьях Волги, где улугбеком был Шарык-хан, отказавшийся подчиниться новому царю. Ахад подавил этот мятеж и Шарык-хан с последними саксинскими половцами бежал в Причерноморье. А Адам с отрядом саксинских огузов ушел на родину своей матери Среднюю Азию во владения сельджукского султана Алп-Арслана. Сельджукиды были болгарской по своему происхождению династией.

В 1071 г. Адам принял участие в войне султана Алп-Арслана против Византии. В битве при городе Мэн-Чокыр (Манцикерт) атака болгарского отряда Адама обратила в бегство византийцев, и султан одержал полную победу над армией противника. Малая Азия была завоевана Сельджукидами, и болгарские и тюркменские огузы в дальнейшем составили единую турецкую народность. В свою очередь Сельджуки помогли Адаму, женившемуся на дочери Алп-Арслана Айсылу, в 1076 г. вернуться в Булгарию, свергнуть Ахада и стать царем. Ахад перешел на службу к Адаму, но взаимопонимания между ними не было. Он пытался бежать от царя подальше на Запад. В конце концов, Ахад оказался в батышских (вятических) владениях, где в глухих лесах на берегу одной из многочисленных рек основал крепость Мосха, которая в последствии стала Москвой.

Богатый Булгар был лакомым куском не только для русских, но родственных булгарам тюркских племен. При Адаме начались постоянные нападения кочевых племен на Булгар: с запада нападали куманы-половцы, а с востока – оймеки-восточные кыпчаки. Булгария, которая простиралась от Средней Волги до Каспийского моря по отношению к ним занимала срединное положение. Набирающая силу Северо-Восточная Русь также пыталась прибрать к своим рукам западные земли Булгарии, особенно Джир (Ростовскую землю) и прилегающие к

нему территории. Для защиты страны с северо-запада сын Адама Шамгун (Шам-Саин) в 1103 г. рядом с Биш-Балтой, основанной на сто лет раньше, заложил новую крепость Учель (Ошель русских летописей) – «Три крепости (города)».

Русские князья в надежде ослабить Булгарию подняли против нее Новгород и своих половецких союзников – донскую орду хана Айюбая (Аепы). В 1111 г. болгары под Учелем (Ошелем) разгромили войско новгородского князя Мстислава. Однако на границе остановить орду Аепы не удалось. Он проник в центральные районы Булгарии. Перешедший из Руси на болгарскую службу сын Ахада бек Колын Селим в 1117 г. заманил войско Аепы в западню под Буляром и полностью разгромил его. Уцелевшие половцы бежали на Дон, одна их часть с семьями ушла в Грузию, а другая подчинилась Булгару.

После Адама Булгарией правил его сын Шамгун (1118-1135). Расходы, связанные с войной на два фронта – против русских и соседей-кочевников, – все более тяжелым бременем ложились на плечи населения. Игенчеи Мартюбы с центром в Учеле (Ошеле), не выдержав притеснений царских сборщиков налогов, восстали. На подавление восстания был послан курсыбай. Но сардар (командующий) алпаров (воинов) отказался участвовать в братоубийственной войне, ибо те и другие были мусульманами и игенчеями. Тогда Шамгун приказал расформировать курсыбай и нанял вместо него половцев во главе с их ханом Сарычином.

Воспользовавшись сложной внутренней и внешней обстановкой, при которой власть Шамгуна оказалась непрочной, Колын решил свегнуть царя и вместо него поставить своего сына Анбала Хисама и править страной от его имени. Колын тайно нанял к себе на службу уволенных Шамгуном воинов курсыбая. В заговор бек вовлек также суздальского князя Юрия Долгорукого, флот которого подошел к Болгару. Никто не поддержал Шамгуна, с 50-ю воинами он заперся в цитадели Болгара. Колын предложил Шамгуну добровольно уступить власть Анбалу, а самому перебраться в Буляр. Царю ничего не оставалось, как принять это требование. Казанчии с радостью поддержали Анбала, ожидая от него льгот. Колын, взяв себе звание ильчебека (правителя страны), проводил разумную политику во внутренних и внешних делах государства. Во внешней политике он поддерживал с Сельджуками дружественные связи, желая как можно теснее сблизить две державы. В 1135 г. Колын женил своего сына Анбала на дочери сельджукского султана Санджара Тадж-бике.

Формально Шамгун еще оставался царем. После его гибели в бою с восточными кыпчаками (оймеками) трон занял Анбал (1135-1164), отец его Колын стал везирем и ильчебеком, т.е. полновластным правителем страны. Столицей государства был определен Буляр. Везир вел взвешенную внутреннюю политику: отменил высокие поборы с мусульманских игенчеев, повысил жалование алпарам (воинам) курсыбая, дал ряд льгот болгарским купцам. Колын-Селим в 1137 г. отправил часть курсыбая на помощь своему союзнику Караханидам в Среднюю Азию, на которых напала монгольская орда кара-кытаев. Однако караханидское войско было разбито, и кара-кытай обрушились на курсыбай. Алпары вместе с оймеками в ряде сражений полностью измотали неприятеля. С другим войском кара-кытаев вел войну сельджукский султан Санджар, который от них потерпел поражение. Однако на дальнейшую войну с Булгарией кара-кытай не осмелились и заключили с ней мирный договор, по которому кара-кытай признали Анбала царем Булгарии и Дешт-и Кыпчака и взяли на себя обязательство в дальнейшем не нарушать границы Булгарии и Сельджукского султаната.

Мир на востоке дал возможность Колыну перебросить войска на западные границы. Суздальский князь Юрий Долгорукий предпринял попытку распространить свою власть на Рязанско-Муромское княжество, которое находилось в вассальной зависимости от Булгарии. В 1154 г. Юрий Долгорукий взял под свою руку Рязань и Муром и поставил там княжить своего сына Андрея Боголюбского. Булгарское войско немедленно выступило против суздальцев, взяло Рязань и Муром, обратив Андрея Боголюбского в паническое бегство, и передало власть в княжестве лояльному к Булгару князю Ростиславу.

В 1154 г. Колын умер, его сын царь Анбал, привыкший жить в свое удовольствие за спиной отца, запустил государственные дела, предаваясь развлечениям. Этим обстоятельством воспользовалось его казанчеевское окружение. Приближенные к царю казанчеи добились, уже

в который раз, распуска ненавистного им курсыбая – наиболее боеспособного войска Булгарии. Казанчеи безнаказанно стали захватывать земли игенчеев, разворовывать казну, потенциальные претенденты на трон подверглись жестоким преследованиям.

Один из сыновей Шамгуна Арбат Ос-Ладж поступил на службу к Анбалу, который назначил его Мартюбинским губернатором с центром в Учеле (Казани). Другой же сын по имени Улуг-Мохаммед Отяк Джанги решил бороться с Анбалом за трон и бежал сначала к своему куманскому тестю Башкорту, затем в Киев. Через некоторое время Отяк уехал к Суздальскому князю Андрею Боголюбскому во Владимир, который предложил ему помощь в борьбе за болгарский трон против Анбала. В 1164 г. Андрей и Отяк вторглись в Булгарию, взяли Ибрагим-Балик (Бряхимов русских летописей, будущий Нижний Новгород), подошли к городу Учель (Казань), который Арбат сдал брату без боя. Царя Анбала никто, кроме кыпчакской конницы, не поддержал, но она была разбита. В этой битве погиб сын Андрея Изяслав. Отяк (1164-1178) стал царем. Он выдал Андрею в качестве пленных Анбала, его окружение, в том числе своего брата Арбата.

Чтобы расположить к себе Андрея, бывший царь Анбал выдал за него замуж свою дочь Байгюльби. Сын Андрея Мстислав погиб в набеге на Булгарию, что охладило отношение между Андреем и Отяком. Боголюбский решил использовать бывшего царя в борьбе против Отяка. Но, когда суздальские бояре организовали заговор против Андрея, Анбал и его дочь, которая ненавидела мужа за его жестокость и антибулгарскую политику, примкнули к заговорщикам. В 1174 г. заговорщики убили Андрея. Брат Андрея, Всеволод, подавил выступление бояр, а заговорщиков предал смерти. В живых остался только сын Андрея и Байгюльби - Лачын Хисами (Юрий), который бежал в Булгарию.

Вскоре Отяк погиб в войне против донских половцев. Новым болгарским царем стал Габдулла Чельбир (1178-1225), старший сын Отяка. Арбат остался на Руси, долгие годы был воеводой Москвы. Улица, на которой стоял его дворец, и сейчас называется Арбат. Все это говорит о том, что два народа – болгары и русские – имели самые тесные отношения: воевали, мирились, роднились, а в целом создавали будущую общую родину – Россию.

Чельбир продолжал жесткую внутреннюю политику отца. Жители столицы, алпары курсыбая и игенчеи, доведенные царскими поборами до отчаяния, в 1182 г. восстали. Повстанцы избрали своим царем сына Анбала Челмати, храброго полководца и искусного политика. Восставшие изгнали Чельбира из Буляра. Последний пытался подавить восстание с помощью отряда кыпчакского хана Тургеня. Булярцы отбили атаку кыпчаков, а хана Тургеня убили.

Суздальский князь Всеволод Большое Гнездо решил воспользоваться неурядицами в Булгарии с тем, чтобы поставить в ней царем служившего у него сына Арбата Азана.

Собрав большую армию и призвав к походу других русских князей, Всеволод вторгся в пределы Булгарии. Оказавшись в отчаянном положении Чельбир увеличил жалование алпарам курсыбая, чем привлек их на свою сторону. Всеволод осадил столицу Булгарии Буляр. Булярцы отбили штурм, русские при штурме потеряли переславского князя Изяслава, а болгары – полководца Челмати. К Буляру под общим командованием Чельбира подошел курсыбай. Булгарское ополчение под командованием Лачына Хисами (Юрия) и наемные кипчаки окружили войско Всеволода и разгромили его. Азан попал в плен и согласился служить Чельбиру (1183г.).

Опираясь на военную мощь страны, Чельбир проводил крупномасштабные операции на юге Булгарии – на Северном Кавказе и в Причерноморье. Зимой 1183-1184 гг. болгарское войско отбило от Византии Азак (Азов). Весной того же года Чельбир вместе с половецким ханом Кончаком (Хонджаком) вошел с войском в пределы Киевской Руси. Однако это наступление успеха не имело. С помощью своих осетинских родственников (одна из его жен была осетинкой) болгарский царь возвел на грузинский престол Лачына Хисами (Юрия), который правил там под именем Георгия, женившись на грузинской принцессе Тамар. В болгарских городах появились армянские, грузинские и осетинские кварталы, населенные купцами и ремесленниками. Однако Лачын Хисами недолго усидел на грузинском троне. Он в 1189 г. женой и грузинской знатью был обвинен в стремлении исламизировать Грузию и лишен престола.

В 1185 г. болгарский бек Татра со своим войском и половецкий отряд хана Кончака двинулись на север с целью захвата Рязани, но вынуждены были повернуть на запад. Им сообщили, что князь южнорусского Новгород-Северского княжества Игорь идет в поход в область Азака, дабы отбить ее у болгар для византийцев. Два войска встретились на реке Суурлы (Сухой Торец). Игорь со своим войском попал в плен, не вступив по-настоящему даже в бой. Дело в том, что черниговские болгары – ковбуи, которые составляли конницу Игоря, перешли на сторону своих соплеменников, т.е. на сторону бека Татры. Однако из-за предательства Кончака, который тайно освободил Игоря из болгарского плена и сам со своими людьми ушел в степи, Татра не сумел развить свой успех. Причина заключалась в том, что Кончак не желал усиления Болгарии в Причерноморье. Но все же военные действия болгар против Северо-восточной Руси оказались успешными. В 1186 г. Чельбир подчиняет своей воле Рязань, которая возобновляет выплату Болгарии дани, а в 1193 г. болгарскими войсками были разбиты новгородские войска. Новгород также обязался выплачивать дань.

Чельбира интересовали также южные страны – Афганистан и Индия, куда он посылал свои отряды для участия в завоевательных походах среднеазиатских правителей. Однако закрепиться болгарам в этих странах не удалось. Когда монголы громили державу Хорезмшахов, он безучастно воспринимал эти сообщения, видимо, от обиды на то, что среднеазиатские правители так и не позволили болгарам основать колонии в этих странах. Чельбир также послал по просьбе сельджукского султана тысячный отряд на Ближний восток. В 1204-1216 гг. он сражался за Сельджуков против их врагов. По пути домой этот отряд отнял у византийцев города в Джалде (Крыму). Один из них – Сагдак (Судак) Чельбир подарил сельджукскому султану, чтобы иметь с дружественной и родственной державой общую границу.

Военные предприятия, предпринимаемые Чельбиром, требовали немало средств. Везир Губайдулла для покрытия все возрастающих расходов вновь стал брать с мусульманских игенчеев и ремесленников дополнительные налоги. В целом среди населения страны возрастало недовольство царем. В 1193 г. болгарский поэт Мохаммед Гали (Кул Гали) организовал заговор. Но заговорщики, которых называли «грачами», а заговор «грачиным», были преданы изменником и наказаны. Однако это заставило Чельбира призадуматься. Он сместил своего верного везира Губайдуллу с поста и отменил повышение налогов в центральных областях Болгарии. Однако на окраинах государства один за другим возникали восстания игенчеев, которые жестоко подавлялись царскими войсками.

Чельбир восстановил мир с Киевом и Смоленском, в чем были заинтересованы болгарские купцы, которые через эти города вели торговлю с Западом. Болгария стремилась укрепить свои западные границы. Азан в 1204 г. восстановил укрепления Учеля (Казани) на горе Богылтау. В 1216 г. Чельбир послал на Русь Азана, который в Липецкой битве разгромил суздальского князя Юрия. Суздальским князем стал ставленник Чельбира Константин. Но в 1218 г. ситуация изменилась. Суздальским князем опять стал Юрий, ярый противник Булгара, стремившийся во что бы то ни стало освободиться от разорительной для Руси болгарской власти. По приказу Юрия суздальцы перебили возвращающихся из Артана (Прибалтики) болгарских купцов.

Чельбир не замедлил с ответным выступлением. В 1218-1219 гг. болгарское войско во главе с самим царем овладело Устюгом и Раджилем (Радиловом), захватив при этом несметное богатство. Нападение русских на Учель в 1220 г. было отбито сардаром (полководцем) курсыбая Газаном. Учтя заслуги полководца перед страной, Чельбир приказал переименовать Учель в Газан (Казань). Реку Арсу, на которой стояла Казань, в дальнейшем стали называть Казан-су (Казанка).

Зимой 1220-1221 гг. Чельбир направил болгарское войско под командованием Газана для завоевания Суздальского княжества. Булгары взяли и сожгли крепость (Нижний Новгород), которую русские построили в 1220 г. на месте разрушенной ими болгарской крепости Ибрагим-Балика (Джуннэ-Кала). Далее Газан двинул свое войско на столицу княжества Владимир (Бульмер). По пути полководец взял несколько других русских крепостей. Юрий бежал в северные леса, откуда просил Чельбира о мире. Царь прекратил наступление и заключил с Юрием мир на унизительных для русского князя условиях. В частности, кроме территориальных и торговых уступок, выплаты дани русскими, в договоре было предусмотрено

разделение Суздальского княжества на две части: Владимирскую во главе с князем Юрием и Ростовскую во главе с князем Васильком, сыном Константина, верным вассалом Булгара. Сын Юрия Владимир отправился к Чельбиру в качестве заложника.

С востока на Булгарию надвигалась опасность. Войско Чингизхана под командованием непобедимого полководца Субедэ, разгромив среднеазиатские государства, через Иран, Грузию и Азербайджан приближалось к кавказской границе Булгарии. В этих условиях Чельбир предпочел иметь в лице русских на Западе союзников, а не врагов. Булгария стала готовиться к отражению нашествия монголов, которые уничтожили уже немало азиатских государств, а теперь приближались к Восточной Европе.

На встрече с монголами, пришедшими из Закавказья на равнины Северного Кавказа, выступил со своими войсками губернатор Саксинского иля (Нижняя Волга) Бачман. Вместе с ним против монголов выступили тюрки-аланы и донские половцы. Однако объединенное войско Бачмана потерпело поражение. Бачман ушел в Грузию, так как пути отступления в Булгарию были отрезаны монголами. Субедэ послал послов к русским князьям, предлагая в союзе с ними выступить против Булгарии. Но русские князья отказались от этого предложения и приказали убить монгольских послов. Объединенное русско-половецкое войско выступило против монголов. На реке Калке в 1223 г. состоялась решающая битва, в которой русские и половцы потерпели сокрушительное поражение.

После сражения на Калке Субедэ повел свои войска на Булгарию. Булгары хорошо подготовились к монгольскому нашествию. В районе Жигулей в Заволжье они заманили противника в заранее подготовленную засаду и уничтожили большую часть войска Субедэ, а оставшихся в живых пленили. Монгольский полководец, бежавший с горсткой своих воинов, был окружен и попал в плен. Чельбир не стал казнить Субедэ, обменял пленных монголов на баранов по одному за каждого, и разрешил им вернуться к своим соплеменникам. По этому случаю в народе эту битву называли «бараньей».

После смерти Чельбира на трон сел его младший брат Мир-Гази (1225-1229), который пытался провести в жизнь планы своего друга Кул-Гали по улучшению положения игенчеев, ремесленников и алпаров (воинов) курсыбая. Но реализовать эти планы они не успели. Узнав о смерти Чельбира, восточнорусские князья во главе с Юрием напали на западные области Булгарии. Данное обстоятельство осложнилось тем, что Тубджакский (Южная Сибирь и Северный Казахстан) губернатор Мерген перешел на сторону монголов и напал на центральные районы Булгарии с востока. В этих условиях Мир-Гази пришлось заниматься лишь отражением внешних нападений на страну.

Когда в январе 1229 г. Мир-Гази умер, на трон подняли младшего сына Отыка и рязанской княжны Вышелюбы Глебовны Джелалетдина Алтынбека (1229, 1230-1236). Новому царю пришлось немедленно выступить с войском к Джайку (реке Уралу), куда подошел с новой армией Субедэ, намереваясь напасть на Булгарию. К этому времени он уже успел разгромить болгарский Саксин. Битва состоялась возле болгарской крепости Каргалы (на месте современного Оренбурга). Тяжелое положение, в которое попал Алтынбек, спасло подоспевшее из Башкортского иля ополчение. Булгарское войско отступило на север. Субедэ увел свою обескровленную армию в Монголию.

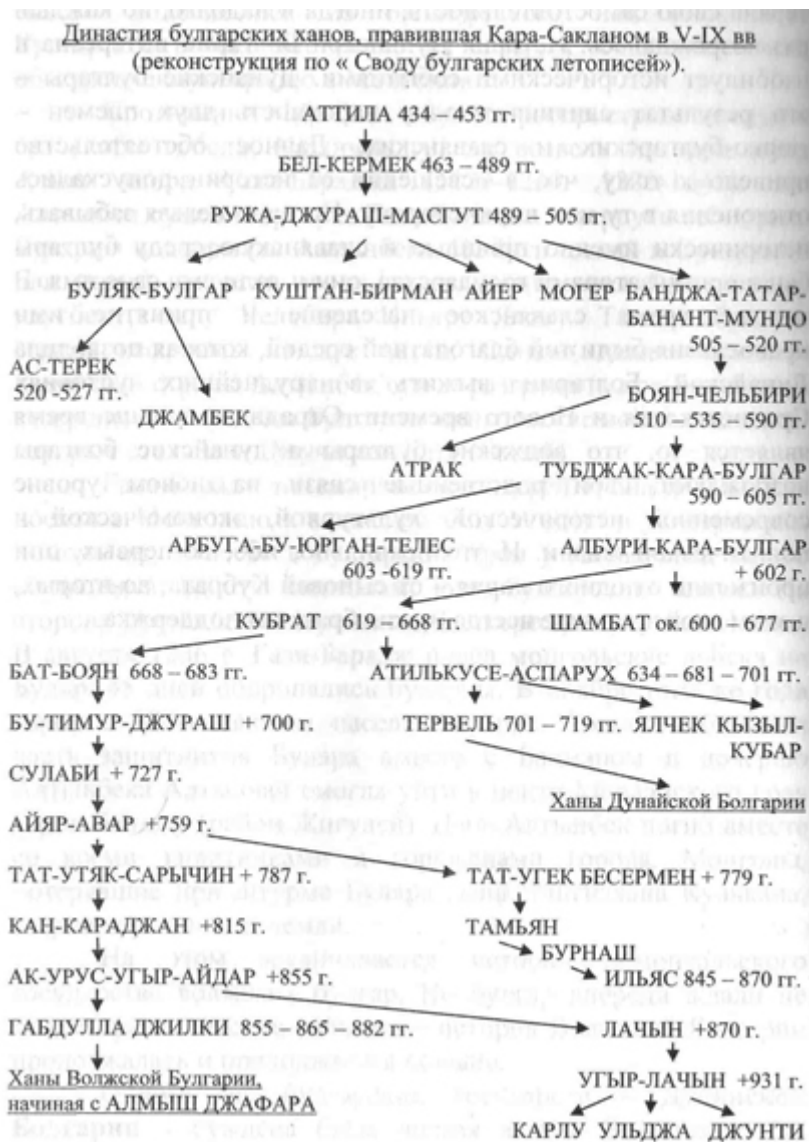
Противники Мир-Гази в Буляре распространили слух о его якобы гибели. Казанчеи тут же возвели на трон сына Азана эмира Гази-Бараджа (1229-1230, 1236-1242). Но Алтынбек сумел свергнуть Гази-Бараджа и вернуть себе трон. Булярцы поддержали Алтынбека. Но Болгарский и Суварский или (края) отвергли его и стали подчиняться Булгарскому улугбеку, сыну Чельбира Ильясу Ялдау. Таким образом, страна распалась на две части. Однако даже с силами усеченной страны Алтынбек сумел разгромить под Бугульмой вторгшиеся в пределы Булгарии монгольские войска, во главе которых стоял сын Джучи хан Бату (Батый).

Гази-Барадж не смирился с потерей трона и в 1232 г. поехал в Монголию к великому хану Угедее и уговорил его помочь ему отвоевать болгарский трон у Алтынбека, за что соглашался отдать монголам южнобулгарские земли. На сторону претендента перешел и Башкортский улугбек Иштяк. В августе 1236 г. Гази-Барадж повел монгольские войска на Буляр. 45 дней оборонялись булярцы. В ноябре того же года город с 200-тысячным населением пал. Только небольшая часть защитников Буляра вместе с Бачманом и дочерью Алтынбека Алтынчач

смогла уйти в центр Марданского края город Банджу (район Жигулей). Царь Алтынбек погиб вместе со всеми защитниками и горожанами города. Монголы, потерявшие при штурме Буляра сына Чингизхана Кулькана, стерли город с лица земли.

На этом заканчивается история домонгольского государства волжских булгар. Но булгар впереди ждали не менее драматические события – история Волжской Булгарии продолжалась и продолжается поныне.

Одному из болгарских государств – **Дунайской Болгарии** – суждена была долгая жизнь. Временами она теряла свою самостоятельность, иногда и надолго, но каждый раз возрождалась. История Дунайской Болгарии интересна и изобилует историческими событиями. Дунайские булгары – это результат слияния в одну народность двух племен – тюрко-булгарских и славянских. Данное обстоятельство привело к тому, что в освещении её истории допускались отклонения в ту или иную сторону. Но одно нельзя забывать, исторически именно пришлые в славянскую среду булгары были организаторами государства, они и дали ему свое имя. В то же время славянское население и принятие ими православия были той благодатной средой, которая позволила Дунайской Болгарии выжить в труднейших условиях Средневековья и Нового времени. Отрадным в наше время является то, что волжские булгары и дунайские булгары возрождают свои родственные связи на новом уровне современной исторической, культурной, экономической и политической жизни. И это правильно, ибо, во-первых, они произошли от одного корня – от сыновей Кубрата; во-вторых, в этом сложном мире всегда нужна братская поддержка.

БУЛГАРЫ И РУСЫ В ДРЕВНОСТИ

Область Туран вокруг Аральского моря была первоколыбелью древнейших тюрков. Позднее Урало-Поволжье (Идель – Урал), Северный Кавказ и Северный Прикаспий стали следующими прародинами тюрков, где окончательно сложился и развился Булгарский народ, его цивилизация и государственность. Это происходило в Бронзовом веке, между 4000 и до 1500 гг. до н.э.

Этноним «булгары» истолковывается как «черноголовые», или «волчьи люди». Другие же фонетические варианты самоназвания многочисленны: бул, бал, болгар, малкар, локыр, буляр, биляр, бухар, бегер, бояр, биер и т.д. Все это объясняется реальным наличием у прабулгар культа Волка – Синдиу¹³⁴.

Распространенными археологическими культурами древних булгар были Древнеямная, Курганная и Срубная на Восточно-Европейской равнине, на Балканах и в Восточной Европе. А индоевропейское единство распалось в 3000 – 2000 гг., и прарусы под именами Саки, Рещенцы, Словники, Славяне и т.д. выделились из тетраединства германцы – славяне – балты – тохары где-то ок. 2000 г. до н.э. и находилась пососедству с тюрками как уже земледельческие народы.¹³⁵

Вышеназванные этнонимы соответственно происходят: Саки – от северо иранского племени Саков, живших севернее р. Сыр-Дарья и двинувшихся потом на запад, Рещенцы – от глагола «рещи», т.е. «говорить»; «Словники». – от существительного «слово»; «Славники» - от «слава», так как славяне пять раз в день славили своих богов, алпов и героев и три раза в день пили сурью, священный напиток. На небесах им будто бы виделись конные воины моджары. В их честь славянские и булгарские певцы слагали свои песнопения. По преданию древнейшей русской жреческой летописи под названием «Приникание», самоназвание русов происходит от имени урартийского царя Русы I (734 – 711 гг. до н.э.), за которого они воевали на Ближнем Востоке и который им помог вернуться после долгих странствований на родину, на Волгу и Днепр, и образовать свою цивилизацию на территории Великой Скифии (конец VIII в. до н.э.).

Булгарский эпос «Чулман толгау'» (II в. до н.э.)¹³⁶ свидетельствует о том, что 72 булгарских, или огузо-тюрко-сакланских племени жили вокруг Черного моря. Протобулгары участвовали в сложении Киммерийской и Скифской цивилизаций Восточно – Европейской равнины и Западной Азии. Таким образом, и Индоевропейская, и Тюркская цивилизации являются испокон веков дружественными, евразийскими. Тюрки много кочевали, а индоарии – воевали. И протобулгарам, и прарусам служили водными артериями Волга – Ра – Оар – Вар – Руджан – Идель – Турхан и Днепр – Варух – Борисфен – Тун – Буричай. Там они встретились однажды в добрый час и навсегда подружились.

Протобулгары раньше прарусов образовали свое государство Идель после того, как примерно в 1512 г. до н.э. джабгусир (император) Буляр Таргитай заселил Аскып – Поле Половецкое – булгарами от Алтая до Дуная. Поселил он арджан-ульчиев (балтов) севернее, а на Имэн (восточную Польшу) запретил нападать, так как там жили булгары – агаджиры («лесные люди»).

Царство Идель на Волге иногда называли по имени правивших в нем династий: Манн, Кашдек, Куман, Сармат – Чирмыш, Алан, Гуннских Дуло I-й и II-й, Суварской.

Прабулгары звали прарусов на Волге «ас-халджой», а прарусы прабулгар – «халибами», т.е. по имени легендарного кузнеца, сына бога войны Ареса Халиба, и считались близкими друзьями. Прабулгары давали прарусам скот, а прарусы воевали и защищали своих друзей.

¹³⁴ Нурутдинов Ф.Г.-Х. Булгары и мировая цивилизация // Бахши Иман. «Джагфар тарихъ». Свод булгарских летописей. Т.1. Оренбург, 1993. С. 324 – 334; Он же. История Булгара (С древнейших времен до начала XII в.) // Там же. Т.2. Оренбург, 1994. С. 7 и далее.

¹³⁵ Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Бегунов Ю.К. История Руси. Т.1. С древнейших времен до Олега Вещего. СПб., 2007.

¹³⁶ Готовиться к печати Ф.Г.Х. Нурутдиновым в Софии (Болгария).

В «Чулман толгау» сохранилось одно любопытное предание. Вот его текст в русском переводе:

«Однажды, когда юная Бай-Тимат

Была в образе лягушки

Поймали ее жестокие

Халаджийские ребятишки.

По примеру взрослых

Безжалостно убивали они

Змей и лягушек

И считали это верхом доблести.

Но не все халджийцы,

А только кара – халджийцы

Убивали змей и лягушек

И считались плохим народом».

Согласно преданию, ребятишкам прабулгары дали мешок с золотом, чтобы не мучили лягушек и впредь не обижали бы их. Прабулгары пожаловались агаджирским царям и попросили отселить от них халджийцев. А это происходило во II тысячелетии до н.э., в Киммерийское время. Цари Агаджира переселили одну часть ак-халджийцев во главе с вождем Руджею в Биста-Арджан, т.е. в Прибалтику, от которой пошли прабалты. Другую часть народа во главе с Бирисом устроили рядом с Макиданом, т.е. с Македонией. Это были предки иллирийцев. Третья часть во главе с Джальшем поселилась в области Бырбат («Озерная страна»), что была расположена на юг от реки Припяти и далее до Днестра, т.е. в современных Белоруссии и Украине. Это были предки белоруссов и украинцев. Четвертую часть народа во главе с вождем Балыном поселили на северо-западе царства Идель, т.е. на Суздальщине. Это были предки великороссов.

Такова была первая линия этногенеза прарусов, идущая от прабулгар.

Как сообщает «Чулман толгау», родоначальники ак-халджийцы, предки волынян и галичан, отличались миролюбием, они разводили лошадей и волов и занимались земледелием. Но, если враг нападал на их землю, то они брались за оружие и сражались, как говорится в предании, отлично. А кара – халджийцы все оставались на своих местах, так как агаджирские цари ценили их за ратолубие. Уступали кара – халджийцы как воины только агаджирцам, утверждает автор предания. Агаджирцы называли праславян «ас-халидж».

Возвращаясь к теме борьбы с лягушками, автор «Чулман толгау!» пишет так:

«Не нравился ас – халджийцам

Жестокий обычай кара – халджийцев,

Но предпочитали они терпеть это,

Помня слова Агаджа:

«Кара – халджийцы покорны нам

И дают нам хлеб и лес,

Которых мы не можем

Добывать в своей степи.

Если мы будем

Всем чинить обиды,

То разобьют они

Кувшин нашего царства».

Булгары всегда чтили завет джабгусира Агаджи и дружили с праславянами и прарусами, своими ближайшими соседями, в великих Киммерии, Скифии, Кара – Саклане.

В то время, когда прабулгары строили свою цивилизацию в великих Киммерии и Скифии, праславяне создавали свою в недрах Лужицкой археологической культуры (1300 – 700 гг. до н.э.). Это происходило на территориях современных Германии, Польши и Чехии. Это была вторая собственно праславянская линия этногенеза. Во время Пшеворской (Пв. до н.э. – Vв. н.э.) и Зарубинецкой (Пв. до н.э. – Пв. н.э.) археологических культуры, прарусы выделились из праславян и создали свое первое государственное объединение волянян и мазовшан (Пв. до н.э. – Пв. н.э.). Это было первое русско – польское государство от Вислы и Вепрши до Западного и Южного Бугов.

Это была третья линия этногенеза руссов, идущая вторично от булгар. Глубина и многомерность этногенеза, совершавшаяся на территории великих Скифии, Сарматии, Кара-Саклана, состояла в том, что многие народы и племена превратились в Рещенцев – Славян, а точнее – в прарусов. Неудивительно поэтому, что численность русов в Кара – Саклане увеличилась. Так 300 названных поименно народов Геродотом и Клавдием Птолемеем составили народонаселение Кара – Саклан, превратившихся в один народ. Он составил народонаселение Первой Русской цивилизации. При этом Булгарская цивилизация тоже существовала параллельно, и весь вопрос был в том, кто из них первым создаст прочную государственность.

С тех пор русы и булгары вступили в прямой контакт на территории Великой Скифии. Джанги ибн ал-Кимаки в «Описании диковин Акбаша и Балынджара» (нач. XIIв.)¹³⁷ говорит о том, государство «Великая Болгария» (Улуг – Болгар) было основано джабгусиром Аскыпа Кубаном Бояном (он же – поэт, собиратель эпоса «Чулман толгау») в 154 г. до н. э. В состав

¹³⁷ Подготавливается к печати Ю.К. Бегуновым и Ф.Г.-Х. Нурутдиновым для одного из следующих выпусков сборника: «Сокровища Булгарского народа».

державы вошли следующие области: Джалда (Крым), Энегур (Восточное Причерноморье от устья Днепра до устья Дона), Джучи или Деремела (земли между Днестром и Доном), Утиг (Западное Предкавказье).

Столицами Улуг – Булгара в разное время были Руджан (Великий Булгар), Булгар – Балик, Старый и Новый Сундугачи, Ас-Банджа (Фанагория). При Сарматской и Аланской династиях Великая Булгария то упразднялась, то восстанавливалась вплоть до воцарения 2-й Гуннской династии, когда к власти пришел джабгусир Булюмар (363- 378 гг.). Его внук Аттила создал громадную империю от Лабы до Волги – Гуннию-субу (432-453 гг.). Сын Аттилы Бел-Кермек, он же – Ирник, в 475 г. восстановил «Великую Булгарию» под названием «Ак – Булгар – Йорты». Русы и болгары жили в ней дружно, не мешая друг другу. Бывало так, что в Башту (Киеве) одновременно правили два властителя: болгарский хан и русский князь. В результате дружественного взаимодействия образовался смешанный болгаро – русский этнос под названием «булгаро – урусы» двух разновидностях: одни были бородатые урусы, а другие – безбородые урусы, но все они говорили на трёк-булгарском языке и охотно отзывались на имя «булгары», которое было более угодно богу Тангре и его алпам. Полагают, что родоначальниками этой этнической группы были «барсылы», они же по-русски – «боруски». Их прародиной был полуостров Мангышлак Каспийского моря, а также область Урус в междуречье Урала и Эмбы. В начале новой эры население отсюда переместилось западнее, к устью Волги, на Днепр, на Северный Кавказ. Помогал этому переселению джабгусир Агарджа Зуркапа (150 – 189 гг.), награждавший переселенцев деньгами и землями. А булгар – урусы развивали торговлю, рыболовство, земледелие, судоходство и промыслы.

Про себя урус – болгары говорили так: «Мы – буляры, то есть болгары, а вы – тумары», т.е. «болотные кочки» (Джанги Джаныш). Слово «буляр» у них означало «знатный булгарин». «Из этой любви урус – булгар к кара – ульчиям (славянам, прарусам), – замечал Джанги, – проистекает та непонятная для многих жестокость урусских властителей Искела (Киевской Руси) к своему собственному (простому) народу, состоявшему в значительной мере из кара – ульчиев (славян). А вот для ак – булгар (волжских булгар) кара – ульчии были такими же булгарами, как и они». Прарусы осознавали себя славянами или сарбийцами, как их называли булгары. Они говорили на сакланском, т.е. праславянском или агильском языке «Приникания», или «Велесовой книги». Но все прарусы понимали трёк-булгарский язык «сабан». После расселения племен на Восточно – Европейской равнине, северные русы называли себя «бал – рус», а южные – «мал – рус», отсюда позднее название этнонимов: белорус и малорус. Другие булгарские племена влияли на русов: ердимцы – на радимичей, агаджиры – на древлян, байлак – булгары – на полян и чехов, сэберы – на северян, барынджары – на берендеев, кибя – булгары – на бородатых и безбородых урусов. А земля Русская в Травунии, Стении, Гардариин называлась Урускалой, и была она также землей Турджана, или Трояна, «ибо кровь наших предков обильно полила её» (Святослав Храбрый)¹³⁸. В VII в. Русь сосуществовала в единстве с Великой Булгарией, которую восстановил хан Кубрат (619 – 668 гг.). Святослав Киевский считал Булгар и Русь одним государством, а русов и булгар – одним народом, которому надлежит устроить совместный поход на Балканы. В своих «Поучениях» Святослав Киевский призывал: «Так двинемся за Урускалу в степи наши Джурашские (в Добруджу) и станем биться за эту нашу землю как бахадиры. Мы – урусы от булгарства, то есть от славолудства отделились, но хотим по-прежнему быть славными людьми, и это своими мечами не раз уже показали». И еще: «Об этой славе нам Кунгош (Жар-птица) поет, продолжает Святослав, и орлы всюду кричат, что урусы свободны и храбры на земле и в воде, в лесу и поле». Недаром ведь с киммерских времен орел – герб нашего государства. Так древнейшая геополитика опиралась на историческое самосознание народа. Верность самой идее – Русской идее – сохранял до конца Святослав Храбрый, с ней он и погиб в Днепровских порогах (972 г.). Это была верность и Аттиле Аудану, и Кию Искему. А Святослав Киевский был их продолжателем и наследником. Вспомнил он слова Забергана, или Бир-Алана (VI в.): «Так идем же на юг за Иджар (Дунай), где булгарские овцы Атая (джабгусира IV в. до н.э.) пасутся и за вероломство наших кровопийц-

¹³⁸ Текст «Поучений Святослава» готовится к печати для 2-го выпуска сборника «Сокровища Булгарского народа».

кряшцев (греков) их самих в море Илатское (Средиземное) с Агиля (Балкан) выбросим и возьмем весь Агиль, обильно нашей болгарской кровью политой. А если этого не сделаем, то проклянут нас потомки наши и отвергнутся от нас Тангра и Нарды, и такой мы грохот с небес услышим, и такая тьма окутает всю землю нашу, что перевернуться города и селы наши».

Подражая Забергану (VI в. н.э.), Святослав так сказал русичам: «И нам бы с его словами Джураш добывать пойти, только клятву перед этим всем дать, что если Джураш добудим, то назад его кряшцам уже не отдадим, и что лучше умрем все там, чем с позором назад вернемся. Если отстоим Джураш и Урускалу, единой, богатой и могучей сделаем, то будет нам славы народ наш пять веки вечные, а от Тангры мы милость великую получим даже, если люди твои сильны и многочисленны».

Золотые слова! Их бы надо помнить грядущим поколениям, если русские и болгары не хотят превратиться в рабов. Это ведь еще до завоевания Хазарии Русью и Булгарией в середине 960-х годов было сказано: «Мы сейчас Хазару подчиняемся, как раньше Улуг-Булгару и Аскыпу,- говорил Святослав, – а это все болгарские державы и во главе их стоят болгарские племена – наши родственники, но это все дальние болгары, которые дела наши не знают и знать не хотят. Вот мы хотим Джураш вернуть, чтобы Урускале жизнь благостную дать, а хазарский хакан – бек Талиб нам не позволяет из-за своей дружбы с кряшцами. Отсюда частые обиды между булгарами возникают, и за последние 2000 лет их так много накопилось, что лучше нам самостоятельную жизнь начать. Если мы независимыми не станем, то от обид истечет кровью сердце наше, и останется нам в нашей беде только слезы о неудачливой нашей судьбе лить. Пора немоготу свою бросить и о своем праве громко заявить и на Джураш пойти. А иначе станем настоящими рабами своих и вечно в нищете, обидах и невзгодах прозябать будем».

Итак, цели и задачи Балканского похода были определены: поход на Дунайскую Болгарию силами двух народов. Однако без уничтожения в тылу Иудейской Хазарии нельзя было обойтись. Поэтому неотложной политической задачей Святослав считал создание военно-политического союза Руси с Волжской Булгарией. Так и свершилось:

Хазария как государство в 965 – 966 гг. было Святославом уничтожено, а Балканский поход в конце концов окончился неудачей: войско было разбито, а полководец погиб. Киевские правители сделали ставку на создание мощной военной организации.

Скажем два слова про антов и казаков. Первые отряды профессиональных воинов ульчийцев – антов – возникли, примерно в IV в. н.э. в Русколани на территории Бырмана в Укре, т.е. между Черным морем и Днепром, на землях тиверцев и уличей. Они служили болгарским ханам и русским князьям и получали за свою службу деньги и земельные пожалования, а также свободу от уплаты дани и налогов. На время службы воинам запрещалось жениться, а к сорока годам воины выходили на пенсию и назывались «тама», а по-русски – «служилым сословием».

Вольные казаки были сродни антам. Их называли украми, или кирчиркесами, т.е. «вольными наездниками». (Джанги-Джаныш). Они «казаковали» в тех же землях, и их столицами называют города Бырлад на Пруте и Пересечень восточнее современного Кишинева, близ Днестра. Сказы сохранили одно предание о походах князя Буса Молодого (IV в. н.э.).

Анчийцы (анты) были самыми влиятельными боярами Галичины и Волыни, Киевщины и Переяславщины. Доблестный анчиец, совершивший подвиги на поле брани, мог быть принят в субу особо отличившихся урусов и занять почетное место на курултае – биев, или снеме князей. Из старших дружинников формировался также контингент княжеской администрации, т.е. исполнительной власти. Обретение военной организации было важным фактором развития государственных структур Русколани, Киевской Руси 1-й и 2-й, Русского каганата, Русского бейлика и княжества. Тоже было в Кара-Саклане и Ак-Саклане. Правда, Волжские Булгары создали у себя другую военную мобильную организацию – конный корпус, или курсыбай, из 6000 всадников. Анчийцы и казаки были общими. У русских подобные военные организации были гораздо многочисленнее и разветленнее, с истинной народной подоплекой: с богатырями и богатырскими заставами, которые несли пограничную службу при великих князьях Киевских – Владимире I и Ярославе Мудром. Когда антский ресурс сам собой исчерпался, то ставка была сделана на наемных воинов из варягов и колбягов, т.е. воинов Балтии и Скандинавии. Все это сыграло свою роль в укреплении Русской и Булгарской государственности, что, однако не

привело к образованию единого государства и консолидации народа. Слишком велики были этнические и религиозные различия. Русские пристально смотрели на Византию с ее христианством, а болгары – на Восток и на Хорезм, и на Багдадский халифат с их магометанством. Конфессиональные различия рождали многие противоречия. К тому же в Урускале существовало еще тогда Хазарское иго. В 863 г. киевляне подняли восстание против хазарской власти, которую тогда поддерживала и болгарская администрация. Восстание началось с перепалки антов с хазарскими таможенниками на притоке Днепра Почайне, где ныне стоит церковь св. Ильи Пророка. Восставшие безжалостно разгромили таможню, хазарский квартал, разграбили ростовщиков. Правда мечеть Эль-Джок не пострадала. И балтавар Джилки, неправильно истолковавший действия восставших, пошел войною на Башту. Под Путивлем болгары разбили новгородское войско во главе с бием Турмой, сыном Аскольда. В ходе сражения Турма был убит, осадить Киев не удалось. Балтавар Джилки понял, что для него Киев слишком горячее место, и надо бы, пока не поздно его покинуть.

Так прекратило свое существование государство «Ак-Булгар-йорты», бывшее с 603 по 865 гг. Джилки с 10000 войском и всем народом переехал из Кара-Саклана на Среднюю Волгу, в г. Руджан, или Великий Булгар, навсегда. Джилки принял имя Габдуллы и способствовал принятию ислама своим народом. Этим он окончательно отдалил болгар от русских и сделал почти невозможным их дальнейшие мирные контакты. Дело в том, что русские стали склоняться к христианству: Дир принял крещение в 830 г., а Аскольд вместе с киевлянами – в 850г. Первый из них был сыном князя Мезислава, а Аскольд – сыном Сигурда, внуком Гостомысла. После длительной болезни Дир умер (872 г.). А Олег Вещий убил Аскольда (882г.). Но Киевское княжество осталось и расширилось по великому водному пути «Из Варяг в Греки», объединившим Киев и Новгород, и став тем самым Киевской Русью – 2. С тех пор противостояние Руси и Волжской Булгарии стало усиливаться из-за борьбы за территории: Кортджак, Деремелу, Шуд и Бийсу. В государственных интересах Руси надо было также овладеть бассейном Волги. Это нашло выражение в войнах Владимира I и преемников Ярослава Мудрого в XI – XII вв. Имеются в виду многочисленные походы русских князей – владимиро-суздальцев и новгородцев – на Волжскую Булгарию. Прежняя дружба сменилась враждой и длительным противостоянием в XI – начале XIII вв., в том числе и из-за половцев, родственников болгар, которые не отдавали Руси Деремелу и нападали на русские княжества в течение почти 150 лет. Апогей этой борьбы пришелся на время великого князя Владимира II Мономаха, который стремился выселить болгарское население из Киевской Руси – 2. Овладение же Русью торговым путем по Волге на Восток – в Иран, Хорезм, Согдиану и Индию – было важной стратегической задачей, которая тогда еще не была решена.

СКАЗАНИЕ БУЛГАРСКОГО ЭПОСА ОБ ИМПЕРАТОРЕ АСКЫПА АТТИЛЕ

В конце IV – V вв. на Восточно-Европейской равнине, в Центральной Европе, на Балканах, на Северном Кавказе появились восточные завоеватели гунны, или хоны, имевшие древнетюркское происхождение. Они явились в Европу из глубин Азии на волне Великого переселения народов и во главе их находились талантливые военные вожди, такие например, как Баланбер, Ругила, Аттила, которые возглавили разноплеменную орду и создали Хунну-Субу. При этом они не были государями, заботившимися об экономике, культуре и благосостоянии народа. Евразийская идея и вера в Тангра вела их на поиски обетованной земли. Основное звено завоевателей составляли воинственные тюрки – хоны, имевшие устойчивую родоплеменную организацию и веру в своих вождей и в Тангра, и его алпов. Эта организация восходила к III в. до н.э. с их вождем шаньюем Модо III. Последний был верен древнетюркским традициям и уважал праславян, о чем прямо говорится в «Приникании». Знать хонов возглавила империю Аскып от Алтая до Дуная и до Германии. Она владела всем Аскыпом, включая старинные земли праславян – Травунию, Стению, Русколань, а главная ставка находилась в Деремеле, позднее переместившаяся на берега Тисы. Перво–наперво гунны объединились с уграми и сарматами, образовав мощный политический союз, позднее к ним примкнули и славяне. О диких нравах и необузданной жестокости завоевателей в один голос свидетельствуют современники. Так римский историк IV в. Аммиан Марцеллин писал, что «они вероломны, непостоянны (...) во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они прибывают в совершенном неведении, что честно, что не честно (...) не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы, что иной раз в один и тот же день отступают от своих союзников»¹³⁹.

Другой современник сообщает о расправе гуннов с населением Северного Причерноморья: «Побежденные скифы были истреблены гуннами, и большинство их погибло..., другие, собравшись вместе... числом не менее 200000 переселились в другие земли»¹⁴⁰, главным образом за Дунай.

Следствием гуннских завоеваний был распад Римской империи и разделение ее на две части с 395 г.: Западную и Восточную. В 432 г. власть в Великом Аскыпе перешла к детям брата Ругилы Мундзака – Аттиле и Бледу, которые присоединили к себе войска многих народов: славянских, германских, кельтских, мадьярских, фракийских и иных. Все они в бешеном натиске набросились на Рим, обосновавшись сперва по левому берегу Дуная. В 434 г. Аттила стал единовластным правителем и возглавил эти завоевания.

Древние булгары, как и славяне – русы, основавшие в 430 г. Киев, были захвачены всеобщим движением евразийских народов против Великой Блудницы, т.е. Рима, мечтающая покончить с рабством как недостойным человека позорным состоянием. Вскоре Аттила обосновался на средней Тиссе, основав свою деревянную тюрко-славянскую столицу Сюнь-Баил. В ней он принимал представителей многих государств с 434 по 453 гг. Приск Панийский положительно оценивал обычаи и нравственность гуннов и их союзников.

Аттила как вождь отвечал тюрко-русским представлениям о сути народной власти и об идеале народного вождя, который ведет народы Аскыпа к светлому будущему, руководствуясь при этом Евразийской идеей и волей Тангра.

По словам византийского хрониста, Иоанна Кедрина, Аттила был невысокого роста, широкоплечий, с темными волосами и плоским лицом, борода у него была редкая. Узкие глаза смотрели так пронзительно, что все подходящие к нему дрожали, чувствуя в нем огромную необузданную силу и мощь. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостивым и ласковым к своим соратникам и друзьям, особенно к славянам, как об этом свидетельствует

¹³⁹ Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994. С. 491-492.

¹⁴⁰ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. СПб., 1893. Т.I. С.726.

Приск Панийский.

Аттила имел много жен и детей. Он больше всего ценил личную преданность вождей и воинов, их отвагу и мужество. Это был типичный представитель зарождающегося в Евразии типа народного самовластного государя.

Он происходил из рода Дуло, потомки которого в V-VII вв. стали болгарскими каными, или царями. Из его рода произошли великие каны Кубрат, Бат-Боян, Шамбат, Аспарух. Они стали радетелями тюрко-славянских могучих государств, в том числе великих Кара – Булгарии, Волжской Булгарии, Дунайской Булгарии, Киевской Руси. В пяти направлениях вели вожди болгарский народ со своей прежней прародине – Северного Кавказа – на Волгу, Каму, Дунай, и даже в Италию, Паннонию, Македонию ради вьшщей прадедней славы, звеневшей отныне в веках.

Среди последних насельников новых им мест отметим предков дунайских болгар, ведомых Аспарухом, основателем Первого Болгарского царства.

Имя им – Слава!

Сказания и героические песни об Аттиле хорошо знали болгарские певцы–сказатели. Следы этих песнопений сохранил в конце XI в. бек Елаур Рыштавлы из рода черниговских ковуев, живший то в Киеве, то в Великом Булгаре.

Мы приведем сохранившиеся до наших дней отрывки текста из поэмы бека Елаура «Буляр сугэше ыры», т.е. «Песни о Булярской войне». Последняя рассказывает о походе великого князя суздальского Всеволода III Большое Гнездо на волжских болгар в 1183 г.

В ней воспеваются воинские подвиги юного Аттилы, прозванного в поэме Бат – Ильясом. В числе обидчиков юного бека упомянут родной брат Даббуд, он же – Бледа. Юный воин метнул в того копьё и оно «вышибло из него дух». После этого юноша удостоился покровительства воительницы Гулаим, дочери алпа Бабая, и с ее помощью доблестно сражался и покорил много царств.

Процитируем сохранившиеся до наших дней в русском переводе отрывки поэмы бека Елаура. Заслуга в их сохранении принадлежит группе переводчиков под руководством Сайфуллина (г. Петропавловск Казахстанский), которая перевела с тюрки на русский эти слова. А И.М. – К. Нигматуллин и Ф.Г. – Х. Нурутдинов сохранили их в своем архиве до наших дней¹⁴¹.

*«В междоусобице упало
Немало листьёв
С Древа Булгар, и не было видно
Конца этой беды.*

*Всех обидел Даббуд. (1)
Но особенно Бат-Ильяс. (2)
Выступила тогда его мать
Против лихого родственника.*

*Но и маленький Бат-Ильяс,
Родившейся с листом на лбу,
Сел на коня
И поскакал за матерью.*

¹⁴¹ Архив Ф.Г.-Х. Нурутдинова в Казани.

Прискакав на поле битвы,
Метнул он во врага копьё:
Смогло бы оно пролететь
Только за уши коня.

Но сама дочь Бабая – алыпа (3)
Подхватила копьё мальчугана
И, ударив им Даббуда,
Вышибла из него дух.

Сказала тогда Гулаим
Своему грозному отцу:
«Мил мне этот юный воин:
Будем мы отныне вместе!»

Пел как Боян у Хайджина
Балтаварлы, (4)
Создатель песен
о минувших временах
Кагана Бат-Ильяса.

О его любимце Элаге: (5)
«Тяжело твоей голове без плечь,
Тяжело и телу твоему без головы,
А хонской земле – без кагана».

Бат-Ильясу много раз
Предрекали гибель,
Но он не переставал
Воевать со всем миром.

На седьмом веке Турджана (6)
Достался Аудану (7) жребий
Любить всю жизнь
Деву войны Гулаим.

Дала она ему способность
Многое знать наперед,
Научила становиться лютыми зверьми
И продвигаться в сплошной мгле.

Усилившись ее хитростями,
Урусдан оперся на хонов
И ринулся к городу Кыя, (8)
Столице всего Атиле. (9)

*Взяв копьем
Золотой трон Кыя, (10)
Урусбаг (11) арсланом (12) кинулся
От него к Джанавылу. (13)*

*Одним поднятием знамен
Открыл он врата Джанавыла,
Превзошел славу
Великого старого Яр-Атая. (14)*

*Отсюда поскакал он
К сильному Бал-Нушу (15)
Прямо в полночь, скрытый
Завесой небесной тьмы.*

*Утром же, победив Издаровы кусы, (16)
Доскакал до реки Сина – джай, (17)
Да перешел тропу Хурсы: (18)
Пришлось остановиться у Мэн – Мара. (19)*

*Не велел он трогать на
Дау – Тугае (20)
Сбежавших сюда людей:
Ведь был на исаде (21)
Карамадж Умай. (22)*

*Благодарно зазвонила Аудану
Чиркау Умай: (23)
А он уже у Акавыла (24)
Этот звон услышал.*

*Бросил он в городские ворота
Уголья, взятые им в Мэн – Мара,
В очаге карамаджа Мара,
И разразилась тут страшная буря.*

*Ветер срывал с домов
Огромные крыши,
А удары молнии воспламенили
Целые кварталы.*

*Испугались акавылцы
И сдали свой город.
Ушел Бат – Ильяс отдыхать
На реку Немзай. (25)*

*Ночью, после пира,
Вошла к нему в шатер
Его любимая Гулаим
И навсегда закрыла ему глаза.*

*Тяжело стало людям
Без Дау – Барыса:
Справедлив был суд Бат –Ильяса,
Не обидел он никого.*

*Его сыновья, получившие от него
Завоеванные им города,
Стали спорить о том,
Кто из них более велик.*

*Стали они делить
Бескрайнюю Булгарскую землю,
Говоря: «Это – мое,
И то – также мое!»*

*Узнав о неурядицах
В Булгарской земле,
Пришли на сыновей Бат – Ильяса
Враги со всего света.*

*Но мало кто поддержал
Сыновей Дау – Рыша: (26)
Ведь истомили людей
Их междоусобицы.*

*Пали сыновья Уруса
В неравной битве:
Их головы и кости
Усеяли берега Немзая.*

*То было в те дни.
А сейчас урусы
Дружны, как никогда,
А в земле булярцев смута».*

НАШ КОММЕНТАРИЙ

1. Даббуд – брат Аттилы Бледа, сын Муенчака.
2. Бат – Ильяс – одно из прозвищ Аттилы.
3. Гулаим – дочь Бабая-алыпа, воительница, покровительница воинов.
4. Здесь названо имя создателя песен об Аттиле – Баяна, и творил он у бека Хайджина Балтаварлы, т.е. у князя тмутараканского Мстислава – Константина Владимировича, сына св. Владимира I (989-1036 гг.).
5. Элаг – Иллаг, сын Аттилы, погиб в битве при Недао в 454 г.
6. На седьмом веке Турджана... - сын императора Аскыпа Таргиза, 252 – 237 гг. до н.э., и Гуджи Иляркай, по имени Турджан, по прозвищу Дуло, основатель династии белых гуннов или хонов, от которой произошел Аттила.
7. Аудан – одно из прозвищ Аттилы.
8. Кый – Переяславец на Дунае.
9. Агиль – Балканы.
10. Город князя Кия Переяславец.
11. Урусбак – одно из прозвищ Аттилы.
12. Арслан – лев.
13. Джанавыл – г. Новы на Дунае.
14. Яр – Атай – одно из прозвищ императора Аскыпа Атея, 371 – 339 гг. до н.э.
15. Бал – Нуш – болгарское название г. Ниша.
16. Издаровы кусы – полки римского полководца Аэция на Каталаунских полях, 451г.
17. Сина-джай – р. Сена.
18. Хурса – алп, или дух кузнечного мастерства. Считалось, что тот, кто переходил его тропу, овладевал тайной его кузнечного мастерства.
19. Мэн – Мар – холм Монмартр в Париже.
20. Дау – Тугай – остров на Сене, называемый теперь Ситэ.
21. Исад – остров.
22. Карамадж Умай – святилище алпа Мара на Монмартре, в Париже.
23. Чиркау Умай – святилище богини Умай, на месте которого позднее возник христианский храм Нотр-Дам.
24. Акавыл – город Аквилея.
25. Немзай или Недао – река в Хорватии, где произошла битва гуннов и других народов во главе с сыном Аттилы Иллаком против армии гепидов, которой командовал король Ардарик. Гунны были разбиты. Во время этой битвы Аттилы уже не было в живых: он умер в 453 г. в своем дворце на берегу реки Тиссы.
26. Дау – Рыш – одно из прозвищ Аттилы.

Последнее процитированное из поэмы четверостишие оттеняет контрастность действий: вражду болгар Половецкого Поля между собой и дружбу русов Киевской Руси еще единой при Владимире II Мономахе.

Сохранившийся эпос об Аттиле поражает воображение, воспевая бахадиров давно ушедших времен.

«ЛЕТОПИСЬ КАРЧИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ИСТОРИИ И ЭТНОГЕНЕЗА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ

Летопись «Карча», повествующая о древних страницах истории Карачаевцев и Балкарцев – собрат «Слова о полку Игореве». Летопись начинается с событий, произошедших еще до нашей эры. Она раскрывает множество фактов, ранее истории не известных или спорных. В ней имеются многочисленные сведения о гуннах, аланах, болгарях, хазарах, куманах и многих других народах, населявших Восточную Европу в период античности и в раннем средневековье, когда в VII веке на землях, находящихся между Черным и Каспийским морями, доходящих на севере до Москва-реки, на востоке – до Урала, на западе – до Днепра, образовалось мощное государство – Хазария. Это было первое государство на территории Восточной Европы. По уровню развития экономики, военной мощи и международному влиянию оно соперничало с Византией и Персией, имело свои самобытную культуру и письменность.

Теперь об истории самой летописи «Карча». В карачаевском роду Хасановых передавались по наследству две рукописи, записанные на тюркском, предположительно на болгаро-хазарском, языке. Одна на основе греческого алфавита – летопись Ботая, сына Казакгы, другая на арабской графике – летопись Барлыу, сына Ботая. К сожалению, рукопись Ботая пропала после загадочной смерти Магомеда Хасанова, который повез ее в Ленинград к специалистам. Первоначально рукопись Барлыу была написана греческими буквами на хазарском языке. Бантау Толгун Чаушегир переписал ее арабскими буквами в начале XV века и продолжил летопись. Рукопись Барлыу переписал кириллицей историк Назир Хасанов (всего 10 глав из 23). В советское время он не смог ее опубликовать. Уже после смерти Н.Хасанова, книга в 1994 г. была издана в Черкесске. Мною был осуществлен подстрочный перевод трех глав. Изложенные в них материалы описывают события с древнейших времен до XIV века. В том числе нашествия Батыя и Тамерлана. К ним были даны авторские комментарии и пояснения.

В первой главе летописи сообщается, что в очень древние времена страна пратюрков состояла из семи княжеств, которые в свою очередь делились на восточные и западные. Затем автор летописи конкретно перечисляет племена, относящиеся к ним: сибилы, болгары, авары, гунны, массагеты, кипчаки и т.д.

Страна подразделялась на западных и восточных тюрков. Однако это не те тюрки Великого каганата VI-IX вв, о которых писали Гумилев и другие историки. Речь идет о событиях, происходивших еще до нашей эры. Некоторые племена, указанные в летописи, вообще неизвестны истории. Названия некоторых племен очень интересны: сибилские субаны (сваны), южные менгурские (менгрельские) сибиллы, кодурские (кодур) алпсиллы, юнгюрские (Ингури) сибиллы, базымта (Бзымта) сибиллы. Племена именуются по названию рек Грузии. Тюркские племена упоминаются там еще во времена Александра Македонского. В летописи Леонтия Мровели «Жизнь картлийских царей» говорится: «И, видя этих насельников вокруг той реки Куры, жестокие языческие племена, каковых мы называем бунтурками и кипчаками...» В комментариях к летописи пишется: «Бунтурки - так в древнегрузинских источниках именуются древнейшие жители Картли». «Бун» по-персидски означает «коренной». Значит, тюрки жили там еще до вторжения Македонского. В той же летописи глава «Нашествие хазар» стоит перед главой «Нашествие Александра». Названия рек и местностей легко переводится с карачаево-балкарского языка: Кодори (кудору-фасоль), Бзымта (базымты-уверенный), Менгрелия (менгю-вечный)...

Среди названий племен можно заметить еще одну интересную вещь.

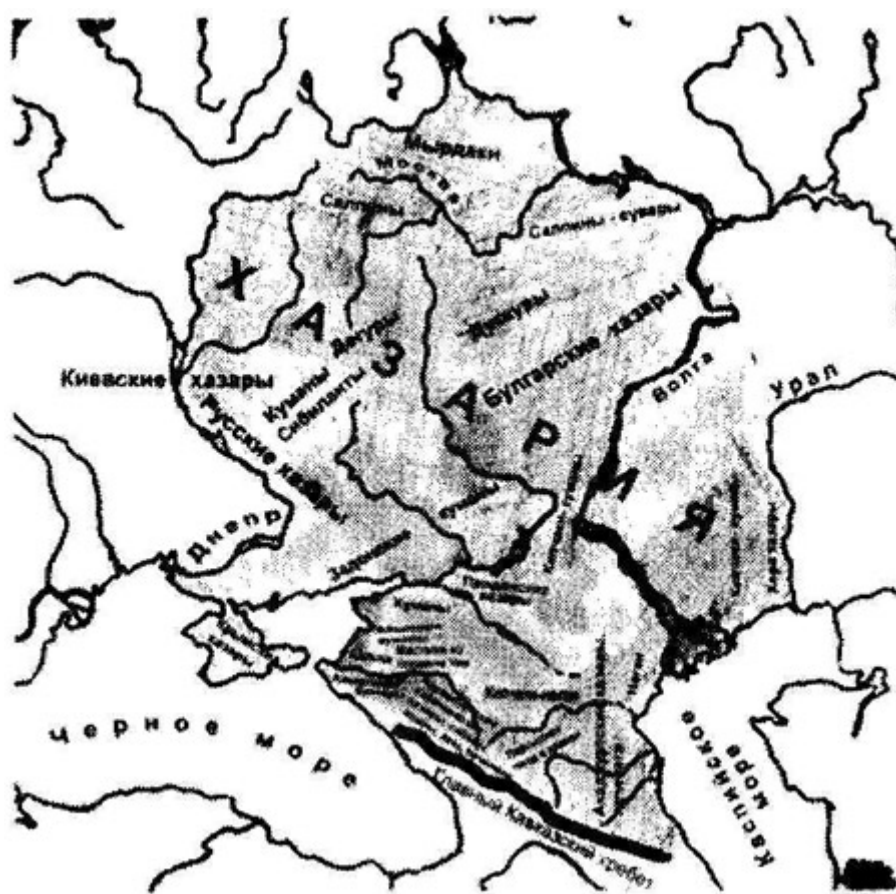
ГУННЕвары

СИБИЛанты

БАСАНгеты

Обратите внимание на окончания. Если их выделить получают: авары, анты, геты. Вот откуда появились новые племена. Это пока только гипотеза, но гипотеза, имеющая право на внимание со стороны ученых.

Далее в летописи сообщается о княжествах в государстве Сибил, охватывавшем территорию между Черным и Каспийским морями, на севере ограниченном реками Дон и Волга, на юге Кавказским хребтом. В этом же ареале действуют герои карачаево-балкарского нартского эпоса.

Хазарское государство

Следом идет перечисление племен Хазарии. По названиям местностей и рек можно составить примерную карту Хазарии и определить границы государства.

После перечисления племен Хазарии в летописи дается полный список каганов. Это большая находка для историков. Ранее были известны лишь каганы, начиная от Булана (Алпбулана) до Иосифа (Осуфа). Автору этих строк удалось восстановить по летописи «Карча» именник каганов Хазарии (см. «Карча. Булгаро-хазарская летопись», с.44-45).

В летописи Барлыу они перечисляются как хазарские каганы Сибили. Видимо, государство называлось Сибил, а название Хазария закрепилось за ним потом из-за гегемонии племени хазар.

Вместе с именами каганов в летописи перечисляются земли, принадлежащие им. Это дает возможность проследить образование единого государства из отдельных ханств. Более того, можно вычислить примерное время правления некоторых каганов и переноса столицы Хазарии из Беленджера в Итиль.

Наряду с каганами Хазарии названы кендер-каганы Малджарана. Это в свою очередь открывает некоторые загадки Хазарии.

Первыми в списке каганов идут Сабур-хан, Балгур-хан, Хазар-ок - это ханы страны Сибил. Постепенно происходит ее объединение в единое государство, которое закрепилось браком между сыном Балгур-хана - Болахом и дочерью Хазар-ок хана - Бойранкыз. В результате этого союза объединяются земли обоих ханств. После смерти Болаха Бойранкыз становится единовластной правительницей ханства Алханджурт.

Еще в хронографии Феофана упоминаются их имена: «В этом же году пришла к ромеям некая женщина из гуннов, именуемых савир, варвар, по имени Боарикс, вдова, имея при себе сто тысяч гуннов. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха. Эта (Боарикс) захватила двух вождей другого племени внутренних гуннов, по имени Стиракс и Глона, склоненных Кавадом - императором персов, оказать ему военную помощь против ромеев и проходящих по ее землям в (пределы) Персии с двадцатью тысячами...» Из этого текста вытекает много выводов. Во-первых, Бойранкыз была союзницей Византии. Во-вторых, она имела мощное войско, способное разгромить двадцатитысячное войско. И главное - время, в которое произошло данное событие, датируется 527-528 гг. Легенда о Бойранкыз сохранилась в карачаево-балкарском фольклоре до наших дней.

После Бойранкыз в списке каганов идет Албак-хан, при котором образуется Беленджерское государство. Беленджер переводится с тюрского как колыбельная земля (белен-колыбель, джер-земля). Можно с уверенностью сказать, что другой город Хазарии - Семендер пишется как Семенджер (тюрк, семен-сильный, стойкий; джер-земля) - сильная страна. Именно при Хаджар-хане все земли Хазарии объединились в единое мощное государство. Но после него она распалась на две части. Один сын Хаджар-хана - Озбулан, стал каганом Казджарана, а второй сын - каганом Малджарана. В карачаево-балкарской легенде «Сибилгюл» у Хаджар-хана рождаются два сына - Озбулан и Казбулан. Отец делит свое ханство между сыновьями. Это подтверждается тем, что в летописи Азтарганское ханство больше не встречается, оно делится между сыновьями.

После них Казджаран наследует сын Озбулана - Окъбулан, а Малджаран - сын Къозбулана - Элбулан. В дальнейшем Малджаран становится кендер-хаганством, подчиненным Хазарии (столица Малджаран - г. Маджары, раннесредневековый город, находившийся неподалеку от современного г. Буденовска, Ставропольского края).

В летописи Барлыу упоминаются кендер-хаганы. Это, потомки Элбулана, управляющие землями Малджарана, куда входят Акаджурт (белая родина) и Караджурт (черная родина). Акаджурт - это равнинные, а Караджурт-горные районы Северного Кавказа. Арабские путешественники сделали калькированный перевод, и появились белые (светлолицые) и черные (смуглые) хазары. Когда Барлыу перечисляет племена Хазарии, он пишет акаджурт тюзгер хазарла-акаджуртские равнинные хазары, караджурт карачай (множество рек) хазарла. Множество рек протекают в горах, пока не сойдутся в предгорий или на равнине в одну большую. Потомки хазар карачаевцы до наших дней сохранили за собой это название. Территория Малджарана, по описанию Барлыу, сопоставимо с территорией Алании (горные и предгорные районы Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Ингушетии, Чечни). Кендер - хаканы это цари Алании. И здесь нет ничего удивительного. Выше было сказано, что у Хаджар-хана родились два сына - Озбулан и Казбулан. Первый из них стал каганом Хазарии, второй - Малджарана. Долгое время они назывались государством Сибил, или Сибилти. Постепенно оно распалось на Хазарию и Аланию.

Среди кендер-хаканов поищем известные в истории Алании имена. Самым известным царем Алании является Дургулель Великий. О нем упоминается в «Картлис Цховреба». Его сестра была замужем за грузинским царем Баграта IV, а племянница - за византийским императором. Это, конечно, были династические союзы, что говорит о мощи Алании при Дургулеле. В 1062 и 1065 гг. Дургулель по просьбе своего зятя Баграта IV вторгнулся в Арран через Дарьяльское ущелье. Дургулель - это Турнагил, находившийся среди кендер- хаганов в летописи Барлыу. Теперь попробуем вычислить примерное правление Турнагила. Последний кендер-хакан в списке - это Аппий-хан. Алания перестала существовать после нашествия монголов, когда в 1239 г. пала столица государства Магас. Да и в летописи Барлыу написано, что Аппий-хан пострадал от нашествия Батыя. Между Турнагилом и Аппий-ханом правили шесть ханов:

- ТУРНАГИЛ-ХАН (ДУРГУЛЕЛЬ ВЕЛИКИЙ) в 1065г. вторгся в Арран.
- АЛПКЪОРСУН-ХАН
- ДЖУРАНАК-ХАН
- КЪУШТАНГИЛ-ХАН
- КЪОРТАНГИЛ-ХАН
- АЛПСИЛ-ХАН
- АЛПСИБИЛ-ХАН
- АППИЙ-ХАН (В 1239г. пала Алания при правлении Аппий-хана).

Если сопоставить примерные годы правления Турнагила и Аппий-хана, получается, что Турнагил действительно мог быть Дургулелем Великим и совершить вылазку через Дарьяльское ущелье в 1065г. Тем более, что именно при Турнагиле кендер-хаганы становятся отдельным ханством (хантурун). По истории нам известно, что в XI в. Алания отделяется от Хазарии и начинает вести самостоятельную политику.

Первая глава данной летописи заканчивается гражданской войной из-за веры, произошедшей в период правления хагана Ханукки, и далее отделением Русской Хазарии (эрус хазарлар), а также упоминанием о нашествии Батыя и Тимура. Эту часть летописи Барлыу переписал у своего отца Ботая - сына Казакгы, а тот - у более древних авторов. Вторую главу он описывает как очевидец. Она начинается с какого-то странного летосчисления. Скорее всего, это древний хазарский календарь. К сожалению, он пока не поддается расшифровке. Очевидец продолжает: «8-го месяца 1374г. мы с отцом закончили писать книгу о хазарах Крыма. А в 1378г. отправились в путешествие из Крыма на землю Сибилти, для того, чтобы написать историю хазар, куман и алан». Здесь он перечисляет племена, живущие на тех или иных местах, реки и крепости. Многие из них до сих пор не изменили свои названия. Реки Кубань, Терек, Чегем, Л аба... Крепости (ныне населенные пункты) - Хурзук, Учкулан, Джегетей...Городища Гиляч, Хумара, Карт-джурт, Амгата...

После года скитаний Барлыу с отцом приходит в крепость Темиркан в районе Бештау. Гостят там, у князя Темирболата, и уходят домой в Крым. Сын князя - Карча идет с ними для обучения грамоте. На этом имени нам следует остановиться конкретно. Карча - один из средневековых карачаево-балкарских князей. Начиная с третьей главы, страницы летописи в основном посвящены ему. Ботай был писарем военачальника Карчи. Карча в 24 года попадает в плен к войскам Тимура, уводится в Бухару и продается в рабство. Потом вступает в войска Тимура. Сбежав к взбунтовавшимся кашгарцам и киргизам, борется против великого завоевателя. Вернувшись на родину, создает княжество карачаевцев и балкарцев и обороняет его от иноземных врагов. В Приэльбрусье до сих пор есть местность, носящая имя Джантууган, - так звали сына Карчи, а село, основанное Карчой, называлось Эльджурт. Когда поселение сильно пострадало от селевых потоков, Карча с частью населения ушел в Картджурт. Хазарская летопись еще до конца не изучена, думаю, что ученые еще скажут о ней свое веское слово.

В 630 г. в степях восточного Причерноморья образовалась государство Великая Болгария под предводительством хана Кубрата. После смерти Кубрата его сыновья с подвластным народом разошлись в разные стороны. Старший сын Бат-Баян (Баян) остался на родине, Котраг ушел на берега Волги, Аспарух пошел на Дунай на территорию современной Болгарии и основал там Первое Болгарское царство. Еще два сына, предположительно, Альцек и Кувер, ушли в Паннонию (Венгрия). Альцек потом пошел еще дальше, в Италию. Считается, что болгары - потомки сыновей Кубрата явились этнической основой современных болгар, татар, чувашей, башкир и балкарцев.

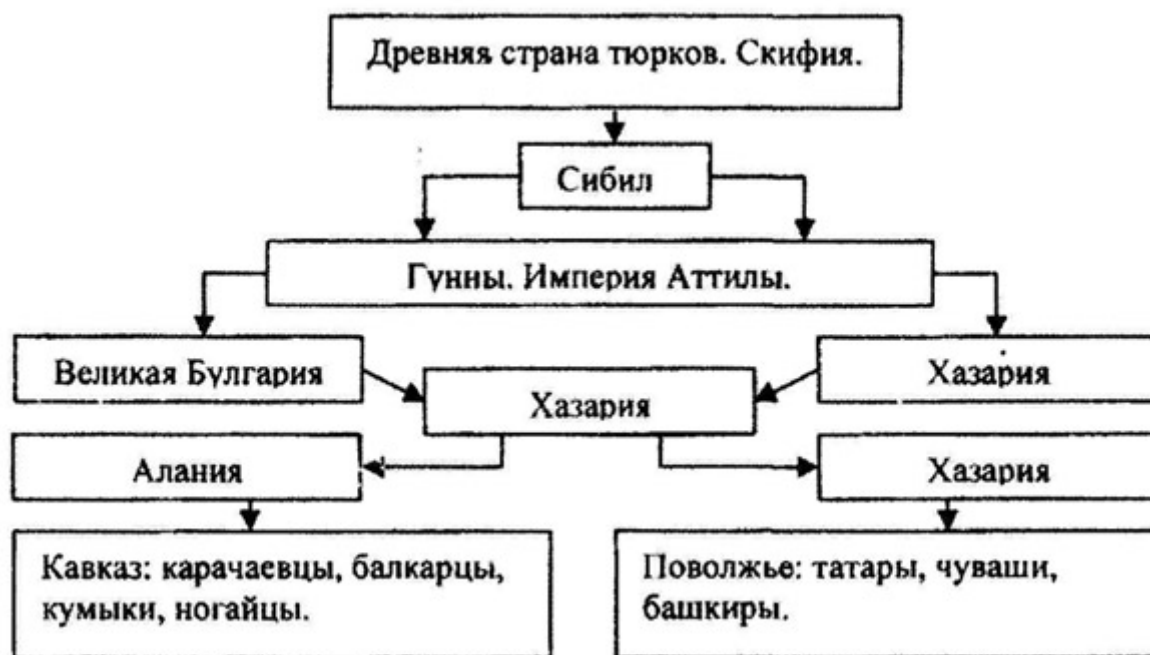
В середине VII в. Бат-Баян и Котраг вошли в состав Хазарии. Болгары и хазары были родственными тюркскими племенами. И не только они. К ним следует причислить сибиллов, кипчаков, алан, куман, авар и барсиллов.

До сих пор спорным является вопрос относительно времени исчезновения Хазарии. Некоторые историки считают X век (965г.- поход Святослава) концом государства. Многие хазароведы, в том числе крупнейший американский ученый Д.М.Данлоп, А.Н.Поляк утверждают, что Хазарское государство просуществовало до XIII века.

Судя по летописи Барлыу, после царя Иосифа (950г.) Хазарией правили еще четыре кагана. Так что более правдоподобно выглядит вторая версия. Кендер-хаганы становятся самостоятельными ханами при Турнагиле (Дургулеле Великом, 1065г.) - Алания отделяется от Хазарии. Можно утверждать, что по крайней мере до второй половины XI века Хазария еще существовала как государство. После распада Хазарии страной стали править куманы.

Монголы (1222-1254г.) и Тамерлан (1395г.) словно смерч прошли по территории бывшей Хазарии. Многие были убиты или угнаны в плен. Оставшимся аланам, хазарам, булгарам, куманам пришлось уйти в горы или искать прибежище в других странах. В 1424г. на территории бывшей Алании образовались три княжества (эллика): карачаевское, балкарское и кумукское. Их потомки живут соответственно в Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии и в Дагестане. Об этом пишется в пятой главе летописи¹⁴².

Преемственность народов с древнейших времен на Северном Кавказе можно изобразить так:

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Ас-Алан (журнал). М.,1994.
2. Глаш А. Карча. Булгаро-хазарская литература. Нальчик, 2005.
3. Кузнецов В.А.Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
4. Мровели Л.Жизнь картлийских царей. М.,1979.
5. Хасанов Н. Карча. Черкесск, 1994.
6. Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. М.,1980.

¹⁴² Хасанов Н. Карча. Черкесск, 1994, С. 27.

МАДАРСКИЙ КОННИК – ВЕЛИКИЙ ПАМЯТНИК БУЛГАРО – РУССКОЙ ДРУЖБЫ

История дружеских связей болгарского и русского народов начинается в незапамятные времена, предположительно за 1500 лет до н.э. В то время на Восточно-Европейской равнине и в Восточной Европе встретились два потока мигрирующих народов. Одни из них шли на юго-восток из района Лужицкой археологической культуры, а другие с востока на запад из районов Срубной и Катакомбной археологических культур с Волги, Дона и Днепра. Древние русы когда-то встретились с древними булгарами, узнали друг друга и, наконец, подружились, как дружат скотоводы с земледельцами, обменивающимися друг с другом полезными товарами. Тюрки и арии почувствовали друг в друге родственные души.

Языческая книга древних русов под названием «Приникание» (конца X в.) рассказывает о том, что однажды древние русы возвратились с Ближнего Востока на поморскую реку Гаволу и там повстречали болгар или халибов, детей бога Ареса, старого кузнеца, и не знали, как им быть. Ведь другие народы, узнав, что русы после дальних воинских походов сильно почернели, их не принимали в свою среду, а булгары приняли! Так началась дружба.

В дальнейшем, в Скифское, Сарматское, Кара – сакланское и Киевское времена булгары и русы оставались друзьями. Подробные рассказы о древней истории булгар и русов сохранили до наших дней старобулгарские летописи «Нариман тарихы», IV – XVIII вв., «Джагфар тарихы», XVII в., а также эпос «Чулман толгау'», подготовленный ныне к печати казанским ученым источниковедом Фаргатом Нурутдиновым. Все это наследие представляет великую ценность для Булгарского народа.

В последнее время, благодаря переводческой работе петербургского исследователя Алексея Ивановича Умнова-Денисова, древние языческие летописи были заново прочитаны, и они заговорили. В результате выявлено 90% ранее неизвестного ценного текста.

Все 95 фрагментов текстов-дощечек являются частью древнеславянского летописания, начавшегося в земле полабских славян в незапамятные времена и продолжившегося в Сурожье, Киеве, Ладоге и Новгороде до конца X в. И тогда крещена была Русь, и язычники с горечью пошли по иссохшей земле с плачем по ушедшим богам.

На одной из сохранившихся дощечек под номером П.4.ВУ, согласно прочтению А.И. Умнова-Денисова читается следующий текст: «Повелел цесарь (т.е. византийский император Константин IV Ираклит. – Ю.Б.) от Ярилы – Боженки нашего отвернуться, и были те булгары в беду кинуты. Завопили червонам (т.е., иначе говоря, к красинам, восточно-славянскому племени Галиции. – Ю.Б.): «Вы – братья наши!» У селения Мадара присягу дали друг другу, род роду. Таким образом, ту правду нашу за десять веков выбили на скале о войске своем. О племени тесание выбили мы Куврату (т.е. кану Великой Булгарии Куврату, или Кубрату, 619 – 668 гг. – Ю.Б.) тех полян. Сэберу (т.е. болгарскому бию. – Ю.Б.) дали древлянского племени людей, даденные по своей сути от Русколуни имеют (происхождение – Ю.Б. т.е., происходят от государства восточных славян Киевской Руси – 1, основанной в 430 г. – Ю.Б.).

А по другому раскладу это насечение на скале подпадает под лето, когда выделилось, а Мадара потом будет, это Само (государство западных славян, 623-658 гг. – Ю.Б.). Сечью тогда стали те, кто был до этого в зависимости на чужих землях поработали восставши. Таким образом, на Мадаре выбили весь список каганов. По кону же нашему (т.е. по началу первого русского летосчисления, которое начинается с 351 г. до н.э. – Ю.Б.) это было в 1020 г. Тогда был еще халиф Гасан (ум. в 669 г. н.э.). Сделали вытесыванием на скале еще до сотворения Руси». (Дощечка П.4.Б; перевод А.И. Умнова – Денисова). По поводу новопрочитанного текста на этой дощечке наше мнение следующее: мадарский всадник – это совместное творение булгар и русов в то время, когда они подчинялись кану Бат –Бояну, сыну Кубрата. Изваяния на самом деле было каменным изображением бога Солнца верхом на коне (таковы Ярила и Хорс). Оно соотносится с тем временем, когда Бат – Боян захватил крепость Доростолон на Дунае. К тому

же времени относятся болгарские переселения на Волгу и Каму, и дальше – к Уралу (см. тексты на дощечках П.4.5;Д.6.Р; П.12).

В то время болгары вместе с русами укрепляли свою цивилизацию на Восточно – Европейской равнине. Династия Дуло была их светочем. К сожалению, сама надпись каганов еще не прочитана. Но то, что сохранилось на Мадарской, скале свидетельствует о болгаро-русском величии и славе!

Ю.К. Бегунов
Ф.Г.-Х. Нурутдинов

ПРЕДАНИЕ «ПОУЧЕНИЙ СВЯТОСЛАВА» О НАЧАЛЕ ДУНАЙСКОЙ БОЛГАРИИ

Дунайская Болгария (она же – Овеч, Джураш, Мизия, Фракия) как государство и цивилизация возникла в VII в. не на пустом месте. Она началась от протобулгар, как повествуется в летописи, за 17000 лет от легендарного алпа Локбыра в Урус-субе или Кавыле (Северном Прикаспии). Родившейся по воле верховного бога Тангры, Великий Булгар подчинил себе Идель – Урал, Агиль (Балканы) и Балын (Восточную Европу). Перед нами череда древних протобулгарских цивилизаций. Но дороже всех одна: Дунайская Болгария. О ней много рассказывается в сохранившихся в русском переводе болгарских тарихы (летописях) и намеи (поэмах). Одна из них открыта болгарским ученым Фаргатом Нурутдиновым. Это «Поучения Святослава», якобы произнесенные великим князем Киевским накануне Балканского похода. «Поучения» сохранились в составе «Бэрсала тарихы», т.е. «Переяславской летописи» болгарского происхождения, которая, в свою очередь, входила в состав «Нариман тарихы», XIV – XVIII вв.¹⁴³

В «Поучениях...» подчеркивалось, что при болгарском кане Кара – Саклана (Аскыпа, или Скифии, или Украины) Урус – Айдаре (815-855 гг.) «мы, урусы, свою славу стали иметь» в связи с провозглашением в 852 г. русского бейлика (княжества) на среднем Днепре со столицей в Киеве. Тогда Русским князем стал Дир (или Ас – Джир), сын Мезимира (830-872 гг.). Этот факт в самой общей форме был отмечен в русской «Повести временных лет», под 852 г.: «... когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля»; а болгары называли ее Урускалой и считали своей.

Никогда не может быть забыто, что от болгарского корня, в том числе, вырос и побег славного племени русов, которые жили в Кара-Саклане и Ак-Саклане (т.е. в Скифии, на Северном Кавказе) и в Идель-Урале с древнейших времен Чернолесской археологической культуры всегда рядом с булымерами-булгарами своими братьями. А когда приходили войны, то русы вместе с болгарскими племенами обороняли свою землю – Аскып, что пораскинулась на огромных пространствах от Алтая до Дуная. Там кочевали тюря-булгары, или кибя-булгары, иначе говоря, главенствующие булгары, которых русы называли бурджанами. Те брали с других племен (а по Геродоту их в Скифии было множество) дань в виде десятой части зерна и скота. Но с русов они ничего не брали, потому что булгары были честны и добры и жили по Торе, древнему закону. Русы называли булгар халибами, как свидетельствует древняя книга «Приникание», дружили с ними, давая пищу и кров, когда это требовалось, воевали против греков и римлян в одном Степном союзе, ненавидели рабство и любили свободу. «И так было до той поры, пока к нам не прилетела чудесная птица Кунгош, она же Куккош, и Мэнкош, и села на дерево и начала петь про подвиги древних бахадиров. Ее перья горели и днем, и ночью, а песня призывала их к миру, и к подвигам, в справедливой войне светлых сил с темными дивами во главе воинов – маджар с алпом Барыном (он же – Барыс, Кубар, Маджар, Урус), скачущим на белом коне по воздуху со сверкающим копьём – молнией в руке. А когда Барын рассекал облака, то гремел гром, и с небес стекала живая вода. А мы с радостью пили эту воду: ведь она дает нам жизнь и силу».

Тот чудесный воин, посланник Тангры, запечатлен в камне в виде Мадарского всадника. В поэзии его воспел Хайджин. Так пел на трёк-булгарском языке Бек Хайджин Муса Балтаварлы, а порусски тьму-тараканский князь Мстислав Владимирович, сын Владимира I, внук Святослава (годы жизни – 989-1036). Для своей поэмы он использовал «Поучения Святослава».

¹⁴³ [143] Обладателем и хранителем коллекции уникальных материалов с болгарских летописей, эпоса и поэтического творчества является казанский источниковед Фаргат Габдула-Хамитович Нурутдинов. К сожалению, древние тексты на тюрки почти не сохранились. Они погибли в результате пожаров ваисовских архивов и библиотек в 1884г., в конце 1930-х годов, 1944, 1982гг.

Они были записаны кириллическими буквами на древних дощечках на агильском (балканском) языке; здесь сохранилось фольклорное предание о прарусах и протобулгарах с древнейших времен.¹⁴⁴ В начале рассказывается о Тангре и его деяниях в следующих словах: «Напрасно вспоминать наши счастливые времена перед дальней дорогой, напрасно оглядываться, если народ почти ничего не знает о Наджи (Подземном мире), Суваре (Небесах) и Джамыре (Земле, или реальном мире), о двух сторонах жизни – о Свете и Тьме, о Добре и Зле – и даже стесняется об этом думать. Тангра создал Сувар, Наджи-чашу из Джамыра (гранита), которую мы называем Джамыр Савыт и Джир (земля), алпов (духов), Солнце, Луну и Звезды. Джамыр Савыт Тангра повесил на ветки Тыта, или Бой – Терека (Дерево Вселенной), на которой Джамыр Савыт с той поры и висит. Из Суvara изливается Тиджа (Источник жизни), рождающая по воле Тангра жизнь. Когда сок Тиджи в живом иссякает, все живое умирает и попадает в Наджи, или Тамму (Подземный мир). А в Суваре – вечная жизнь, но туда попадают лишь герои и праведники, которых Тангра обращает после их смерти в алпов. Пусть эта болгарское знание урусы запомнят, ибо оно с нами останется. В этом я вижу наш Кулай (Судьбу)».

Таковы основы болгарского духовного учения, которое было также известно и русам, но с другими именами. Так Тангра это Дажьбог, триединство вселенной – Явь, Навь и Правь, богиня Умай – Матерь Сва и т.д.

А далее следует обширное повествование из мифологической истории протобулгар от легендарного алпа Локбыра до исторического хана Аспаруха (VII в.). По мере достижения исторических времен голос проповедника крепчал, звучал все увереннее и мощнее, особенно тогда, когда рассказывалось о том, что протобулгары во главе с барсылами (борусками) с боем Сэбэром, братом Булюмара, во главе перешли из Идели на Волге на средний Днепр (или Тун – Буричай, по-булгарски) и там «как соколы на лебедях на кряшцев (греков) налетели и били их». Когда кряшцы увидели, что Лис (он же – Шурале, алп смерти) уже в предместьях Истамбула (Константинополя) хвостом вертит, то немедленно послали к Сэберу в Джураш (болгарскую Добруджу, или Овеч) свою дань – золотые одежды и серебряных коней, и власть болгарскую над собой признали. «Однако греки собрали большое войско и неожиданно напали на бия Сэбера». Но болгары начеку были, продолжает автор «Поучений», и такое побоище врагам устроили, что надолго кряшцы притихли. За эти победы наши предки немало кровушки на землю ту пролили, а значит, наша она для нас стала. Вернемся же туда, призывал Святослав, где видели мы уже горы Балканские и золотые пески Лукоморья, поможем бурджанским булгарам мы в борьбе против кряшцев и сядем на веки в Джураше предков наших».

В другом месте своих «Поучений» Святослав сообщает, что младший сын Кубрата Аспарух со своими бурджанами (северокавказцами), идельскими (Волга-уральскими), барсылами (северокавказскими предками русов) и дулобайскими (волынскими) булгарами при помощи хакана Хазара Кыр – Багыла (653-675 гг.) разбил кряшцев при Суле (Дунае) и отнял у них исконно болгарские земли: Кара-Бурджан (Дунайскую Болгарию) с областью Джураш (Добруджу).

В «Поучениях» четко изложена программа Балканского похода Святослава: основать болгаро-русское государство в результате Балканского похода Святослава Джураш, или Овеч, со столицей в г. Переяславце-на-Дунае. Причем автор «Поучений» опирается на фольклорную болгарскую традицию постепенного завоевания Агиля, т.е. Балканского полуострова. Он также основывается на болгарской традиции служения Тангре и его нардам. Также пел создатель болгарского эпоса «Чулман толгау?» кан Кубан Боян в 154 г. до н.э.¹⁴⁵ Хайджан пел так: «Уйдут кряшцы из Джурашской земли, где текут молочные реки среди медовых берегов». Итак, согласно преданию, русы были ближайшими друзьями протобулгар, которые исповедовали языческую веру в Тангру и его нардов, и расширили свою территорию до Алан-Кубара (реки Одры) и Истамбула (Царьграда). Они не хотели, чтобы «дети тьмы», как болгары называли

¹⁴⁴ Благодаря работе в 1920 - 30-е годы под руководством Сайфуллина в г. Петропавловске Казахском, сохранилась известная часть этих материалов, но только в русском переводе. С 1966 г. по настоящее время владельцем коллекции является Ф.Г.-Х. Нурутдинов. Он постепенно готовит эти материалы к печати.

¹⁴⁵ Текст болгарского эпоса, отредактированного во II до н. э. болгарским поэтом Кубаном Бояном - «Чулман толгау» - тоже сохранился в русском переводе группы Сайфуллина и в настоящее время представляет собой семь толстых амбарных книг. Он ждет своей очереди на издание.

греков, на земле жировали и обращали в рабство болгар и славян.

Постепенно автор «Поучений» переходит ко времени Аспаруховых болгар, когда «кряшцев баг бурджанских болгар сын Кубрата Аспарык не захотел им подчиниться и в Бырманскую степь (Северное Причерноморье) ушел. Там когда-то Кермек, сын Урусбага (Аттилы) и предок Кубрата и Айдара, правил хон-булгарами (гуннами) своими (годы правления Бел-Кермека, или Ирника – 463-489 гг.) «...желая отобрать у греков часть Агиля, хан Аспарух, сын Кубрата попросил помощи у хонских или кермекских болгар – дэбэрцев (тиверцев) и угольщиков (уличей), а также у барсылов (борусков), нынешних урусов, и барынджар (берендеев). Те дружно людей ему своих прислали, и он в первый раз разбил Кряшкалу (Грецию) и дошел до Кичи-Кия, или Кичи-Бэрсалы (Малого Переяславца). Тогда те барсылы, которые не пожелали в Хазар войти и к Аспарыку примкнули, в том Кичи-Кие поселились. Хотя, должен сказать, пока барынджары Хазарией владели, они нас не притесняли, даже дань с нас не брали, и мы жили на Тун-Буричае, как хотели. Но кряшцы не дали барсылам спокойно в Кичи-Кие жить: наняли худцев (готов), и кряшцев (греков), и те напали на барсылов, нынешних русов. Когда Аспарух вновь изготовился к битве, он вместе с барсылами наголову разбил и худцев, и кряшцев. Враг побежал со всех ног, но лишь немногим спастись удалось. Словно молниями разили барсылы и другие аспарыковы болгары худцев и кряшцев и, как известно, половину Агиля взяли. Худцы испугались, ушли из Агиля куда-то на север, и там пропали. А барсылы аспарыковы возле Джураша поселились и, как сказано, осуществилась милость Божия! Хвалу возносим Тангре Великому и алпам его: Кубару Желтоусому, Сабану Сильному, Алабуге Доброму и другим! И к этому добавим, что земля наша с той поры Урускала (Русь), ибо кровь наших предков обильно полила его! Тогда взяли наши много пленников, но они после этого потрудились для нас и стали вольными и равными нашим». На этом интересный текст «Поучений Святослава» не заканчивается. Автор много скорбит о потере былого болгарского могущества и единства. Теперь Урускала и Булгар разъединены, они разделились на племена и прозябают в жалком бытии поодиночке. А греки с помощью своей веры разделяют народы, их крестят и приближают к себе. Так случилось с дунайскими булгарами, а позднее и с Русью. Болгаро-русская геополитика времен Святослава Храброго не могла победить: она оказалась утопией, особенно в условиях христианизации всей Европы. Однако славные деяния славяно-булгарских властителей из династий Дуло, Рюриковичей, а потом и Асеновцев в их борьбе за свободу и независимость не могут быть забыты!

Ю.К. Бегунов
Ф.Г.-Х. Нурутдинов

Князь Владимир Святославович – автор «Слова о полку Игореве»

В сохранившихся до нашего времени источниках и в историографии, посвященной бессмертной поэме об Игоревом походе, нигде прямо не говорится ни об авторе, ни о времени написания.

За 200 с лишним лет, прошедших со времени опубликования текста памятника графом А.И. Мусин-Пушкиным, исследователи высказали десятки различных точек зрения и предположений о том, кто был автором поэмы и когда она была написана. Так, например, большинство исследователей полагают, что «Слово о полку Игореве» было написано кем-то из окружения князя Игоря Святославича¹⁴⁶.

Среди авторов поэмы назывались имена самого князя Игоря (Н.В. Шарлемань, И.И. Кобзев, В.А. Чивилихин), книжника Тимофея, «словутного» певца Митусы, боярина Петра Бориславича, черниговского воеводы Ольстина Олексича, «милостника» Святослава III, певца Ходыны, князя Владимира Ярославича Галицкого и многих других.

Время создания «Слова» определялось по-разному.¹⁴⁷ Так, большая часть историков и филологов справедливо полагала, что произведение является подлинным и написано вскоре после возвращения из половецкого плена князя Владимира Игоревича, сына героя «Слова», летом-осенью 1187 г.: в тексте памятника упомянут как живой Галицкий князь Ярослав Осмомысл (ум. 1.10.1187).

Семнадцатилетний князь Владимир действительно возвратился домой вместе с молодой женой через два года после похода. На честной пир по случаю свадьбы Владимира и Ярыслу в ставку хана Хонджака в Алабугу были приглашены князь Игорь с супругой и его троюродный брат Владимир Святославич, князь черниговский. Во времена пира болгарский поэт Габдулла Улуш исполнил в честь новобрачной хвалебную песню под названием «Намеи Ярыслу хири», т.е. «Песню о деве Ярыслу».¹⁴⁸ В ней он прославлял красоту и необыкновенные достоинства новобрачной, а также могущество, богатство и славу ее отца инала (судьи) Деремелы Хонджака. А вот князю Игорю и его брату Всеволоду досталось немало критических слов и даже ругани. Оба князя характеризуются только с отрицательной стороны, например:

«Никого не любил Угер,

А любил только богатство,

Ради него готов был

Совершить любое преступление.

Велики были его доходы.

И много добычи захватывал он,

Но все эти богатства тонули

¹⁴⁶ Подробнее см.: Дмитриев Л.А. Автор «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т.1: А-В. С. 24-31.

¹⁴⁷ См.: Дмитриев Л.А. Время создания «Слова» // Там же. С. 245-251.

¹⁴⁸ Изд. текста подготовлено к печати Ф.Г.-Х. Нурутдиновым. См. в Приложении к кн.: Бегунов Ю.К. История Руси. Т.2. (в печати).

*В бездонной реке его желаний».*¹⁴⁹

При этом болгарский певец не скупился на черные краски по адресу князя Игоря: и беспутный пьяница, и незадачливый военачальник, проигравший битву и бежавший из плена, что считалось постыдным делом. Бесчестные действия князя Игоря под Алабугой описываются не иначе, как злодеяния.

Князь Игорь был глубоко возмущен. Он попросил сидящего рядом с ним на пиру своего троюродного племянника князя Владимира Святославича написать правду о нем и его походе на половцев. Такую же просьбу на том же пиру изложила князю Владимиру Святославичу жена князя Игоря Евфросиния Ярославна. Поэт согласился, и через год на пиру в Новгороде-Северском князь Владимир Святославич спел на русском языке «Слово о полку Игореве». Шел 1188 год.¹⁵⁰ Поводом для пира послужило рождение сына-первенца у Ярыслу и Владимира Игоревича по имени Тахира, а по-русски – Всеволода.

Соответствующий аутентичный текст нам известен в передаче болгарского ученого Фаргата Нурутдинова (Казань):

«На свадьбе дочери Хонджака (Кончака) и сына Угера (Игоря Святославича) Габди Улуш исполнил «Намеи Ярыслу хири» («Слово о деве Ярыслу»), которое очень понравилось Хонджаку и обидело Угера. Видя, как Угер переживает, его жена попросила Булымера, сына Балтавар (великого князя Киевского Святослава III), написать песню, воспевающую Угера. Булымер Балтавар (Владимир Святославич) не смог ей отказать и написал такую песню – «Намеи Угер сугэшэ» («Слово о войне Игоря»), о которой мы уже говорили Когда Булымер Угер (Владимир Игоревич) вернулся из Джеремела (Половецкой степи) в Яна Кара Булгар или Яна Сэбэр (Новгород-Северский) со своей женой Ярыслу и сыном Тахиром (Всеволодом), был устроен для них новый свадебный пир, на котором Булымер Балтавар исполнил «Намеи Угер сугэшэ»».¹⁵¹

Скажем два слова о происхождении цитируемого текста. Аутентичный тюркский текст, писанный на пергамене арабской вязью, до наших дней не сохранился. Булгарская устная традиция IX-XX вв. связывают его хранение и переписку (копирование) со средой последователей болгарского просветителя, политического деятеля и философа Сардара Гайнана Ваисова (1878-1918), возглавлявшего партию волжских булгар – мусульман «Фиркан наджия». В культурно-просветительном центре этой партии с давних пор хранились и передавались от отца к сыну древние болгарские летописи, поэмы и культовые книги, писанные болгаро-арабскими буквами на языке тюрки.¹⁵² В конце XIX-XX вв. хранителями этих рукописей являлась сперва казанская община булгар-ваисовцев, а потом семья Нигматуллиных, сосланная в конце XIX в. царским правительством из Казани в Казахстан, в г. Кызыляр (Петропавловск). Там находились до 1939 г. подлинники нескольких болгарских летописей средневековья, пока не случилось несчастье: местное НКВД разыскало их и уничтожило. Остались только переводы и пересказы на русском языке некоторой части этих уникальных материалов, хранителем которых с 1966 г. и по настоящее время является казанский исследователь Ф.Г.-Х. Нурутдинов.¹⁵³ Он – племянник Ибрагима Нигматуллина (1916-1941).

По семейному преданию Нигматуллиных – Нурутдиновых, в 1920-е гг. некто Сайфуллин,

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ 1188г. датировал «Слово» академик Д.С. Лихачев, всю жизнь занимавшийся этим памятником. См.: Дмитриев Л.А. Время создания «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т.1.С. 246-251.

¹⁵¹ Письмо Ф.Г.-Х. Нурутдинова к Ю.К. Бегунову от 18.04.2004 г. С.2. Источник текста находится в архиве Нурутдинова.

¹⁵² В 1993-1997 гг. некоторые из них, в т.ч. «Джагфар тарихы» в русском переводе были изданы в трех томах в Оренбурге. См.: Бахши Иман. «Джагфар тарихы». Свод болгарских летописей. 1680 г. Изложение текста на русском языке, сделанное жителем г. Петропавловска И.М.-К. Нигматуллиным в 1939 г. Оренбург, 1993-1997. Т. I-III.

¹⁵³ Нурутдинов происходит из знатного рода Тухчи. В семье с давних пор хранились старинные рукописные книги и документы. Некоторые из них в настоящее время подготовлены к печати и ждут своей очереди на издание (второй и третий тома есть в интернете).

из ваисовцев, организовал Петропавловский перевод болгарских летописей на русский язык. Переводили их два русских учителя, а также семь болгар-ваисовцев. Вот их имена, сохранившиеся благодаря семейному приданию Нурутдиновых: Ахмад Гадельшин, Хади Валиев, Наби Газизов, Хабибрахман Мифтахутдинов из Агрыза, Масгут Шафиков из Оренбурга, Мохаммет-Карим Нигматуллин и два преподавателя русского языка гимназии г. Петропавловска Садовский и Овчинников. В 1930-е гг. Ибрагим Нигматуллин переписал сделанные переводы в свои тетради. Как оказалось, переводчики перевели тексты пяти древнеболгарских произведений, а именно: поэму Микаиля Башту «Шан кызы дастаны», свод волжско-болгарских летописей Бахши Имана «Джагфар тарихы», сказания Васыла Куша «Барадж дастаны», свод карачаевско-болгарских летописей Даиша Караджая с дополнениями. Среди этих материалов привлекает внимание Летописный свод Наримана, или «Нариман тарихы», который содержит историю Булгара и Хазарии. На основании сохранившихся записей семьи Нигматуллиных Нурутдинову удалось установить, что Нариман был болгарским бием, т.е. князем, который начал писать свою летопись на тюрки с приведением цитат из Корана в XVв., а продолжил в XVI в.; завершили ее написание в третьей четверти XVI в. сыновья Наримана. Судя по сохранившемуся русскому переводу текста, этот оригинал был ценным источником по истории Волжской Булгарии, Хазарии и Руси, который использовал ряд несохранившихся текстов: «Кашан тарихы», летописца XI в. Биш-Араба, сына Гази-Юсуфа, внука царя Талиба, «Историю Хазар» неизвестного автора, «Карачаевскую историю» Даиша Карачая. «Нариман тарихы» заметно отличалась от «Джагфар тарихы»: так в ней сохранились многие сведения, в т.ч. и об авторе «Слова о полку Игореве».

Обращение к двум вновь найденным источникам – поэме Габди Улуша «Намеи Ярсылу хири» и «Нариман тарихы» – позволяет понять творческую историю «Слова о полку Игореве» и уточнить имя автора и дату возникновения.

В качестве своего главного источника, который князь Владимир избрал для подражания, стала поэма Елаура Рыштавлы «Буляр сугэшэ ыры», т.е. повесть «О булярской войне». Самое начало этой поэмы свидетельствует о сходстве двух текстов.

Сравните:

«Буляр сугэшэ ыры»¹⁵⁴

«Слово о полку Игореве»

«Не воспеть ли нам, братья,
Словами болгарского языка
Одно ратное дело –
Войну Булымера Бат-Аслаплы?»

«Не лУпо ли ны бяшетъ,
братие,
начати старыми словесы
трудных повУстий о пълку
Игореві
Игоря Святъславича?»

Или нам лучше воспеть
Всю Булярскую войну,
В которой вместе с Булымером
Сражался Сып-Булат
Балынский?»

Начатии же ся тЪй пЎсни
по былинам сего времени,
а не по замышлению
Бояню.

¹⁵⁴ Елаур Рыштавлы. «Буляр сугэшэ ыры». Из «Нариман тарихы». Подготовка текста Ф.Г.-Х.Нурутдинова (Казань). По русскому переводу 1920-1930-х гг. под ред. Сайфуллина (Петропавловск).

И не лучше ли нам воспеть Всех героев этой войны Так, как это делал Боян, Соловей Старого времени?	Боян бо вѸщий, аще кому хотяше пѸснь творити, то растѸекашется мыслию по древу, сѸрым вѸлком по земли, Шизымъ орлом подѸ облаки.
Боян Кубан, когда хотел Кого-нибудь воспеть, То говорил: «О, Тангра, Нет в свете большего величия!»	Помняшеть бо, рече, пѸрвыхъ временъ усобицѸ. Тогда пушашеть десять соколовъ на стадо лебедѸй:
Дай мне способность Растечься Урой По Бой-Тереку И по Древу болгар!	которы дотечаше, та предѸ пѸснь пояша старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѸза Редедю предѸ пѸлки касожьскими, красному Романови Святъславличу.
Позволь мне, неумелому, Пробежать волком По тропе Турджанской	Боян же, братие, не 10 соколовъ
Через поля на гору.	на стадо лебедѸй пушаше,
Дай мне, земному, Подняться сизым орлом Под облака Небесной Мудрости!»	нѸ своя вѸщѸ прѸсты на живая струны вѸскадаше, они же сами княземъ славу рохотаху». ¹⁵⁵
А дальше Боян, внук Выльяха,	
Вспоминимая старые времена	

¹⁵⁵ «Слово о полку Игореве». С. 9 – 10. Анализу древнерусского и болгарского текстов мы намерены посвятить специальную работу.

И просил послушать
Древние аланхай и выльянхай

О Самаре и Иделе,
Об Илате и Сулдане,
О Джураше и Джурдане,
И о Поле Булгарском.

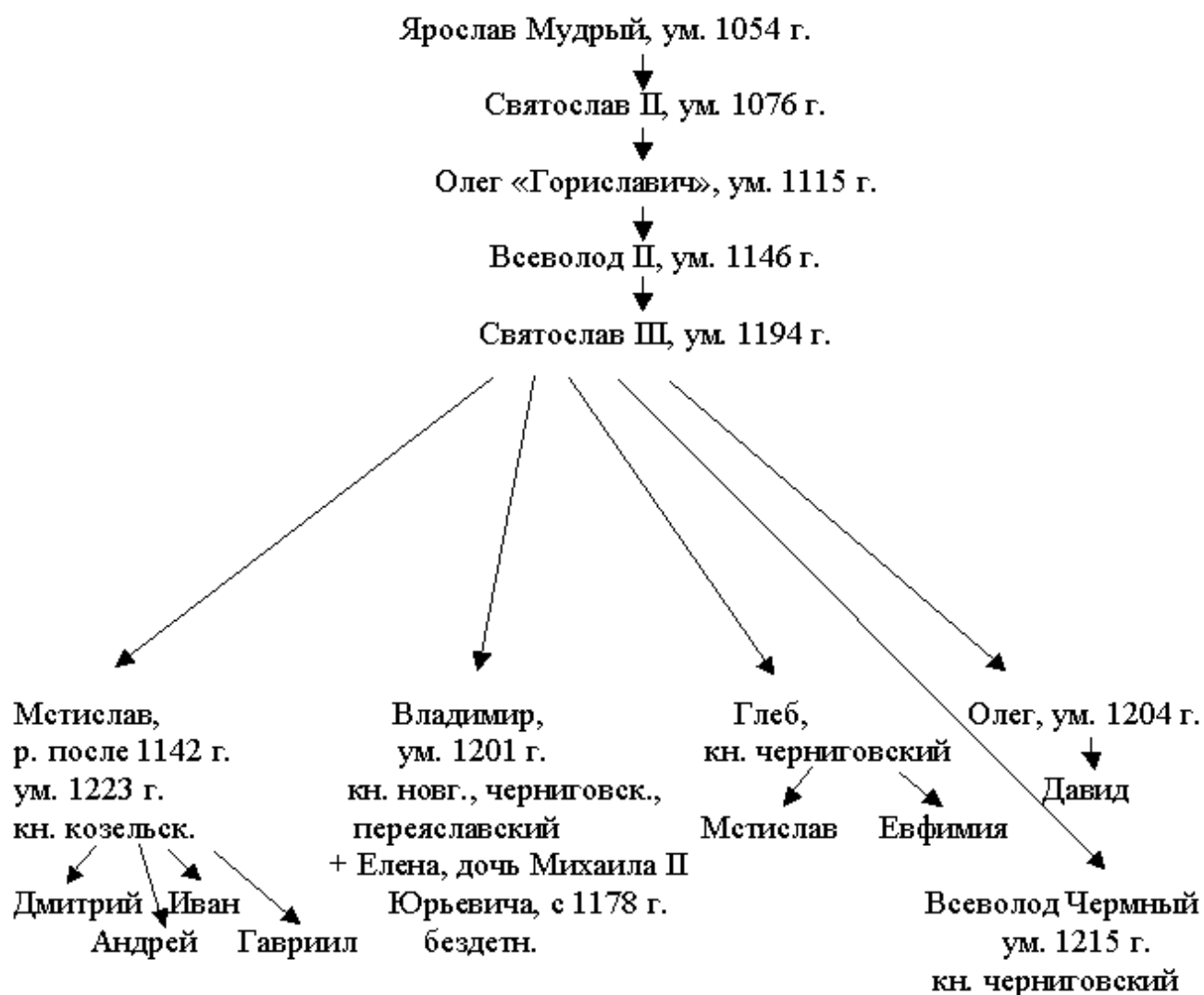
Вспоминая времена
Первых людских раздоров,
Пускал он десять соколов
На стадо лебедей.

Та лебедь, которую,
Настигали соколы,
Начинала петь
О старых алпах и героях».

Фаргат Нурутдинов первый уверенно называет в 1993 г. имя автора великой поэмы: князь Владимир Святославич.¹⁵⁶

Приведем родословную автора «Слова о полку Игореве».

¹⁵⁶ Бахши Иман. «Джагфар тарихы». Свод болгарских летописей. Оренбург, 1993. Т. I. С. 328.

Автор произведения – типичный князь Рюрикович своего времени. Он был вторым сыном великого князя Киевского Святослава III Всеволодовича (ок. 1116-1194), внуком великого князя Киевского Всеволода II Ольговича, правнуком Олега «Гориславича», князя черниговского. Его матерью была княгиня Мария Васильковна, дочь полоцкого князя Василька Рогволодовича, потомка знаменитого князя Всеслава Чародея. Князь Владимир родился после 1142 г. в Новгороде – Северском во время княжения там его отца и получил обычные княжеские образование и воспитание. Он познакомился с княжескими и монастырскими библиотеками, узнал о творчестве сказителей Киевской Руси IV-VI вв.: Бояна Вещего, сына князя Божа, Малоты, Киева, Прастена Вещего. Это знакомство сказалось на всей образно-стилистической системе «Слова», богатой метафорами, эпитетами, сравнениями, реминисценциями язычества, где Боян назван Велесовым внуком, русские – Дажьбожьими внуками, упоминаются ветры – Стрибожьи внуки, Карна и Жля – богини печали, дева Обида, Див, кличущий на верху дерева, и т.п. Автор донес до нас неслучайно два древнеукраинских названия трезубца – троян и Южной Руси как «земли Трояна».¹⁵⁷ В своей поэме князь Владимир не позабыл осудить Владимира Мономаха, который доставил массу неприятностей половцам Деремелы и напомнил, что вся черниговская знать, которую он знал не понаслышке (Владимир был удельным черниговским князем), состояла во многом из представителей знатных болгарских родов Масгутов, Татранов, Шельбиров (Чельбиров?), Топчяков (Тубджаков), Ревугов (Арбугинцев), Ольберов (Эльбиров) и т.д. Знал он и болгарские орудия – шереджиры, стрелявшие огнем. Конец XII в. был

¹⁵⁷ Трезубец в виде посоха (жезла) означал власть бога неба Тангры и его алпов над тремя мирами – Небесным, Земным и Подземным. Гербом династий Дуло и Рюриковичей был именно трезубец. Последний известен также как атрибут Сварога. Он был молниеударным орудием.

временем, когда болгарские кочевники Кара-Сакланы массами принимали христианство и переходили на русскую службу, что привело к замирению половцев и обрусению части Половецкой степи. За это киевские, черниговские, переяславские и новгород-северские князья давали половецкой знати земли и тарханства, женились на половчанках; из болгар-христиан формировалось и казачество кара-сакланских степей, которое несло пограничную службу отрядами чиркесов.

«Слово о полку Игореве» распространялось в княжеской среде и не получило широкого народного распространения, поскольку было обращено непосредственно к русским князьям с целью заставить их отказаться от междуусобий как раз накануне страшного вражеского нашествия. Поэтическая манера автора «Слова» близка к поэтической манере Бояна Бусовича, певца IV в., автора знаменитого «Гимна».¹⁵⁸ В начале князь Владимир как будто бы отказывается следовать манере Бояна, часто использовавшего эпитеты, метафоры, сравнения, анафоры, эпифоры и другие поэтические тропы и фигуры, и хочет как будто бы писать по «былинам сего времени».

«Почнемъ же, братіе, повѸсть сию, - начинает автор свое произведение, – отъ старога Владимера до нынѸшняго Игоря, иже истягну умъ крѸпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратного духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю половѸцкую за землю Руськую»¹⁵⁹.

Однако на деле князь Владимир вернулся к старой поэтической манере Бояна в духе сочетания «слав» и «плачей», свивая вместе обе половины поэтического времени: и прошлого, и настоящего. В результате он создал широкое эпическое полотно военных событий эпохи противостояния Руси и Степи, написанное необыкновенно точно и сжато и с большой художественной выразительностью под знаком вечности!

В древнерусской литературе сохранилось еще два подобных «Слову о полку Игореве» сочинения. Это «Похвала великому князю Роману» из Галицко-Волынской летописи под 1201 г. и «Слово о гибели Руския земли», середины XIII в. В них авторы ставят перед собой одни и те же задачи: прославление Русской земли и ее могущественных защитников – великих князей.

Все «Слово», в котором отсутствует излишний словесный материал наполнено невероятным динамизмом: в нем все живет, движется, звучит, действует. Это особенность поэтического мастерства. Оно присутствует в самой структуре «Слова», созданной великим книжником, каким был черниговский князь Владимир Святославич. Под пером автора незначительный эпизод русско-половецких войн превращается в ключевое событие общерусского значения: ведь автор призывает русских князей отомстить за поражение князя Игоря, «бuego Святославлича», заступиться за землю Русскую! В числе таких заступников он видит владими́ро-суздальского князя Всеволода III Большое Гнездо, которого автор поэмы знал хорошо лично и принимал участие в его походе на волжских болгар 1183 г.:

«Великий княже Всеволоде

Не мыслию ти прелетѸти издалеча

Отня злата стола поблюсти?

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,

А Донъ шелома выляти!

Аже бы ты былъ,

¹⁵⁸ См.: Бегунов Ю.К. Указ. Соч. Т. I.

¹⁵⁹ «Слово о полку Игореве» / Под ред. чл.-кор. АН СССР В.П. Адриановой – Перетц. М.; Л., 1950. (Сер. «Лит. памятники»). С. 10.

То была бы чага по ногатѸ,
 А кощей по резанѸ.
 Ты бо можеши и посуху
 Живыми шереширы стрѸляти,
 Удалыми сыны ГлѸбовы». ¹⁶⁰

Заступником князя Игоря он считает и Святослава III, который на самом деле не пользовался на Руси таким авторитетом.

Автор «Слова» противопоставляет могущество и доблесть великого князя Киевского немощи князя Игоря, который своими неумными действиями погубил то, что создал грозный Святослав:

«Тии бо два храбрая Святъславлича
 Игорь и Всеволодъ –
 Уже лжу убудиста которую,
 Ту бяше успиль отец ихъ –
 Святъславъ грозный великий киевский грозою:
 Бяшетъ притрепаль своими сильными плъкы
 и харалужными мечи;
 наступи на землю Половецкую,
 притопта хлъми и яругы,
 измути рѸки и озеры,
 иссуши потоки и болота.
 А поганаго Кобяка изъ луку моря
 отъ желѸзных великихъ плъковъ половецкихъ
 яко вихрь, выторже:
 и падеся Кобякъ в градѸ КиевѸ,
 в гриднецѸ Святъславле.
 Ту нѸмцы и венедици,
 ту Греци и Морава

¹⁶⁰ Там же, С. 21-22.

поють славу Святъславлю,
кають князя Игоря,
иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы половецкыя,
рускаго злата насыпаше.
Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата,
а въ сѣдло кощиево.
Уныша бо градомъ забралы,
а веселие пониче». ¹⁶¹

Таким же доблестным заступником автору кажется Галицкий князь Ярослав Осмомысл, который был тестем князя Игоря и до 1.10.1187 г. был еще жив; значит, этот текст был написан еще до этого времени. Вот что в нем сказано:

«Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
Высоко сѣдиши
на своемъ златокованнѣмъ столѣ,
подперъ горы Угорскыи
своими желѣныи плѣки,
заступивъ Дунаю ворота,
меча бремены чрез облакы,
суды рядя до Дуная.
Грозы твоя по землямъ текутъ,
отворяеши Киеву врата,
стрѣляеши съ отня злата стола
салтъани за землями.
Стрѣляй, господине, Кончака,
поганого кощя,
за землю Русскую,

¹⁶¹ Там же, С. 18-19.

*за раны Игоревы,
буего Святъславича!¹⁶²»*

Перед нами гиперболическая, сильно преувеличенная характеристика западно-русского Галицкого князя Ярослава Владимировича, обладавшего якобы «восемью смыслами», разумами, постоянно страдавшего от своих бояр. Здесь он превращен в богатыря-исполина, высоко сидящего на своем златокованом престоле, подпирающего Карпаты своими железными полками и затворяющего путь по Дунаю. Разумеется, всего этого не было, но автору «Слова» было необходимо это преувеличение. Он как бы подымался над действительностью и конструировал свой идеальный мир, в котором все должно быть прекрасным. Князь Владимир Святославич сделал все возможное, чтобы идеализировать и героизировать личность князя Игоря. Автор «Слова» хорошо понимает причины, которые привели Киевскую Русь как государство к упадку, и пишет об этом так:

*«Уже бо, брате, невеселая година вѣстала,
уже пустыни силу прикрыла.*

*Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожса внука,
вступила дѸвою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синѸм море у Дону
плещучи, упуди жирня времена.*

*Усобища княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо братъ брату:*

«Се мое, а то мое же».

И начяша князи про малое

«се великое» мльвити,

и сами себѸ крамолу ковати,

*А погани съ всѸхъ странъ прихождаху съ побѸдами
на землю Русскую!»¹⁶³*

На фоне этих бед поведение князя Игоря не было безупречным, но он хотел как рыцарь честно испытать судьбу и «копие приломити конецъ поля Половецкаго», чтобы «испити шеломомъ Дону», так как

¹⁶² Там же, С. 22-23.

¹⁶³ Там же. С. 17

*«Луце жь бы потяту быти,
неже полонену быти».¹⁶⁴*

Иными словами: «Безумству храбрых поем мы песню, безумство храбрых вот смысл жизни!» (Максим Горький). И вот в очередной раз храбрые проиграли, и уже «тоска разлилась по Русской земле», «...а погании сами, победами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по бУЛУ оть двора».¹⁶⁵ Это главная инвектива князьям за их политический авантюризм и безрассудство звучит достаточно убедительно в устах черниговского князя, который не понаслышке знает, как следует правильно управлять Русской землей в интересах всего народа. Он подчеркивает послушание князей Игоря и Всеволода по отношению к их главному сюзеру – «отцу» Святославу III и осуждает их за это. Автор призывает к феодальной верности, которая ассоциировалась с соблюдением феодальных принципов во имя интересов всей Русской земли, чтобы она не погибла, чтобы свеча Рода Русского не погасла. Единство Русской земли и благополучие всех русичей сопрягались им с идеей сильной княжеской власти, которую осуществит грозный на ратях великий князь Киевский. Сильная же великокняжеская власть едва только начинала возникать, и не на юге, а на севере-востоке Руси как идея единовластная, сугубо монархическая, до которой Русь XII в. еще не дожила и ей еще предстояло до нее дожить при московских царях. По жанру «Слово» относится к числу т.н. «chansons de geste», т.е. «песен о подвигах» вроде старофранцузской «Песни о Роланде».¹⁶⁶ В жанрово-стилистическом отношении «Слово» сближается с памятниками греко-славянского торжественного красноречия, или эпидейктики, в которых древние греки прославляли своих богов и героев, как это отмечал И.П. Еремин. Перед нами памятник светского художественного политического красноречия, т.е. злободневного, публицистического по поводу неудачного похода Новгород-Северского князя Игоря на половцев в 1185 г. Время создания произведения И.П. Еремин угадывает точно: 1187 – 1188 гг., в «невеселую годину», когда половцы повсеместно нападали на Русскую землю, воодушевленные поражением князя Игоря. Автор – князь Владимир Святославич – называет по именам тринадцать русских князей того времени: Святослава III и его брата Ярослава Черниговского, Рюрика Ростиславича и его брата Давыда Смоленского, Ярослава Владимировича «Осмосмысла» Галицкого, Романа Мстиславича Волынского, сыновей Ярослава Изяславича Луцкого – Мстислава, Ингваря и Всеволода, внука Всеслава Чародея Ярослава, Всеволода III.

Это придает «Слову» сенсационную злободневность: ведь автор, воздавая должное их доблести и отваге и готовности прийти всегда на помощь Русской земле, тем не менее, упрекает всех их в бездействии и равнодушии к земле Русской, к ранам доблестного Игоря, что все вместе взятое заставляет пожалеть о прошлом: «О, стонати Русской земли, помянувшее пръвую годину и пръвыхъ князей!». Основной призыв злободневного «Слова» – немедленная защита Русской земли от половцев. В этом наша поэма созвучна с Киевской летописью XII в.

«Киевская летопись, – отмечает И.П. Еремин, – свидетельствует, что князья, собираясь на снем или пересылаясь послами, не раз говорили о необходимости «Русской земли блюсти и бытии всим за один брат» (с. 257 издания летописи в ПСРЛ. Т.2. – Ю.Б.), не раз выражали желание «страдати» за Русскую землю (с.257), «стеречи» Русскую землю (с.258), «не погубите Русские земли» (с.297), бросить междоусобную борьбу «Русские дея земли и хрестьян дея» (с.266). Иногда эти формулы прикрывали собою весьма прозаические планы и расчеты, но бывали случаи, когда они отражали подлинный патриотический подъем, выражали действительную готовность князей бороться за эти высокие принципы. И в этих случаях речи

¹⁶⁴ Там же. С. 10.

¹⁶⁵ Там же. С. 18.

¹⁶⁶ Дынник В.А. «Слово о полку Игореве» и «Песнь о Роланде» // Старинная русская повесть: Ст. исслед./Под ред.Н.К. Гудзия. М.; Л.;1941.

князей, судя по летописи, где они воспроизводятся, не раз поднимались и на большую идейную высоту и дышали горячностью и силою убеждения. Такова, например, речь, с которой в 1152 г. обратился к своей дружине князь Изяслав Мстиславич, готовясь у Перемышля к битве с Владимиром Галицким, незадолго перед тем погромившим ряд русских городов: «Братья и дружино! Бог всегда Руския земле и русских сынов в безчестьи не положил есть; на всех местех честь свою взимали суть. Ныне же, братье ревнуимы тому вси, у сих землях и перед чюжими языки дай им Бог честь свою взяти» (с.310). Или речь, которую на княжеском снеме произнес Мстислав Изяславич в 1170 г., подготавливая поход на половцев: «Братье! Пожальтеси о Русской земли и о своей отчине и дедине, оже несут хрестьяны на всяко лето у веже свои, а с нами роту взимаюче, всегда переступаюче; а уже у нас Гречьский путь изъотимають, и Соляный, и Залозный. А лепо ны было, братье, възряче на Божею помочь и на молитву святое Богородици, поискати отець своих и дед своих пути и своей чести» (с. 368).

Сама жизнь, местная киевская действительность XII в. подсказала автору «Слова» не только содержание его произведения, но в какой-то степени, как видим, и его художественную форму. Формой этой оказалось «Слово», в рамках которого автор поднял эту живую хорошо известную ему практику устных речей внелитературного происхождения на высоту литературного произведения, вооруженного всем мощным аппаратом художественного воздействия на читателя, выработанным в его время торжественным красноречием Киевской Руси.¹⁶⁷

Композиция «Слова» делится на пять частей: 1) народно-поэтического и риторического вступления, основной части, которая, в свою очередь, делится на три раздела; 2) о походе князя Игоря; 3) о русских князьях; 4) о бегстве князя Игоря из плена; 5) заключение, в котором рассказывается о возвращении князя Игоря домой, его встрече и похвале князьям Игорю, Всеволоду и Владимиру, а также дружине.¹⁶⁸

Основная часть полна литературными эпизодами, например, вещим сном Святослава III, его «золотым словом» со слезами смешанным, обращением к русским князьям, описанием скорби европейских народов, узнавших о поражении князя Игоря, плачем Ярославны, заклинаящей силы природы помочь ее мужу, вымышленной беседой ханов Гзака и Кончака и т.п.

Плач Ярославны отчасти напоминает плач Ярыслу, дочери Кончака, из поэмы Габдуллы Улуша «Намеи Ярыслу хири». Приведем эти тексты:

«Плач Ярыслу»¹⁶⁹

«Плач Ярославны»

«Наступил рассвет
или нет?

«На Дунаи ЯрославнынŪ

ся слышитъ,

И блесит ли
золотом рассвет?

зегзицею незнаема рано кычетъ:

¹⁶⁷ Еремин И.П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: Сб. исслед. ст./Под ред. чл.- кор. АН СССР В.П. Адриановой – Перетц. М.; Л., 1950. С. 99-100.

¹⁶⁸ Ржига В.Ф. Композиция «Слово о полку Игореве» // Slavia. Roč.4. Seš. 1. Praha, 1925. С.44-62.

¹⁶⁹ Рукопись перевода «Намеи Ярыслу хири» Габдуллы Улуша находится у Фаргата Нурутдинова (Казань)

Рано утром громко плачу я: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,

Несчастнее меня есть ли люди? омочю бeбрянъ рукавъ въ КаялѸ рѸцѸ,

Есть у меня жених – утру князю кровавья его раны

Сын Мара Сюрен, На жестоцѸмъ его тѸлѸ».

Но он никак не может

Приехать ко мне. Ярославна рано плачет

Мар, пресветлый Мар, въ ПутивлѸ на забралѸ, аркучи:

«О вѸтрѸ, вѸтрило!

Всем ты люб

Своим светом, теплом, Чему, господине, насильно вѸеши?

И своею красотой! Чему мычеши хиновъскыя стрѸлки

Почему же ты, Абалан, на своею нетрудною

Не хочешь взглянуть на меня, крилцю

Свою невестку: на моя лады вои?

Ведь твой сын – мой жених! Мало ли бышетъ горь

Ведь я такая красивая, подъ облакы вѸяти,

Ничем не обидела тебя. лелѸючи корабли

на синѸ морѸ?

Всегда славил а и

почитала тебя Чему, господине, мое веселие

 И буду тебе хорошей по ковылию
 невесткой! развѣя?»

 Скорее прогони мрак
 и холод,

 Скорее взгляни на Ярославна рано плачеть
 меня с Небес –

 И отправь Сюрена ко Путивлю городу на заборолѣ,
 мне аркучи:

 «О Днепре Словетицю!

 На своем сверкающем
 корабле!

 О, Тунбури, славный
 алп!

 Ты пробил Дивовы
 Камни,

 Чтобы Идель смог Ты пробил еси каменные
 горы сквозѣ землю
 Протечь сквозь Половецкую.
 Булгарскую

 Ты лелѣял еси на сѣбѣ

 землю ! Святославли
 насады

 Ты столько эпох До плѣку Кобякова.

 Бережно качал на Възлелѣял, господине, мою
 волнах ладу

 И нес своими течениями къ мнѣ,

 Корабли болгар! а быхъ не слала къ нему слезъ

 Так пробей лёд на реке,

на море

И скорее принеси ко мне рано».

Корабль моего милого
Сюрена,

Чтобы я не плакала по
нем!

О, Джиль, Джиль, -
Эререн!

Почему, легкокрылый
Джиль,

Ты не сильно дуешь

На паруса корабля
Сюрена?

Ведь ты можешь

Высоко взвивать в небо

Целые стаи облаков

И вызывать сильные
ураганы!

Так подуй же сильнее

На паруса корабля
Сюрена,

Чтобы моя печаль

Скорее развеялась по
свету!

Где же ты, мой жених,

Ярославна рано плачетъ
въ ПутивлѸ на забралѸ аркучи:
«СвѸтлое и тресвѸтлое
слънце!
ВсѸм тепло и красно еси:
Чему, господине, простре
горячюю
свою лучю
на ладѸ
вои?
Въ полѸ безводнѸ жаждею
имъ лучи
съпряже,
тугою имъ тулии затче?»¹⁷⁰.

¹⁷⁰ «Слово о полку Игореве». С. 26-27.

Дорогой Сюрен-
бахадир,

Ждет тебя твоя Ярсылу:

Приходи сюда скорее,
Леле!

Сгораю я от нетерпения:

Не знаю, дождусь ли?

Пошли мне скорее

Свою золотую стрелу!

Если не получу ее
сейчас

Умру от нетерпения!

Заряди же свой лук

И пришли мне стрелу!»

Между этими двумя текстами плачей имеются некоторые совпадения в мотивах. Так, например, в заклинании сил природы, скажем, ветра, который несильно дует на паруса корабля любимого, в одном случае, жениха Сюрена, а в другом – мужа Игоря. Он же – могущественный дух-алп – лелеет на реке или на синем море корабль жениха или мужа. В одном случае алп Тунбури, а в другом – Днепр Словутич пробивает каменные горы, или Дивовы камни, т.е. Урал, для того, чтобы Идель, т.е. Волга, смог протечь сквозь Булгарскую землю, в одном случае, или сквозь Половецкую землю, в другом случае, что здесь в географическом смысле совпадает. Согласно заклинанию, водная стихия должна взлелеять, т.е. сберечь, корабль или ладью любимого, чтобы Ярсылу или Ярославна не плакали по нему напрасно, не слали бы своих слез за синее море. И в одном, и в другом случае любимая посылает свои мольбы пресветлому алпу Мару, или светлому и тресветлому Солнцу, славящемуся светом и теплом, затем, чтобы прогнать прочь мрак и холод и вернуть любимого домой на сверкающем корабле или ладье. Заклинание не остается без ответа. Оно услышано, и жених или муж возвращается к любимой. В благополучном исходе смысл заклинания и болгарского, и русского. И потому оно оптимистично.

Поэтика «Слова о полку Игореве» весьма богата, своеобразна и самобытна, потому что это произведение принадлежит перу выдающегося мастера, соединявшего три традиции: 1) устного народного творчества, восходящего к языческим временам, 2) христианской культуры

исторической повести о войне, а также 3) риторической культуры светской ораторской прозы с ее приемами организованной художественной речи. Современный исследователь Б.Л.Гаспаров так характеризует особенности нашей героической поэмы: «Прежде всего необходимо отметить в этой связи необычайно сложный и изощренный характер поэтики «Слова»: эзотерическую игру лейтмотивами, мозаичность жанровой и стилистической ткани, многоуровневый символизм, многозначность используемых образов и выражений, затрудненность и темноту изложения, проистекающую из уникального сочетания разнонаправленных факторов. Эти черты поэтики в большей или меньшей степени характерны для таких в остальных отношениях различных произведений позднего средневековья, как германо-скандинавский эпос, лирика трубадуров, «Божественная комедия» Данте Алигиери. Наибольшее число точек соприкосновения «Слово» имеет с героическим эпосом конца XI – начала XIII вв.: «Песнью о Роланде», «Песнью о моем Сиде», «Витязем в тигровой шкуре» Шоты Руставели. Всем этим произведениям присуща развернутая эпическая форма, свободно включающая в себя отступления дидактического или лирического характера. В основе повествования лежат реальные события и деяния земных героев, хотя и приобретающие подчас гиперболизированную окраску. Всем произведениям этого рода свойственен комплекс признаков, который Д.С. Лихачев определил как «стиль монументального историзма», наличие «панорамного зрения», способность взглянуть на события обобщенно, как бы с большой высоты, сочетание монументальности и динамизма, проявляющегося в сопряжении времен и расстояний, в стремительном перемещении через эпохи и пространства, «полнота стиля», выражающаяся в перечислениях. Однако наряду с этими важными чертами сходства обнаруживаются не менее существенные отличия, которые не позволяют безоговорочно причислить «Слово» к жанру героического эпоса. С одной стороны, «Слово» отличается гораздо большим приближением к реальности, конкретизацией и детализацией описаний. Произведение посвящено не отдаленному и полурасстворенному в легендарной дымке прошлому, а событиям настоящего или недавнего прошедшего, сохраняющим полную дискретность, отчетливую местную и временную локализацию во всей полноте актуальных подробностей, реалий и аллюзий. В этом отношении «Слово» сближается, скорее, с исландскими сагами XIII в., с их установкой на события недавнего прошлого и на насыщение повествования конкретными деталями, организуемыми в соответствии с принципами поэтики жанра»¹⁷¹.

Многочисленные обращения к древнерусской ведической поэзии, родоначальником которой объявляется Боян, «Велесов внуче», имеют не мифологический, а поэтический смысл. Они не столько являются риторическими украшениями, сколько показывают связь поэтического мировоззрения автора с символами и образами дохристианской Руси¹⁷². Это объясняется тем, что автор «Слова» черниговский князь Владимир Святославович был незаурядным писателем своего времени, владевшим всей палитрой писательского мастерства. Так, автор часто обращается к оживлению сил природы, которые как бы участвуют в развитии действия и сопереживают героям. Например, Ярославна заклинает силы природы, чтобы они помогли ее мужу. Река Северский Донец помогает князю Игорю бежать из плена. Деревья приклоняются к земле, травы никнут от жалости. Не забыт старобулгарский алп-дух Див, издающий с вершин деревьев зловещие звуки. А дева Обида (мать антихриста, по И. Кляйну) всплескала крыльями, сопереживая с трагическими событиями. Духи Карна и Жля поскакали по Русской земле, раздувая огонь несчастий в пламенном роге. Велико значение воды в развитии действия в поэме. Жизнь водной стихии (рек, речушек, озер и водоемов) поставлено в тесную связь с жизнью русичей. К рекам автор обращается как к живым существам, которые могут быть то враждебны человеку (Каяла, Немига, Стugna), то милостивы (Донец, Днепр-Словутич). Образы языческих богов даны в системе явлений природы. Солнце, вода, деревья, травы, ветер, облака – все они одушевлены и связаны с человеческими судьбами,

¹⁷¹ Гаспаров Б.Л. Поэтика «Слова о полку Игореве». М., 2000 (1-е изд.: Вена, 1984). С. 463, 475-477. Ср.: Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

¹⁷² См., напр.: Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. Пг., 1914; Ржига В.Ф. «Слово о полку Игореве» и древнерусское язычество // *Slavia. Roč. 12. Praha, 1933-1934. С. 422-433.*

благоприятствуют людям, так или иначе вплетены в динамику событий, ускоряя или замедляя ход действия. В «Слове» использован культ Рода и Земли, весьма важный в древнерусском язычестве и небезразличный и для христианства, поскольку покровительницей Русской земли стала Пресвятая Богородица, а забота о Роде русском красной нитью проходит через всю древнерусскую литературу. Ведь земля дана человеку для устройства его жизни и обеспечения продолжения рода, а князья, согласно русским летописям, должны заботиться о земле, о роде и о русичах, своих подданных. В «Слове» мы наблюдаем дальнейшее развитие солярного мифа, согласно которому свет солнца дается человеку Богом, поскольку свет – это жизнь, это – вера христианская православная, а язычество – это поганство, тьма. Поэтому князь Игорь свет-светлый, а его противники – половцы – поганые, темные. Суть мировоззрения автора «Слова» – это борьба света с тьмой, Руси со Степью. Поэтому Бог выводит князя Игоря из темной Половецкой степи и показывает ему путь в светло-светлую землю Русскую. И все силы природы помогают князю Игорю бежать из плена, потому что это бегство из темноты на свет. В конце-концов князь Игорь благополучно возвращается домой и первое, что он делает, так это посещает церковь Пресвятой Богородицы Пирогощей в Киеве и благодарит Ее за то, что Она вывела его из плена. Христианства в «Слове» гораздо больше, чем в византийском эпосе «Дигенис Акрит», французской «Песне о Роланде», немецких «Нибелунгах», потому что автор поэмы был примерным христианином и доблестным воином.

Следует, пожалуй, согласиться с фольклористом В.Ф. Миллером в том, что автор «Слова» – это «христианин, не признающий языческих богов и упомянувший их с таким же намерением, как поэты XVIII-го века говорили об Апполоне, Диане, Парнасе, Пегасе и т.п.»¹⁷³.

В результате языческий миф, полностью утративший в литературе свою религиозную суггестивность, становится неисчерпаемым источником поэтического вдохновения и эстетического наслаждения интеллигентной публики.

Созданное в конце 1180-х гг. по следам событий родственником князя Игоря и по его личному заказу, гениальное «Слово» поражало современников гармоничным сочетанием содержания и формы, совершенным сочетанием красоты и мудрости, благородства и смелости, добра и дружбы. Исследователи называли «Слово» героическим прологом русской литературы, которой еще предстояло достичь небывалого расцвета и великих свершений. Академик Б.А. Рыбаков написал так: «Поэт поднимался и над пространством, и над временем. Своих слушателей он тоже поднимал на эту высоту и как бы раскрывал перед ними карту Европы от Венеции до Великого Новгорода, от Германии до Половецкого поля, от Византии до Волги и Северного Кавказа Обилие красочных образов, сочных характеристик, народных поговорок, символов не заслоняло в поэме главной патриотической идеи, ее задачи сплотить все силы Руси. Недаром историки искусства нашли в старой русской архитектуре XII в. белокаменное подобие «Слова». Это Дмитровский собор во Владимире, весь покрытый резными узорами, сотнями фигур всадников, кентавров, львов, фантастических птиц, причудливой каменной листвой. Узорочья так много, что вся верхняя половина здания сплошь как златотканым плащом покрыта этими бесчисленными рельефами. Но это щедрое изобилие декора не заслоняет целого: стоит нам отойти на расстояние, и перед нами будет не сумма изукрашенных камней, а стройное, гармоничное до музыкальности целое.

Таково и «Слово о полку Игореве».

Не удивительно, что русские люди, жившие среди кровавых и бессмысленных княжеских раздоров и войн, сразу же полюбили великое «Слово о полку Игореве»¹⁷⁴.

Полностью подтверждается правота К. Маркса, который в известном письме 1856 г. к Ф. Энгельсу правильно оценил и характер, и смысл поэмы: «Вся песнь носит христианско-героический характер, хотя языческие элементы выступают очень заметно смысл поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов»¹⁷⁵.

Наградой автору «Слова» была вечная жизнь его произведения. Композитор А.П. Бородин написал на сюжет «Слова» героическую оперу «Князь Игорь» (1887), Б.И. Тищенко – балет

¹⁷³ Миллер В.Ф. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М., 1877. С.71.

¹⁷⁴ Рыбаков Б.А. Золотое слово русской литературы // Смена. М., 1978. N2. 24 дек.

¹⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.; Л., 1931. Т. 22. С. 122-123

«Ярославна» (1974).

Текст «Слова» был переведен на многие языки народов мира; на темы «Слова» создано много картин и произведений изобразительного искусства¹⁷⁶. Теперь «Слово» считается почти всеми шедевром русской литературы XII в.¹⁷⁷.

Приложение.

Фрагменты болгарского текста поэмы Габдуллы Улуша на тюрки, сохранившиеся в архиве Ф.Г.-Х. Нурутдинова и переданные кириллицей сотрудниками группы Сайфуллина.

Текст	Перевод
25. Ай, тан микэн, тан микэн,	25. Наступил рассвет или нет?
Таннын джарымлары бар микэн?	И блестит ли золотом рассвет?
Таннар аткан чакта кычкырып елыйм,	Рано утром громко плачу я:
Миннэн язулырак бармикэн?	Несчастнее меня есть ли люди?
59. Кара болыт килэ лэ,	59. Надвигается черная туча:
Яулуй кигсэ яхши идее.	Будет славно, если не падут осадки.
Мине алырга килэлэр,	Едут забрать меня:
Алмый китсэ яхши иде.	Будет славно, если не

¹⁷⁶ Подробнее см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве» / Редкол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов. Т.1-5.

¹⁷⁷ Имеется и скептический взгляд на «Слово», считающий произведение подделкой XVIII в. См.: Творогов О.В. Скептический взгляд на «Слово» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. С. 306-311. Наиболее видные представители этой школы А.А. Мазон, А.А. Зимин, Э. Киннан. Последний недавно выпустил в свет в США книгу об И. Добровском, подозревая этого слависта в подделке «Слова» (2002). Обращение к болгарским летописям кладет конец спорам. Решающими являются два текста, присланные мне в 2004 году из Казани. Первый из них «Намеи Ярсылу хири». А второй – из «Свода Наримана». Сохранился и непосредственный болгарский источник текста XII в. под названием «Буляр сугэше ыры», автор – бек Елаур Рыштавлы.

62. Буран гына буран бурыймы,	заберут.
Лачын кошларэн ерак кумиймы?	62. Буран вьется- завихряется,
Барыгыз, дусларым, багыгыз,	Не уносит ли прочь соколов?
Халджа кошларэн килеп тулмиймы?	Пойдите, друзья, поглядите,
65. Сусадым, дусларым, сулар кайда?	Не прилетела ли стая халджийцев?
	65. Мучает меня жажда, друзья. Но где вода?
Дингез суларында юк файда!	В водах моря нету толку!
Бэзгэ инде маллар кайда;	Нам богатства взять негде.
Башлар сау булса, шул файда!	Если голову не потеряем, и То ладно!
67. Ничек килдегез сез бэзга,	67. Как вы добрались до нас,
Батмаенча дингезгэ?	Не утонув в море?
Кадерле кунак сез бэзга,	Вы для нас дорогие гости!
Ни хормэт куйным сезгэ?	Чем вас угостить?
143. Эчэсем килэ, эчмимен,	143. Хочу пить – да не стану:
	Пью только от великой

Эчэм жаным койгэнгэ.	жажды.
Жырламыйм жырлар белгэнгэ,	Спою, но не потому что умею,
Жырлыйм сезне сойгэнгэ!	А потому, что люблю вас!

Наш комментарий

Около ста болгарских слов на тюрки поэмы XII в. сохранили болгарские переводчики, работавшие в 1920-1930-х годах в Петропавловске под руководством Сайфуллина. Их переписал в свою тетрадь И.М.-К. Нигматуллин, а потом на листочках – Ф.Г.-Х. Нурутдинов. Если принять во внимание, что «Лекс Куманика», XIII в., сохранила только 10 половецких (болгарских) слов, то перед нами живые фрагменты ценного древнего наследия. Их необходимо изучить.

Ю.К. Бегунов
Ф.Г.-Х. Нурутдинов

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА В СВЕТЕ БУЛГАРСКИХ ИСТОЧНИКОВ: ОТВЕТ РУСТАМУ НАБИЕВУ.

Куликовской битве 8 сентября 1380 г., закончившейся победой Московской Руси над Калга – Субой (так болгары называли Мамаеву Крымско-Азовскую орду), посвящено большое количество исторических и литературных источников, в том числе летописей, сказаний, преданий – русских, восточных и европейских¹⁷⁸. Однако, у некоторых исследователей с легкой руки академика А.Т. Фоменко вызывает сомнение самый факт битвы и место битвы. Так казанский исследователь Р. Набиев полагает, что такой битвы вовсе не было¹⁷⁹. В доказательство он не приводит никаких новых аргументов, не ссылается на новые источники, а только выражает сомнение в достоверности русских летописей, якобы выдумавших эту битву. Такая точка зрения называется гиперкритической, к тому же совершенно не обоснованной. Другое дело, если бы Р. Набиев привел источниковедческие аргументы. Однако он этого не сделал, а прибег к словесному эквилиброванию, уличая предшественников в противоречиях (типа «молодой Бегунов» против «нынешнего Бегунова»). Такое противопоставление выглядит надуманно, тем более, что один из авторов этих строк остается всегда самим собой и ниотчего никогда не отказывается. А факты Куликовской битвы, давно установленные наукой, остаются незыблемыми. О том, что эта битва произошла именно 8 сентября 1380 года на Куликовом поле, у реки Дон, за чертой Хэлэк, свидетельствуют и болгарские источники, о которых Р. Набиев почему-то умалчивает, а мы собираемся их рассмотреть. «Фигура умолчания» не прибавляет веса полемизирующей стороне. А битва бесспорно закончилась победой русского оружия и поражением сил темника Мамаю. Правда, следовало бы уточнить, в какой мере действия Московского великого князя соответствовали действиям сарайского султана Тохтамыш (с 1357 г. Сарай являлся столицей Булгарского царства), стремившегося наказать узурпатора Мамаю. Нам кажется, что их тактические действия временно совпадали, но стратегические цели были разные. Так Тохтамыш стремился укрепить сарайско-булгарскую власть над Москвой, а св. Димитрий мечтал об освобождении Москвы от Сарайской власти. Думается, что великий князь Московский участвовал в борьбе против узурпатора Мамаю на стороне законного царя Тохтамыш, главным образом, для того, чтобы получить легальную возможность объединить русские силы и выявить реальную мощь московского войска. Помимо того, великого Московского князя Димитрия Ивановича в предстоящей войне с Мамаем не могло не привлекать и то обстоятельство, что Тохтамыш разрешил всем своим войскам, в том числе и болгарским, и московским, переходить в борьбе с мамаевцами «Хэлэк джэртък», ту линию или черту «Хэлэк» отделявшую собственно московские и рязанские земли от кочевий сарайских ханов и князей; до 1380 года пересекать эту линию можно было только сарайским войскам. Она как будто бы проходила возле Куликова поля, по левому берегу Дона, и от донских переправ шла к бассейну реки Пьяны. Об этом сообщает летописный свод Даиша Карачая аль-Булгари и его продолжателя Юсуфа аль-Булгари «Нариман тарихы», 1391-1787 гг.¹⁸⁰

Как сообщает нам свод «Нариман тарихы», данные которого впервые вводятся в научный оборот. Тохтамыш сумел заинтересовать в борьбе с Мамаем и болгар. По сведениям «Нариман тарихи», свода корачаева-булгарских летописей, Тохтамыш был верным патриотом Булгара.

¹⁷⁸ См. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Под ред. Д.С.Лихачева Л.А.Дмитриева. М.-Л., 1966.

¹⁷⁹ Набиев Р. Правда о Куликовской битве. Казань, 2004.

¹⁸⁰ «Нариман тарихы». 1381-1787 гг. Хранится в архиве Ф.Г.-Х.Нурутдинова (Казань). Русский перевод аутентичной тюркской рукописи, сделанный группой под руководством Сайфуллина в г. Петропавловске Казахстанском в 1920-30-е годы.

Сразу после занятия весной 1380 года города Сарая Тохтамыш объявил себя султаном Булгарского царства (добавим, что в 1357 году Ак-Орда была ликвидирована, и на ее месте возникло Булгарское царство, которое существовало до 1437 года). Он вступил в союз с еще одним Булгарским государством – Булгар аль-Харидж (Гарач Булгар), или Мэнгу Булгаром (эту его территорию исследователи часто называют «Казанской Булгарией»). Благодаря этому Тохтамыш получил в борьбе с Мамаем необходимую для него булгарскую помощь («Нариман тарихы» – Ю.Б., Ф.Н.).

Конечно, дошедшие до нас русские источники, которые почему-то не нравятся Р. Набиеву, имеют недостатки. Но и при этих недостатках, о которых мы еще будем говорить, эти источники неопровержимо свидетельствуют о том, что Куликовская битва 1380 года была, и она осталась победоносной и судьбоносной для русских, которые начинают с той поры свой отсчет времени новой свободной Великороссии.

Между тем, недавно был обнаружен еще один русский источник: это ростовские летописи XIV в. о Куликовской битве в передаче ростовского краеведа А.Я. Артынова, где подробно рассказывается о сборе войск в Ростовском княжестве и о путях их следования именно по полю Куликову в день битвы¹⁸¹.

Однако, русские сведения о Куликовской битве, как мы увидим далее, подверглись в середине XV-начале XVI вв. редактированию, и теперь реконструировать их первоначальные тексты – хотя бы в общих чертах – можно лишь при помощи булгарских источников (такова точка зрения Ф.Г.-Х. Нурутдинова).

Так из булгарских источников только два – свод волжско-булгарских летописей Бахши Имана «Джагфар тарихы» («История Джагфара»), 1681-1683 гг., и свод карачаево-булгарских летописей Дайша Карачая аль-Булгари и Юсуфа аль-Булгари «Нариман тарихы» («История Наримана»), 1391-1787 гг. – хорошо сохранились сведения о Куликовской битве 1380 года. В «Джагфар тарихы» эта битва называется «Мамай сугэшэ» (можно переводить и как Мамаева битва и как Мамаева война), а в своде «Нариман тарихы» – еще и «Саснак сугэшэ» («Саснакская битва»). «Саснак» по булгарски значит «болотный кулик» и русское «Куликовская битва» – это перевод булгарского «Саснак сугэшэ». Мы говорим об этом с уверенностью потому, что русские летописцы ошибочно (по мнению Ф.Г.-Х. Нурутдинова) определяют Куликово поле как место битвы у современной реки Непрядвы, между тем, согласно сведениям «Нариман тарихы», основная часть Куликова поля располагалась между реками Саснак («Кулик»; современная Сосна) и Кызыл Мича («Красивый Дубняк или Дуб», современная Красивая Меча). И только края Саснак кыры («Куликова поля») немного заходили за эти реки. Так в «Нариман тарихы» говорится: «Саснак кыры (Куликово поле) начинается на правом берегу Саснак (Сосна), а заканчивается на левом берегу реки Кызыл Мича».

На этом поле, на котором началось одно из сражений Мамаевой войны 1380 года, Саснакское сражение, находится несколько лесков. Севернее Кызыл Мича начинаются большие болота, которые у реки Каенсу («Березовая река», современная Непрядва) образуют одну большую топь. Среди этой топи, на «острове», во время Мамаевой войны прятался балынский улубий (Московский великий князь) Иджим-Тюрый (Димитрий Иванович). После Саснакского сражения эмир булгарского казацкого бейлика (владения, княжества) Чирши (Чыршы, Ширши, т.е. «Елецкое княжество») Саурбек Барынджар похоронил павших в ней булгар у чиршийского аула Кызыл (ныне – Красное на дороге Елец-Лебедянь). Это булгарский бек Булат, сын Бигеша (Бегича), на левом берегу Кызыл-Мича, в ямах и траншеях балынцев, а Иджим-Тюрый похоронил павших балынцев (москвичей) севернее Кызыл Мичи, на реке Нимрад («Полувода», или «Полурека»; так булгары называют реки с невкусной или непитьевой водой) и дал ей новое название Субар, т.е. «Очень славная река» (современная Перехвал). А название Нимрад Иджим-Тюрый дал реке Каенсу (современная Непрядва). На северном краю поля (Куликова), на берегу речки Яшелсу («Зеленая или Синяя река»), впадающей в Кызыл Мича, растет красивый дубовый лес.

Не будем однако путать современную Непрядву (Каенсу) и «старую» Непрядву – Нимрад

¹⁸¹ Бегунов Ю.К. Новонайденный ростовский источник о Куликовской битве // От Древней Руси к Новой России. Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 182.

(Перехвал), впадающую в Дон в 70 верстах южнее устья современной Непрядвы. Между тем, авторы русских сказаний о Куликовской битве «старой» Непрядвой называют современную Непрядву, и это доказывает, что они писали значительно позднее авторов болгарских известий о Куликовской битве, знающих «старую» Непрядву и факт переименования Каенсу в «Непрядву».

Намного позднее происхождение русских информационных источников и их зависимость от болгарских сказаний о Саснакском (Куликовском) сражении доказывает также факт незнания русскими авторами названия господствовавшего над русскими землями государства. Дело в том, что с 1357 по 1437г. русские князья имели дело уже не с татаро-монгольской Ак-Ордой, а с Булгарским, или Сарайско-Булгарским царством. Вот что сообщается об этом в своде «Нариман тарихы»: «Государство татар (монгольских завоевателей), образованное Биркаем (ханом Берке) в 1257 году и поэтому получившее его имя «Барриятель Баракат», в 1357 году было уничтожено султаном Бердибеком (1357-1359), истребившим династию Батая (Батя) и основавшим на месте «Барриятель Баракат» Булгарское царство¹⁸². Это Булгарское царство, которое для отличия от внешней Булгарии называлось «Сарайско-Булгарским» и «Кыпчако-Булгарским», особенно возвысилось при султани Тохтамыше (1380-1406), а просуществовало до 1437 года, вплоть до того момента, когда слилось с государством Мэнгу Булгар, или Булгар аль-Хариджем («Внешней Булгарией», это независимое болгарское государство с центром в Казани) в одно Казанско-Булгарское царство сеид-эмиров из рода Ашрафидов.

После взятия Казани балынцами (москвичами) в 1552 году Казанско-Булгарское царство стали называть просто Булгарским царством, или Кичи-Булгаром («Малым Булгаром»). Это Булгарское царство просуществовало до 1740 года и последним его эмиром был Карасакал из болгаро-суварской династии Тукай (текст записки Юсуфа аль-Булгари продолжателя «Нариман тарихы», в котором рассказывается о том, что случилось после 1391 года; он дошел до нас вместе с текстом «Нариман тарихы», и мы считаем его неотъемлемой частью свода «Нариман тарихы»).

Даиш Карачай аль-Булгари – автор свода «Нариман тарихы» 1391г., продолженного в 1787г. Юсуфом аль-Булгари, считает, что Саснакское сражение было частью Мамаевой войны 1380г. и пишет о нем очень кратко. При описании Мамаевой войны Даиш опирался главным образом на устные и письменные рассказы участников этой войны. «Наиболее интересными, – пишет Даиш, – мне показались рассказы эмира Чулман-Булгара (Закамской Булгарии) Бахта-Мохаммеда и Сабана Халджи (автора «Задонщины»), а также сведения записок представителей рода Нарыковых – «Нарыг тарихы» («История Нарыка»)¹⁸³.

«Эмир Сабан Кашани (не путать его с Сабаном Халджой!) сообщил мне мало существенного, видимо, опасаясь ухудшить свое положение... Суть рассказанного Бахта-Мохаммедом можно кратко изложить так: когда царю (Тохтамышу) стало известно о зловещем намерении Мамаея напасть на столицу совместно со своими друзьями в Алане (из Алании), то он велел Газану Абдалу и Бахта-Мохаммеду оторвать от Мамаея артанцев (литовцев), кортджакцев (москвитян), кисанцев (рязанцев), а Коч-Кумыку – кубанских алан-карачайцев. Прибыв к москаульйцам (москалям), Бахта-Мухаммед увидел их приготовления к войне и сказал улубию ак-балынцев (великому князю Московскому): «Мы загородим Мамаю путь в Артан (Литовское великое княжество) и Кортджак (Московию). Если ты не поможешь, или станешь мешать, то мои булгары и туркмены перевернут в Ак-Балыне (Северо-Восточной Руси) все вверх ногами!» А Газан так сказал беку артанцев (князю Ягайло Ольгердовичу): «Царь (Тохтамыш) движется по Хэлэку (вдоль пограничной линии, проходившей от Киевщины до реки Пьяны через левый берег верхнего Дона) со всеми булгарами, туркменами, джагатайцами (жителями Средней Азии) и мангытами (здесь: кочевыми булгарами). Надеюсь, что ты сам загородишь от разбойника Мамаея свою границу и этим покажешь свое расположение к дружбе с великим падишахом (Тохтамышем). А тем из твоих людей, которые нашептывают тебе слова о раздоре, не пожалеть бы!»

¹⁸² См.: Архив Ф.Г.-Х. Нурутдинова (Казань) // "Нариман тарихы".

¹⁸³ "Нарыг тарихы" находится в составе "Нариман тарихы".

Оба андаша (зависимых союзника) после продолжительного раздумья решили помочь царю. А Коч-Кумык Улуш, потомок Габди и Гали Беркета (булгарские северокавказские князья, XII-XIII вв.), с огромным обозом стал объезжать весь Алан (здесь: Северный Кавказ), собрал большинство азакских (азовских) беков и биев и устроил им великий праздник, на котором одаренные и повеселевшие вожди дружно решили поддержать Тохтамышша.

Когда Мамай перешел Шир, его встретила лишь пустая степь. Когда он проходил вдоль Хэлэка, люди Бахта-Мохаммеда уже заканчивали построение на протяжении 500 верст. Они встали таким образом, чтобы отбить от ширской дороги любого и не допустить измены. В это время из-за зловредности одного артанского бия Астана (князя Остея Ольгердовича), служившего улубию (великому князю Димитрию Ивановичу Московскому), произошла нелепая стычка. Он самовольно занял со своим туменом участок на артанской границе у реки Кюльджа, который Бахта-Мохаммед поручил охранять недавно прибывшему отряду новобулгарцев и чаллынцеv, и Булгар-аль-Хариджа (Внешнего Булгара на север от реки Кама) во главе с беком Сабаном (этот бек Сабан-эмир Сабан Кашани, его нельзя путать с беком Сабаном Халджой). Когда Сабан попытался встать на свое место, Астан вероломно напал на него из засады и убил чаллынского эмира Чаллы-Мохаммеда и бека Гарафа. В этот момент в тыл отряда Сабана ударили еще и ак-мангыты, и казаки Мамай, охранявшие слева колонну туменбаши.

Бахта-Мохаммед поспешил вмешаться и при помощи артанцев отбил Астана от границы. Тогда Астан вообще ушел в Урджу (г.Ржев), грабя все на своем пути.

Мамай, большинство кара-мангытов (нугай или ногаеч, мангыт – названия булгар; казахи, узбеки, монголы до сих пор называют всех булгар «нугаями» или «мангытами». Оседлые булгары называют нугаями или мангытами только кочевых булгар – кыпчаков) которого перешла на сторону царя, был наголову разбит Тохтамышем и побежал вдоль Хэлэка к Кюльдже. Он хотел укрыться в Артане, но хариджийские булгары и ак-балынцы (москвичи) сообща отбили его. В решающий момент боя Бахта-Мохаммед, который до этого помешал кисанцам (рязанцам) соединиться с Мамаем, также ударил по врагу с половиной своих людей и заставил туменбаши отступить в Джалду (Крым) к своим единоверцам – алтынбашцам (итальянцам; значит, Мамай принял католичество?).

Мамай потерял в бою с Тохтамышем 20.000 человек, и столько же в схватке у Кюльджи, а кисанцы – 3.000 человек. Тохтамыш потерял 10.000 бойцов, Бахта-Мохаммед – столько же, если считать и потери хариджийских булгар, ак-балынцы – 30.000, а артанцы – 500 человек.

Царь послал артанскому беку часть своей добычи и велел ему справедливо разделить ее между наиболее отличившимися и семьями погибших. Этот булгарский обычай понравился артанскому беку, и он, в свою очередь, послал царю свои приветствия и подарки. Когда битва была уже закончена, вошедшие в раж хариджийские булгары атаковали ак-мангытов (кочевых булгар) царя, приняв их за кара-мангытов (кочевых булгар) Мамай. При этом был ранен бий Идягай (Едигей русских летописей) и пало с обеих сторон с 300 бойцов. Сабан сильно встревожился и попросил Бахта-Мохаммеда помочь ему выпутаться из этой истории. Бахта-Мохаммед подъехал к царю и попросил у него извинения за это ошибочное нападение, взяв, таким образом, вину на себя. Но Тохтамыш, даже не дослушав его, с улыбкой остановил бахадира и сказал ему, что пусть герой битвы не беспокоится о пустяках. На победный пир, где Бахта-Мохаммед сидел возле царя, явился и Идягай и стал изображать из себя мученика, хотя рана его была пустяковой. Перехватив взгляды, которыми обменялись Бахта-Мохаммед и Идягай, царь велел принести обоим чаши с аракой и обменяться ими. Когда обмен был произведен, а содержимое чаш выпито, Тохтамыш сказал своим, чтобы береглись Идягая, в глазах которого он увидел ненависть и желание отомстить. Но пока булгарский тумен стоял в Бирка-Сарае, ак-мангыты не могли угрожать Булгару и вообще кому-либо ...

... Сабан Халджа, бек (князь)барынджарских кара-булгар (днепровских булгар), рассказал мне более о конце Мамаевой войны. Сам он, будучи главой города Мираба или Балтавара (Полтавы), вначале служил Артану (Литве), но затем со своими барынджарскими булгарами-чиркесами (казаками) перешел на службу Мамаю, а его брат Адам предпочел остаться на артанской (литовской) службе. В Саснакской (Куликовской) битве Халджа атаковал балынцев (москвичей) в составе левого крыла Мамаева войска, а потом вместе с Мамаем отступил в улус

(район) Кюльджа (бассейн реки Кальчене, притока Ворсклы) и там некоторое время бился с балынскими сыбайцами (конниками) Булымера (князя Владимира Андреевича Серпуховского) из ак-булюка (корпуса, бригады, ударной армии) Бахта-Мохаммеда. Бахта-Мохаммед с трудом уговорил бека Сабана Халджу отстать от Мамаю. После отделения от него барынджанцев-чиркесов Халджи Мамай ушел в Джалду (Крым). Бахта-Мохаммед пошел за ним только со своими чулманскими булгарами, а Булымеру по его просьбе разрешил возвратиться в Балын (Московию). Войско Булымера на обратном пути грабило чиркесов (украинских казаков), и поэтому они напали на балынцев. В жестоком бою Булымер пленил бека Халджу, но потерял весь свой обоз, захваченный сыновьями Сабана Халджи-Бакданом и Астабаном. Пять лет Халджа провел в ужасной ссылке в Сарыкуле (Белоозеро), но не принял крещенства (православия). Наконец, не желая издыхать на краю земли, он написал для балынцев дастан о Саснакском сражении («Задонщину»), который балынцы называют Ширским («Донским»). Тамошнему балынскому беку дастан так понравился, что он разрешил обменять Сабана Халджу (русские называли его «Сафоний Резанец», – т.е. мусульманин) в Улуг-Булгаре (Булгар-на-Волге) на Питряя (Петра), сына воеводы Улакчина (Алексина). Сабан Халджа некоторое время пожил в Улуг-Булгаре, где я и встретился с ним, но потом отъехал в Балтавар, к сыновьям. По его словам, болгары-барынджарцы, или кара-булгары (булгары Украины – руководящее ядро украинского казачества) сохраняют многие старинные слова, в том числе, старые названия Казани – «Ар-Инеш» и волжских булгар – «хинцы»... С таким же упрямством башкортты – родственники барынджарцев – сохраняют старое название Булгарской земли и Волжских булгар – «Буляр»...

Халджа воевал в Кара-Бурджане (Дунайской Булгарии), Уруме (Византии), Джалде (Крыму) и во многих других странах, но страшно ему было только один раз: когда он впервые попал в татарский плен и хакан Джанибек (1342-1357) велел продать его в рабство в Тимер-Капа (Дербенте). Тогда улуг-булгарский купец Урум-Салтык, торговавший в Кане (Украине) и Кара-Бурджане, выкупил его»¹⁸⁴.

Итак, «Нарыг тарихы» сообщает о событиях Мамаевой войны достаточно подробно, однако, читая эту летопись, надо помнить, что чванливые Нарыковы не прочь были при случае чрезмерно возвеличить себя или блеснуть знанием какого-нибудь редкого слова или названия. Так они любят называть себя губернаторами «Самарского иля», хотя решение султана Науруза об образовании такой губернии так и не воплотилось в жизнь. Булгарское царство они иногда называют «Кыпчако-Булгарским канлыком (союзом)» хотя в документах названия «канлык» не встречается. Кроме того, Нарыковы часто представляют себя охранителями Улуг Булгара, но этот город очень редко зависел от них. Как говорится в «Нарыг тарихы», «в месяце сабан (апреле) 1380 года Тохтамыш подошел к Сараю аль-Джадид («Новому Сараю», столице Орды и Булгарского царства), и бывшие в городе бек Кутлуг-Тимер и шахрибика (мэр) Сарая Рабига торжественно передали столицу в его руки. Кутлуг-Тимер, как мы уже писали, был сыном эмира Джалды (Крыма) Хафиза Тулуг-Тимера. Когда Мамай вступил в борьбу за Джалду, то Кутлуг-Тимер выступил против него, был разбит и бежал в Сарай. А вот брат Кутлуг-Тимера – Сарыбек или Сары-Ага перешел на сторону Мамаю и сохранил за собой отцовские владения... В Сарае Кутлуг-Тимер безумно влюбился во вдову султана Бердибека Рабигу-ханум (героиню волжских булгар), дочь саварчия (главы крупной торово-ремесленной компании) Идельбахт. Рабига была прекрасна внешне и душой, мудра и вместе с тем воинственна: она участвовала не только в женских, но и в мужских турнирах и всегда выходила победительницей. Но главное, она пылко любила Булгар и булгарский народ, поэтому народ Сарая единодушно избрал ее своей шахрибикой (мэром). Под ее влиянием Кутлуг-Тимер также стал защитником Булгара и булгар (т.е. булгарским патриотом)... Тохтамыш объявил Кутлуг-Тимера своим эмиром, а Рабигу еще более возвысил, сделав ее попечительницей приволжских городов Булгарского царства. Эмир Калга-Субы (Крымско-Азовского княжества Мамаю) Мамай Сунджа, едва весть о занятии Сарая булгарским султаном Тохтамышем дошла до него, стал готовиться к войне с ним. В месяце джиене (июне) Мамай дошел до западной части «Хэлэк джертык» (линии Хэлэк – военной границы внутренних областей Орды и Булгарского царства, закрытых для всех

¹⁸⁴ "Нарыг тарихы" в составе "Нариман тарихы".

неправительственных войск) и соединился там с барынджарскими чиркесами Сабана Халджи. Отсюда они вместе двинулись к Сараю. По пути Мамай оставил в лагере в ауле Алмыш (г. Донецк) на реке Алмыш («Калка», Кальмиус) одну свою армию во главе со своим братом Камилем, в которую входил и отряд гарачских (казанских) болгар эмира Сабана Кашани. Эмир Камиль, женатый на сестре Сабана Кашани, был робок и во многом зависел от воли властного эмира Сабана. Тохтамыш велел Бахта-Мохаммеду атаковать лагерь в Алмыше, как только Мамай перейдет Шир (Дон). Когда Мамай перешел Шир, Бахта-Мохаммед с 5 тысячами своих чулманских болгар и 10 тысячами балынских сыбайцев (московских всадников) Бульмера (князя Владимира Андреевича Серпуховского) и Симая Малика («Семена Мелика») придвинулся к Алмышу. Увидев перед собой чулманских болгар, Сабан Кашани решил, что Мамай уже разбит, и уговорил Камилю после первой же стычки отступить к окраине Чирши-Субы («Елецкого княжества»), владения Саура, сына Сарайбека. В болгарский бейлик (княжество) Чирши-Суба никто не имел права въезжать без разрешения султана или здешнего болгарского бека, ибо чиршийские болгары – казаки - несли почтовую и конвойную службу, очень важную для Барриятель Баракат («Орды») и Булгарского царства (или «Сарайского царства» восточных источников, «Волжского царства» русских летописей). Наиболее крупные селения бейлика – Ширшах, чье название переделали в «Чирши» (Елец), Кызыл или Хэлэк (Красное), Сыгыр (устье реки Сосны), Сорык Кун (Задонск), Яучы или Борын Инеш (Липецк), Леубат (Шехмань-на-Тамбовщине).

Камиль и Сабан стали лагерем в столице Тугар-субы (Тугарской губернии Булгарского царства) в ауле Баджанак (Колпны на реке Сосна), и их разъезды встретились у Балына (Ливны) с разъездами чиршийских болгар. Между тем в самом начале месяца бельч (июль) войско Мамаю Сунджи, или Санау, встретилось у Сарычына (Волгограда) с войском султана Тохтамыша и завязало с ним ожесточенное сражение. Треть сил Нарыковых и тюркмен Газана (видного эмира Тохтамыша) полегла в этом побоище. Остальные Нарыковы стояли в старой крепости Барсыл (Борисоглебске) на реке Таш-Купэр (Хопёр), откуда ранее ушел в набег на Алмыш Бахта-Мохаммед. Только на третий день (битвы), когда на сторону Тохтамыша перешел эмир Салчы (князь Астрахани), султан принудил Мамаю к отступлению. При этом отступлении войско Мамаю разделилось на две армии, одна из которых во главе с беком Багуном отошла по левому берегу Ширы (Дона) к Хазару (г. Воронеж), а другая во главе с самим Мамаем – к Алмышу. Пока Тохтамыш выяснял, куда отступил Мамай, туменбаши (т.е. Мамай) сумел оторваться от его войска. Бахта-Мохаммед не позволил Мамаю занять Алмыш и бился так отчаянно, что туменбаши предпочел отойти на север к реке Кызминеш («Девине», правому притоку Дона). Там он узнал, что Багун был враждебно встречен у Хазара сыном Сигез-бия Хазаром. Он мог бы сбить их со своего пути, но в тыл его армии стали выдвигаться из Барсыла (Борисоглебска) Нарыковы, и он предпочел без боя с разрешения Саур-бека, перейти со своей армией через полосу владений губернатора провинции Нуршада (район Тамбова) Гази-бабы, сына Изая – в район Акказкичу (г. Лебедяни на Дону). Однако, там он переправится (через Дон) также не мог, ибо балынцы стали на другом берегу Ширы (Дона). Эмир Мамай решил выйти к Акказкичу и соединиться с армией Багуна. Саур-бек, отцу которого Мамай помог в 1373 году отбить нападение кисанских (рязанских) казаков, позволил эмиру (Мамаю) пройти к аулу Кызыл (Красное в Липецкой обл.). Эмиру Сабану Кашани показалось, что Мамай хочет захватить его, и двинулся со своим отрядом к Касма-Катау (г. Данково), а Камиль соединился с братом. Балынцы Иджим-Тюрюя (Димитрия Донского) отказались пропустить отряд Сабана Кашани через реку Кызыл Мича (Красивая Меча), и эмир стал раздумывать, что ему делать дальше. В это время Мамай послал кыр-булгар или кыпчаков Мурза-Тимура и Джинтель-бия к Сабану для того, чтобы они уговорили эмира вернуться. Но люди Сабана Кашани убили Мурза-Тимура и устремились через балынские порядки к реке Кызыл Мича. Джинтель-бий сообщил о происшедшем Мамаю, и туменбаши велел части своих сил пробираться вслед за Сабаном к Акказкичу и помочь Багуну переправиться через Шир. Так начался бой, который потом стали называть Ширским (Донским) или Саснакским (Куликовым). Сабану удалось переправиться через реку Кызыл Мича, и он устремился к Касма-Катау, но уперся в большое болото у реки Черсу, ниже Черуба, и остановился. Вслед за ним через эту реку переправились люди Мамаю и перебили большую часть балынских пехотинцев у речки

Нимрада (Перехвала). Пытаясь спасти пехотинцев, Иджим-Тюряй сделал вылазку со своего «острова», но был разбит и бежал. Его знамя упало на землю, а войско Мамаю решило, что одержало победу и занялось грабежом. Увидев на другом берегу своих, Багун быстро переправился через Шир. Тут конница балынцев атаковала было барынджарских болгар Сабана Халджи и кыр-булгар Джинтель-бия, но Багун смог дать отпор и соединить свою армию с армией Мамаю. Туменбаши повел свое войско в Кюльджу (на Полтавшину), а балынская конница обрушилась на булюк (полк) хариджийских (казанских) болгар эмира Сабана Кашани. Гарачцам (т.е. хариджийским булгарам) пришлось очень туго, тем более, что на них обрушилась суба Идигая, но тут к ним вышел Бахта-Мохаммед, и они присоединились к нему. Бахта-Мохаммед успел дожидаться в Алмыше Тохтамыша, и по просьбе султана пошел преследовать Мамаю. Взяв с собой людей Сабана Кашани и конный отряд балынского бека Булымера, Бахта-Мохаммед проследовал к Кюльдже (Кальчене, притоку Ворсклы). Мамаю пришлось отступить вначале к реке Калга-Идель (Конские Воды), а потом – в Джалду. Проезжая через родную речку Чаган, или Чакра (Чекра, левый приток Нижнего Днепра), Мамай плакал, как будто навсегда прощался с отцовским улусом (уделом). В Джалде Мамай укрылся в одной алтынбашской (итальянской) крепости. Когда Тохтамыш пообещал предоставить алтынбашцам выгодные условия торговли, если они выдадут Мамаю, те тут же убили великого болгарского эмира (Мамаю).

О гибели беклярибека («князя князей») Мамаю рассказывают еще и так. В то время, когда войско Мамаю уже воссоединилось с армией Багуна Жандэбэра и начало уходить с Саснакского (Куликовского) поля на запад, элэй (отряд) удалого Симая Малика, шедший впереди ак-булюка (корпуса) Бахта – Мохаммеда, внезапно атаковал его лагерь. Люди Мамаю вначале приняли элэй Малика за свой. Когда они разобрались в чём дело и выдвинулись плотной стеной против него, воины Малика успели зарубить султана Туляка и две тысячи его людей, 1200 алтынбашцев (генуэзцев) и тысячу арьякцев (армян) и взять в плен 300 алтынбашцев и тысячу арьякцев. Не принимая боя с основными силами Мамаю, Малик отошел за реку Кызыл Мича (Красивая Мича). Один из алтынбашцев, брат которого был убит, Рынджа (Франческо?), выстрелил в спину Малика и ранил его. От этой раны, которую Малик вначале посчитал пустяковой, он вскоре умер.

Воспользовавшись суматохой в лагере, эмир Чыллы-Мохаммед (булгарский эмир города Чаллы в Прикамье) попытался бежать, но был замечен и убит балынскими артанцами. На этом злосчастном поле из 60 тысяч балынских пехотинцев пало 55 тысяч, из 30 тысяч конных — 10 тысяч, из 10 тысяч артанцев — 6 тысяч. Из 7 тысяч канских чиркесов Сабана Халджи, атаковавших вместе с людьми Камиля в левом крыле (Мамаева войска), пало здесь 2 тысячи, из 10 тысяч калайцев (потомков печенегов и огузов Крыма) Камиля — 3 тысячи; нугаи Мамаю, атаковавшие в правом крыле, потеряли 15 тысяч всадников, Багун — тысячу конников. Половину воинов обоих крыльев войска Мамаю и тысячу гарачцев эмира Сабана убили балынские пехотинцы. Когда об этом доложили султану Тохтамышу, он был этим поражен. Всех пленных Бахта-Мохаммед у Иджим-Тюряя (Димитрия Донского) забрал по приказу султана Тохтамыша.

Когда алтынбашцы хотели уже выдать Мамаю людям Тохтамыша, тот же Рынджа возмутился и убил беклярибека. Камиль же перешел на артанскую службу и остался жив (приписка продолжателя «Нариман тарихы»: «К потомкам Камиля Сынау относят чиркесского (казацкого) эмира Канна (Украины) Багдана Сынау (Богдана Хмельницкого), к которому эмир Сеид Джагфар ездил в качестве посла Кичи-Булгара (Заволжской Булгарии).

В месяце кавэсе (ноябре) султан Тохтамыш устроил в честь своей победы над Мамаем грандиозный пир в Сарае»¹⁸⁵. Это было в 1381 г.

Сохранилась песня — «Плач по Мамаю Кара-улёк», в которой есть такие жалостливые строки:

*«Облачился в броню Мамай,
Гордых подвигов жаждал Мамай,*

¹⁸⁵ "Нариман тарихы".

*Утивался кровью Мамай,
 Тосковал по крови Мамай,
 Калмыков повоевал Мамай,
 Меч булатный точил Мамай,
 Иноходцев холил Мамай,
 Все четыре вида скота
 Над Чаганом держал Мамай,
 Пыль столбом вздымая, кобыл
 Косяками доил Мамай.
 Был друзьями ты окружен
 И товарищами, Мамай,
 И в несчастный, злосчастный день
 Я лишилась тебя, Мамай!»¹⁸⁶*

Однако, наиболее подробный рассказ о Куликовской битве, совпадающий с текстами русских источников, находится в летописном своде Бахши Имана «Джагфар тарихы», 1680-1683гг., который был введен в научный оборот Ф.Г.-Х.Нурутдиновым в 1993 г. Время, прошедшее с 1993 г., показало всю беспочвенность заявлений скептиков о том, что «Джагфар тарихы» — фальсификация. Все исследователи, изучившие содержание свода Бахши Имана, с уверенностью говорят о нем, как о замечательном, ярком и основательном источнике. Как бы подводя итог 12-летней дискуссии о степени достоверности волжско-булгарского свода «Джагфар тарихы», военный историк современной России А.Б.Широкоград пишет: «По поводу подлинности этого текста уже 12 лет идут споры. Анализ аргументов сторон все таки свидетельствует в пользу сторонников подлинности текста. В летописи довольно логично объясняются события, о которых смутно, а то и намеками, говорят русские летописцы»¹⁸⁷.

Рассказ о Куликовской битве вошел в свод «Джагфар тарихы» в составе летописи Мохамедьяра Бу-Юргана «Бу-Юрган китабы» («Книга Бу-Юргана»), или «Казан тарихы» («История Казани»), 1551г.

Приводим текст этого рассказа:

«Мамай тогда готовился к походу на выступившую против его власти Москву и был рад даже этой тысяче¹. Он тут же переправил кыргызских биев к Азану², и они передали ему следующую ложь: «Арабшах³ присоединился со всей ордой к Мамаю и посоветовал тебе прислать кыпчакскому улубию дань и отряд с туфангами⁴ для наказания московских бунтовщиков. В противном случае он пообещал напасть на тебя со всей ордой Мамаю». Эмира как молнией поразило это известие. Он тут же вызвал бека Сабана⁵ и велел ему идти на Шир⁶ для соединения с Мамаем с двумя тысячами черемшанцев Чаллы-Мохаммеда⁷, тысячью башкортов, бургасской тысячей Гарафа⁸ и тысячей кисанцев⁹, а также с двумя туфангами Аса, ученика пушечного мастера Тауфика. Прощаясь с сардаром¹⁰, эмир откровенно сказал ему: «Пусть лучше погибните вы, чем всё государство». Увидеть возвращение войска Азану не довелось, т.к. вскоре после ухода Сабана он умер. Эмиром стал его сын Би-Омар¹¹. А Сабан направился в Кыпчак и соединился с 80-тысячной ордой Мамаю на развалинах старой крепости Хэлэк. Перед битвой наши захватили в поле русского воина, одетого в рясу папаза (священника – Ю.Б.). Сабан хотел допросить его и отпустить, т.к. наши никогда не трогали никаких священников, но тут подъехал Мурза-Тимур¹² и убил пленного копьем. Наши узнали этого разбойника, и Гараф тут же отправил его в ад таким же копеечным ударом. Тут улубий, взяв в заложники Чаллы-Мохаммеда, велел атаковать 60 тысяч русских и 10 тысяч примкнувших к ним артанских всадников¹³ в неудобном для этого месте¹⁴. Наши, наступая на правом крыле, быстро расстроили стрельбой из караджея¹⁵, а затем и растоптали 10 тысяч стоявших перед болотом русских пехотинцев. Дело было очень жарким. Под Гарафом убили лошадь, и он, уже пеший, взял у убитого кара-джея и поразил стрелой балынского бека. Потом оказалось, что это один из московских бояр оделся в одежду своего бека и стал впереди войска, дабы того не

¹⁸⁶ Хаким Р. Метаморфозы духа. Казань, 2005. С.179.

¹⁸⁷ Широкоград А.Б. Куликовская битва и рождение Московской Руси. М., 2005.

убили¹⁶. А Сабан при этом всё удивлялся тому, что не видит хорошей русской конницы. А она, оказывается, была поставлена в поскын (засаду) в лесу за болотом, и деревья в нем были подрублены для быстрого устройства завала в случае вражеского прорыва. И когда балынский бек¹⁷ увидел гибель своего левого крыла, то в ужасе бросился скакать прочь со своими ближайшими боярами. А бывшие в засаде приняли его за татарина и свалили на него подрубленное дерево, но бек всё же остался жив.

А наши покочив с левым крылом русских, уперлись в болото и остановились. Мамай, наблюдавший за битвой с высокого холма позади войска, воспринял эту заминку за проявление трусости и велел своему лучшему монгытскому алаю¹⁸ подогнать наших ударом в спину. Сабан едва успел развернуться и встретить кытаев¹⁹ стрелами, а затем мечами, иначе бы его с ходу растоптали 20 тысяч степняков (кырагай).

В это время левое крыло Мамаева войска, состоящего из 10 тысяч крымцев и 7 тысяч анчийских казаков, рассекло правое крыло русских и боковым ударом расстроило балынский центр. Бий Бармак, единственный из ногайских биев, с которым наши ладили, был со своими против московского центра и тут же поднажал и погнал его. Когда он, преследуя неверных, оказался левее леса, воевода балынцев Адам-Тюряй²⁰ вызвал свою 20-ти тысячную конницу из засады и опрокинул его сокрушительным боковым ударом.

Увидев мгновенную и напрасную гибель большинства своих, Бармак развернул уцелевших и бросился прочь мимо остервенело бьющихся друг с другом болгар и монгытов Джинтель-бия²¹. Крымцы и анчийцы бросились бежать в другую сторону пролетая мимо дерущихся. Бармак крикнул во всю мощь о полном разгроме, и только это заставило всех позаботиться о спасении. Оставив Гарафа с его буртасцами сдерживать напор русских, Сабан стремительно повёл остальных домой. Во время отступления, однако, многие наши опять сцепились с новыми ногайцами Джинтель-бия и отчаянно резались друг с другом на ходу. Гараф же удерживал напор балынцев столько, сколько это было возможно. Адам-Тюряй (Димитрий Боброк), увидев, что бьётся против болгар, выдвинул против них свежих артанских всадников, а сам отправился с балынцами к холму. Мамай, завидев их, бежал.

Ас²² с двумя пушками, так и не выстрелившими ни разу, был брошен у холма²³. Русские хотели его прикончить, но Адам-Тюряй не дал и взял мастера с его туфангами в Москву. Ас научил балынцев делать пушки, которые они вначале называли по-нашему «туфангами». А вообще-то, в этом сражении балынцы и артанцы бились необычайно жестоко и не брали никого в плен. Когда Гараф расстрелял все свои стрелы и потерял уже шестого по счёту коня, артанские балынцы бека Астея²⁴ окружили его и изрубили на куски. Потом тот же Астей настиг у Шира Чаллы-Мохаммеда и, когда бек нечаянно упал с лошади, растоптал его. Бек Сабан говорил, что потерял в этом несчастном побоище всего треть воинов, но это он, скорее всего, говорил о своих джурах. Потомки Гарафа рассказывали, что Сабан не потерял, а привёл домой всего треть своего отряда. В пользу этого свидетельствует клятва Сабана: либо ему, либо его детям смыть эту обиду. А один из воинов Гарафа рассказывал, что беку во сне накануне битвы явился святой Габдель-Халик, некогда убитый на этом месте кинсантами²⁵, и сказал ему: «Завтра войско болгар ждёт большое несчастье — встань и уведи людей». На это Гараф ответил, что в его роду Амиров никто и никогда не отступал, и он не нарушит этого обычая. Тогда Габдель-Халик сказал, что в таком случае он будет убит, и так и случилось. А этот воин видел, как убили Гарафа, спокойно шагнувшего с мечом навстречу артанской лаве. Его самого ранили, но он, очнувшись уже ночью и уже без доспехов, смог всё же уйти»¹⁸⁸.

НАШ КОММЕНТАРИЙ

1. Речь идёт об одной тысяче воинов кыргызов, которые последовали за заговорщиками, убившими эмира Синея Орды Арабшаха на переправе через Дон в 1380г.
2. Азан-Хасан, сын Мир-Махмуда, эмир Булгарского государства, 1359-1380гг.
3. Арабшах – младший брат кук-ордынского хана Уруса, посланный с войском Заволжской орды на помощь Булгару.

¹⁸⁸ Бахши Иман. "Джагфар тарихы". Свод болгарских летописей 1680 г. Т.1. Оренбург, 1993. С. 217-219.

4. Туфанги — пушки
5. Сабан — бий Кашанский, сын Юсуфа, внук Лаиша, болгарский военачальник.
6. Дон.
7. Чаллы-Мохаммед — бек Черемшанский.
8. Гараф — сын Адама, бек Кермека.
9. Рязанцев.
10. Воевода — здесь: бек Сабан.
11. Бей-Умар — сын Азан-Хасана, эмир Булгарского государства 1380-1422 гг.
12. Ногайский бий.
13. Литовско-русских конных воинов.
14. На поле Куликовом.
15. Арбалетов.
16. Речь идёт о боярине Бренко, переодевшимся в великокняжескую одежду и убитом на поле Куликовом.
17. Св. великий князь Московский Димитрий Иванович.
18. Полку туркмен.
19. Кара-китаи — тюрское племя.
20. Боярин Димитрий Боброк Волынский, Гедиминович, родоначальник Боброковых.
21. Джинтель-бий — туркменский воевода.
22. Булгарский пушечный мастер.
23. У Красного холма, ставки темника Мамаю.
24. Остей — внук великого князя Литовского Ольгерда, командовавший русско-литовским войском.
25. Габдель-Халик — болгарский мусульманский святой, дервиш из братства «Эль-Хум», убитый в XIV в. рязанцами, автор поэтического произведения «Жалоба хану».

В основном, рассказ Мухамедьяра Бу-Юргана совпадает с рассказами русских источников XIV-XVI вв., в том числе летописей, «Задонщины» (1385), «Сказания о Мамаевом побоище» (1520-е гг.). Сравнительно с ними, в болгарском источнике добавлено много новых живых подробностей битвы, в том числе конкретных действий участников битвы, названы поименно болгарские военачальники, отмечен героизм бия Гарафа из рода Амиров со ссылкой на устные предания этого рода.

Эти данные свидетельствуют в пользу аутентичности свидетельств летописи Мухамедьяра. Так, например, название противников русских болгарами исторически верно. Противостоящее Московскому великому княжеству государство названо здесь не «Золотой ордой» (которой не было), а Кыпчакско-Булгарским союзом (ханлыком), что абсолютно правильно.

Весьма любопытно и повествование Мухамедьяра о том, что произошло после Куликовской битвы: «Вскоре после Мамаевой войны разнеслась весть о прибытии в Кыпчак из Кук-Орды хана Тохтамыша. Хан Габдулла, которого улубий (Мамай) угрозами заставил служить себе и насильно удерживал в Сарае, бежал в Булгар и поступил на службу Би-Омару. Эмир назначил его улугбеком Великого Булгара. Вслед за этим прибыли послы Тохтамыша с предложением эмиру заключить союз с ханом, которое Би-Омар с радостью принял. Тохтамыш стал титуловаться ханом Кыпчакского и Булгарского союза (ханлыка), перестав вмешиваться в дела Булгара и брать с Державы дань. Мамай попытался было помешать Тохтамышу переправиться через Идель, но Бармак перешёл на сторону хана и улубий (Мамай) бежал в Джалду (Крым) со своими биями-убийцами. Но в Крыму злодеев ожидала западня Шонкара, в которой они все лишились своих нечестивых голов.

За это Тохтамыш дал Крыму, бывшему ранее улусом Кыпчака, право удельного бейлика (княжества). И назначил Шонкара первым крымским беком. Шонкар построил себе дворец в городе Багча-Болгар (совр. г. Бахчисарай), склонил на службу казаков и вместе с ними остановил продвижение артанцев и раздвинул пределы Джалды до Сулы и Шира.

Несомненно, в основе вполне достоверного описания Куликовской битвы лежит рассказ эмира Сабана Кашани, т.к. в центре данного повествования, — очень детального и изложенного весьма в выгодном для эмира свете, находится судьба только его мэнгу-булгарского корпуса.

В этом рассказе содержится несколько бесспорных болгарских тем, топосов, традиционных для болгарских воинских повествований. Среди них можно выделить 11 основных:

1. переодевание перед боем полководцев и воинов;
2. встреча со святыми перед боем;
3. чудесные сны и другие явления и гадания перед боем;
4. помощь небесных сил, жрецов и священников;
5. обращение за помощью к древнебулгарским духам и пророкам;
6. состязание богатырей перед битвой;
7. необычайная активность определенных животных: волков (символ страшной битвы), лисиц (символ смерти) и др.;
8. увядание природы (деревьев, трав, цветов) в знак скорби по погибшим героям и как символ оборванных жизней;
9. герои сражаются посохом (дубиной, клюкой — символом дерева жизни, бессмертия);
10. осуждение убийства спящего, беспомощного врага;
11. герой заманивает врага в засаду и погибает под упавшим деревом.

Такие литературные топосы, или общие места, стали средствами развития темы повествования и раскрытия главной идеи произведения наряду с сопутствовавшим им арсеналом необходимых тропов и фигур, что весьма характерно, главным образом, для всех европейских литератур со времён поздней античности. Стало быть, и древнерусская и средневековая болгарская литературы отражают общий процесс мирового развития.

В русских сочинениях о Куликовской битве представлены как раз все эти 11 топосов. По Э.Р.Курциусу читатель может себе представить, насколько действенным было болгарское влияние на древнерусскую литературу того времени¹⁸⁹.

Историк А.Б. Широкоград, рассматривая факт из русских источников о переодевании перед Куликовской битвой московского великого князя Дмитрия Ивановича и боярина Бренка, заметил: «Так себя не вел ни один русский князь... Не было аналога поведения Дмитрия Донского и в западной Европе»¹⁹⁰. А.Б. Широкоград совершенно прав в своих сомнениях. Сюжет с переодеванием перед битвой попал в русские сказания о Куликовской битве прямо из болгарской литературы, для которой эта тема характерна. Перед боем переодеваются, согласно болгарским летописям и сказаниям, Аттилле (Аттила) в V веке («Нариман тарихы»), воины волжско-булгарского царя Габдуллы Чельбира в XIII в. («Джагфар тарихы»), завоеватель Булгарии Аксак Тимур в XIV в.¹⁹¹

Но когда, из какого источника и как болгарский рассказ о переодевании Иджим-Тюря (Дмитрия Донского) и «московского бояра» (Бренка) попал в русские сказания?

По нашему мнению, это могло произойти только в правление московского великого князя Василия I Ивановича (1389-1425), сына Дмитрия Донского. По замечанию Юсуфа аль-Булгари, «Васыл Галим Васыл» («Василий ученый», Василий I, великий князь московский) был любимцем самого грозного болгарского султана Тохтамыша, часто бывал в столичном Сарае (Сарай аль-Джадид, Сарай Беркэ) и поражал хана и его окружение глубиной знания тюрко-булгарского языка и любимой падишахом болгарской литературы. Говорят, именно сам Тохтамыш дал ему почетное прозвище «Галим» (ученый). Однажды Васыл даже победил в состязании болгарских сказителей самого Идягая (Идегей, фаворит нескольких болгарских султанов конца XIV – начала XV вв.), и тот, самолюбивый до чванливости, затаил на него обиду... Васыл Галим с детства любил книги и сам написал дастан о Мамаевой войне

¹⁸⁹ Curtins E.R. *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter*. 6 Aufl. Bern-München, 1967.

¹⁹⁰ Широкоград А.Б. Куликовская битва... С. 192.

¹⁹¹ Химасетдин бине Шарафетдин Муслим ал-Булгари. *Таварихы Булгария*. Казань, 1999.

(вероятно, это были основы «Сказания о Мамаевом побоище» — Ю.Б. и Ф.Н.), подражая стилю бека Сабана Халджи (автора «Задонщины» — Ю.Б. и Ф.Н.). Он также начал писать правдивую русскую летопись (свод 1389г.). А вот Иджим-Тюрэй (Димитрий Донской), и сын Галима Васыл-Урга («Знамя», прозвище Василия II) не любили ни писать, ни читать. При московских улубиях (великих князьях) Алаше («Мерин», так болгары называли Ивана III) и Ашаке-Васыле («Мерзкий Василий» — так болгары называли Василия III), все правдивые повести были либо уничтожены, либо переделаны и искажены. Помимо всего прочего, и Алаша, и Ашаке-Васыл велели вымарать почти все упоминания о булгарах и даже запрещали произносить слово «булгар» при дворе. Впрочем, благодаря беглому каратуну (т.е. монаху) некоторые выписки из летописи Васыла Галима попали в Булгар. В правление Елан-Кыз (великой княгини Елены Глинской) и её сына Аладжи («Душегуба», так болгары называли Ивана IV Грозного) это демонстративное проявление ненависти к булгарам при московском дворе прекратили, но в правлении Борыса (Бориса Годунова) и Кара-Васыла (Василия Шуйского) опять возобновили. Со времени Борыса даже Кичи-Булгар («Малая Булгария», Заволжско-Булгарское государство, существовавшее с 1552 по 1740г.) и вообще все болгарское при московском дворе стали называть «нугайскими» («ногайскими»), хотя с точки зрения казанских булгар «нугай» - это лишь кочевые булгары.

Васыл Галим неустанно собирал болгарские и кряшские (греческие) книги, и в этом ему помогал болгарский ага-папоз (митрополит) Кубарджан (Киприан). Особенно много таких книг они раздобыли в Канне (Украине). Прочитав их, Галим многое узнал о своих болгарских предках-урусах (русских) и велел своим людям называть балынцев урусами, а Балын, или Кортджак (Московию), – Урусом, или Русией. А Кубарджан (Киприан) все, что узнал в этих книгах, отразил в своей повести «О трех Булгариях и трех Русиях» (которая до наших дней не сохранилась). В ней он писал, что булгары происходят от Назака, или Мазаба, сына Абы-Кавэса, которого булгары называли также Тугаром, или Огуром (турки его именовали Огузом)¹⁹².

У Огура был сын Булгар, повелитель шести племен. Потом к ним присоединилось и седьмое племя – Сувар, и его иль (область) стали называть Идель, т.е. «Семь Племен»... В память об Огуре и его сыне Булгаре люди семи племен стали называться булгарами, или уграми, т.е. огурами. Первой столицей Булгара был город, который он назвал в честь отца Мазак. Позднее это название исказили до формы «Мосха» («Москва») Потомки Булгары, сочтя этот край суровым, перенесли столицу в более южную область Мосхайские («Московские») булгары были храбрейшими из булгар: они сражались и за город Атряч (Троя), и с первым Аламир-Султаном-Дагрием (Дарием I Великим), и со вторым Аламир-Султаном Искандером (Александром Македонским). Поэтому мосхайских булгар прозвали «урусами», т.е. «храбрецами», и постепенно это прозвище «урус» («русский») стало их главным именем.

Сейчас, т.е. в XV в., существуют как три Булгарии – Улуг Булгар (Великая Болгария) на Дунае, Сарайская Булгария в бывшей Хазарии и Галиджийская Булгария (т.е. Булгар аль-Харидж) в казанской области, так и три Русии: Улуг (Великая) или Мосхайский (Московская) Урус (Россия), Кичи-Урус (Малая Россия, Малороссия) и Ак-Урус (Белоруссия). А слово «Урус» мосхайцы произносят в форме «Русия».

Этот отрывок из повести Кубарджана, которую называют также «Поучением Кубарджана», Васыл Галим включил в свою летопись.

Нарыковы (в «Нариман тарихы») рассказывают о том, как Василий I любил беседовать о прошлом с болгарскими послами, в частности, с Сабаном Кашани, и как он не хотел посылать в 1398 г. свое войско в Булгарию на помощь Тимер-Кутлугу (сарайскому хану Тимур-Кутлугу). Тогда его брат Джурги Чулах (по прозвищу «Юрий-Враг»; так булгары звали брата Василия I Юрия) сказал ему: «Ты, брат, занимайся своими книжками и не мешай нам выполнять царевы приказы!». Но должно заметить, что Тохтамыш ценил Васыла Галима и за его геройство. Так, в 1391 г. Васыл Галим соединил свое войско с войском Нарыковых и храбро атаковал вместе с ними левое крыло Аксак-Тимера (Тамерлана) возле Кибен-Зая (г. Пензы). Не ожидавшие этого разбойники Аксак-Тимера после первой же стычки отступили на левый берег Булгари-Иделя

¹⁹² Благодарим казанского исследователя Р.М.Кадырова за это сообщение.

(Волги) и известием «о приближении огромного войска болгар и урусов» заставили этого нечестивого эмира поспешно уйти из Булгарии. Даже эмир Талкыш (национальный герой болгарского народа), отомстивший москвичам за нападение 1398 г. разгромом Булымера (Владимира в 1411 г.), писал: «После личной встречи с Васылом Галимом я стал разделять мнение эмира Сабана Кашани о том, что Галим не виноват в нападении на Булгар в 1398 г.»

Талкыш, сын эмира Кызыл Булгара (Самарской Булгарии) Енейтека, еще во время учебы в университете Булгара, стал записывать рассказы об известных болгарских бахадирах (героях) и стихи о них, в том числе и собственные. Постепенно эти рассказы и стихи сложились в сборник «Дастан о газиях Шахри Булгара» («Сказание о защитниках Булгарской страны», это сочинение, как и «Нарыг тарихы», не дошло до нас), который он в 1411 г. подарил эмиру Мэнгу-Булгара («Казанской Булгарии») Би-Омару. У разных людей я видел несколько списков этого произведения. Рассказы и стихи Талкыша очень просты, но весьма притягательны занимательностью и чувственностью. Один такой список, как говорят, у Талкыша выпросил даже один урусский (русский) бек (князь).

Итак, рассказ о Куликовской битве, донесенный до нас «Бу-Юрган китабы», слишком прост, чтобы быть произведением утонченного болгарского поэта Мохаммедьяра Бу-Юргана, зато он вполне соответствует духу и традициям болгарских воинских повествований того времени. У нас есть серьезные основания предполагать, что рассказ о Куликовской битве Мохаммедьяр заимствовал из сборника воинских стихов и рассказов эмира Талкыша («Талыча» русских летописей): это «дастан о газиях Шахри Булгара». О том, что Мохаммедьяр не мог заимствовать рассказ о Куликовской битве у Нарыковых, также сочинявших воинские повести и рассказы, говорит факт отсутствия в этом рассказе упоминаний о Нарыковых. А самому Талкышу о Куликовской битве рассказал, конечно же, Сабан Кашани — тесть Талкыша (по свидетельству «Нариман тарихы»).

Думаем, что читатель согласится с нашим выводом: рассказ о Куликовской битве Талкыша попал в Московию при Василии I и тем самым обогатил древнерусскую литературу.

Заметим, что все 11 основных болгарских «военных» тем (топосов) сохранились, несмотря на позднейшие поправки в «Сказании о Мамаевом побоище». И это естественно. Их «подача» по линии «нарастания напряжения», яркий, сочный язык «Сказания» вызывают восхищение. Конечно же, учитывая это, можно сказать, что «Сказание» — не хроника, а большая литература. И это литературное произведение было положено в основу политической идеологии созданного Василием I (судя по приведенным данным болгарских летописцев) нового московско-русского (великорусского) народа, а также нового политического образования — Московской Руси (Великой России), а поэтому стало в России главной национальной святыней. Как «Поучения Святослава», оно стало манифестом древнерусской народности. Как «Слово о полку Игореве», оно явилось программой объединения всех восточных славян в единый русский народ, подобно тому, как «Сказание о Мамаевом побоище» — идейной основой политической программы великорусского народа.

Теперь же попытаемся воссоздать картину Куликовской битвы, основываясь на приведенных нами болгарских сведениях, а также пользуясь реалиями русских источников и картой поля Куликова, составленной бывшим владельцем указанных болгарских источников И.М.-К.Нигматуллиным (г. Петропавловск, Казахстан).

Итак, перед нами гипотеза-реконструкция Ф.Г.-Х.Нурутдинова.

Накануне битвы произошла стычка между гарачскими (казанскими) булгарами и нугаями (кочевыми) булгарами Мурзы-Тимура и Джинтель-бия из войска Мамаю, в которой гарачцы убили Мурзу-Тимура. Мамай расценил это событие как бунт гарачцев и взял в заложники гарачского эмира Чаллы-Мохаммеда. Эмир Сабан Кашани решил, что Мамай намеревается уничтожить его булюк (полк) и стал готовить побег от Мамаю через донскую переправу у Касма-Катау (г. Данкова), при устье реки Черсу (Вязовка). Ранним утром 8 сентября 1380 г. полк гарачских болгар Сабана Кашани, под покровом тумана внезапно атаковал московских пехотинцев, стоявших по берегам Кызыл Мичи (Красивой Мечи) и Дона. Гарачские булгары, внезапно вынырнув из тумана, застали московских пехотинцев врасплох и пробились через их ряды, — но не к переправе, а к болотистым берегам средней Черсу, где стали погружаться в жижу и остановились. Само название реки — Черсу — значит по-булгарски «Вязкая река»,

«Река-Жижа», поэтому русские и называют её «Вязовка». Очевидно, в тумане гарачские болгары сбились с пути. Как видим, туман и помог им, и навредил.

Мамай, пришедший на поле Куликово только ради соединения с армией Багуна и обдумавший вопрос о захвате переправы Акказ (Лебедянь), очень скоро узнал об успешном прорыве Сабана Кашани и немедленно велел левому (Сабан Халджа, Камиль) и правому (Джинтель-бий, Бармак) крыльям своего войска атаковать московскую пехоту и захватить Акказ кичу (Лебедянскую переправу). Но людям «мамаевских крыльев» пробиться через толпы московских пехотинцев было трудно: пехотинцы быстро приготовились к бою и соорудили ямы-ловушки и траншеи. К тому же пехотинцам помогала 10-тысячная литовская конница, названная в рассказе Талкыша (см. «Джагфар тарихы») «московским центром» и стоявшая севернее позиций пехотинцев. Несомненно, выражение «московский центр» возникло под влиянием рассказа Василия I, услышанного Талкышем (он виделся с Василием I лично) или прочитанного им в недошедшей до нас летописи Василия I. Здесь налицо русское влияние на болгарское летописание (встреча Талкыша с Василием I, на которой Василий мог попросить того предоставить ему сведения о Куликовской битве, состоялась, скорее всего, после похода эмира на Владимира в 1411г. Очевидно, в том же году рассказ Талкыша попадает в Москву).

Когда всадники обоих крыльев мамаева войска ворвались на позиции московских пехотинцев, началась невиданная резня, во время которой никто не брал пленных.

Некоторые современные исследователи считают, что московские пехотинцы сгнули чуть ли не за зря. Это глубокое заблуждение. Да, погибли 55 тысяч пехотинцев из 60 тысяч, но они смогли убить 11 тысяч лучших болгарских воинов. Это обескровило войско Мамаю и позволило засадному полку опрокинуть великолепную мамаевскую конницу. Этот подвиг московских пехотинцев поразил самого султана Тохтамыша, водившего в бой лучшие армии болгар. Сами болгарские воины высоко оценили боевые качества московской пехоты. Под влиянием именно этой оценки Юсуф аль-Булгари при описании казанской осады 1552г. заметил: «Когда Япанча (булгарский полководец середины-конца XVIв.), потомок Сабана Кашани, попытался пробиться к Арским воротам (Казани), то попал — как когда-то гарачцы эмира Сабана на берегу Кызыл Мичи (т.е. во время Куликовской битвы) — в лабиринт траншей и ям. Тогда — балынские, а теперь урусские пехотинцы бросались группами — от 3 до 5 человек — на наших ещё не упавших всадников, ломали ноги и вонзали копыя в лошадей, сбрасывали на землю палками с крюками искуснейших наездников и тут же рубили их топорами. И тогда, и теперь никто из дерущихся не брал пленных».

Фактически, в 1380 г. на Куликовом поле родилась как род войска московская пехота. Опыт массивированной «охраны берега Мечи» пехотинцев 1380г. использовался потом Москвой при защите русскими пехотинцами берегов Оки и Угры, при взятиях Казани и при организации «засечных черт» XV-XVII вв.

С огромным трудом оба крыла Мамаева войска преодолели позиции московской пехоты и взяли Акказкичу (Лебедянь), а после чего разбили «московский центр» и отбили атаку московского великого князя. Великокняжеское знамя упало на землю и многие мамаевцы, решив, что одержали полную победу, занялись грабежом. Между тем в бою они значительно продвинулись по направлению к Каенсу (совр. Непрядве) и оказались «левее» яшелской дубравы, где скрытно стоял засадный полк Дмитрия Боброка. Эту дубраву русские называли «зеленой» — ведь она находилась на берегу реки Яшелсу («Зеленая или Синяя река», левого притока Красивой Мечи). В засаде боброкцы стояли лицом к северу, поэтому перед атакой южный ветер дул им в спину. Именно с точки зрения боброкцев мамаевцы оказались «левее леса» (т.е. дубравы). Сказать о том, что южный ветер дул в спину боброкцам и что мамаевцы перед атакой засадного полка оказались «левее леса» могли только сами боброкцы-участники битвы. Так что известие Талкыша (его рассказ о Куликовской битве сохранился в «Джагфар тарихы») о том, что мамаевцы оказались «левее леса», сохранило свидетельство русского очевидца (посредством рассказа Василия I, надо думать).

Увидев, что войско Мамаю оказалось «левее леса», Боброк напал на левый фланг мамаевцев: то ли считая момент благоприятным для атаки, то ли пытаясь сорвать преследование мамаевцами разбитого великого князя московского, то ли по совокупности причин. Внезапный удар свежей и мощной 20 тысячной московской конницы Боброка по уже

потерявшим бдительность мамаевцам опрокинул неприятеля и обратил их в паническое бегство. От полного истребления воинов обоих крыльев мамаевского войска спас бек Багун, сын Айдара. У него было 12 тысяч всадников, если верить болгарской поговорке: «12 тысяч воинов Багуна спасли бы Казань».

Увидев на правом берегу Дона своих, Багун немедленно переправился у Акказкичу (Лебедяни) через реку и с ходу вступил в бой и с уцелевшими московскими пехотинцами (они, по всей видимости, отступали к реке Нимрад или «Старой» Непрядве, современной реке Перехвал), и с наступающими боброкцами. Воины Багуна отбросили конницу Боброка. Боброк отошел немного, но стал готовиться к новой атаке. Этот перерыв спас остатки войск обоих мамаевских «крыльев». Но потом Боброк внезапно напал на гарачцев Сабана Кашани, остановленных топью, а армия Багуна исчезла и все её потери составили всего одну тысячу всадников. Но просто так провести свою армию мимо засадного полка Багун не мог, а значит, его проход с левого берега Мечи на правый, в лагерь Кызыл (Красный) для соединения с Мамаевым, кто-то прикрыл. Этим «кем-то» не могли быть вдребезги разбитые воины обоих крыльев мамоевой рати. Остается признать, что уход армии Багуна в Кызыл прикрыл полк Сабана Кашани, который именно поэтому понес от ударов Боброка тяжкие потери (3 тысячи всадников). Выходит, что гарачские (казанские) болгары и в начале, и в конце Куликовской битвы сражались против москвичей и их союзников литовцев (этнических литовцев и белоруссов), и значит, гарачский полк надо считать частью мамоева войска при описании Куликовской битвы. Этот нелюбимый факт бедняга Сабан Кашани тщательно скрывал всю свою жизнь, боясь мести со стороны Тохтамыша. Но, видать, эмир Бахта-Мохаммед сумел-таки уговорить султана (Бахта-Мохаммед был женат на сестре Тохтамыша) великодушно простить Сабана Кашани.

Итак, под прикрытием полка Сабана Кашани армия Багуна уходит на правый берег Мечи и воссоединяется с войском Мамаю. Между тем, к Куликову полю с юга со стороны Алмыша (г. Донецка) идет корпус Бахта-Мохаммеда, впереди которого мчится полк удалого Симая Малика («Семена Мелика» русских летописей), а с востока — суба (орда) Едигея. Возможно, Тохтамыш хотел помешать соединению армий Мамаю и Багуна и разить их по частям. Очевидно, Едигею предназначался Багун, а Бахта-Мохаммеду — Мамай. Но Мамай, как мы видели, всё же смог объединить свои армии и без промедления стал уходить на запад. Когда часть войска Мамаю уже покинула Кызыл (Красный), Симай Малик произвел дерзкое и неожиданное нападение на этот лагерь и нанес неприятелю тяжкие потери. Когда мамаевцы опомнились и приготовились к обороне, Малик отвел свой полк на левый берег Мечи и соединился с Боброком. Вслед за ним Бахта-Мохаммед переправился на левый берег Мечи, где гарачцы еще дрались с боброкцами и субой Едигея, успевшей в конце сражения форсировать Дон и ударить в спину гарачским болгарам. Когда гарачцы Сабана Кашани присоединились (а правильнее сказать — сдались) к Бахта-Мохаммеду, он прекратил Куликовскую битву как командующий северными болгаро-московскими силами султана Тохтамыша. В состав этих сил входило московско-литовское войско великого князя московского Димитрия Ивановича.

Это кардинально новая точка зрения по вопросу о месте и о ходе Куликовской битвы, причём сама дата и результаты битвы остаются неизменными. Однако при всем при том остается непровергнутой русская точка зрения, отраженная в «Летописной повести», «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», а также в брошюре И.Афремова 1849г.¹⁹³. Эта же точка зрения была изложена в Хлебниковском Ростовском летописце, XVII в., который до наших дней не сохранился, но его текст от 1380г. процитировал угодичский краевед А.Я.Артынов: «Ростовцы стояли крылом своим у большого оврага, идущего к реке Непрядве и селу Рождественскому, потом перешли ручей Верходубье и Липовой, впадающий в реку Смолку, где и бились с татарами, имея позади себя реку Непрядву и лес. В самой сече бились с

¹⁹³ См.: Повести о Куликовской битве / Изд. подг. Академик М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. «Серия «Литературные памятники». М., 1959; Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подг. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982. Ср.: Кирпичников А.Н. Куликовская битва / Под. ред. Б.А. Рыбакова. Л., 1980. Здесь дана подробная библиография по данной теме: Афремов И. Куликово поле. С реставрированным планом Куликовской битвы в 8-ой день сентября 1380 года. Отрывок из исторического обозрения Тульской губернии. М., 1849.

татарами у Рыбного оврага, дошли до устья Утинога, впадающего в реку Смолку, дошли, наконец, и до Красного холма»¹⁹⁴.

Кто же из двух оппонентов, выдвигающих противоположные точки зрения, оказался прав? Вопрос остается открытым, и только поколение будущих исследователей с помощью тщательной проверки смогут дать ответ. Такова точка зрения Ю.К.Бегунова. Кто же с кем сражался и кто конкретно победил в Куликовской битве?

На Куликовом поле 8 сентября 1380 г. сошлись болгаро-московско-литовские (собственно, литовские и белорусские) полки великого князя Дмитрия Ивановича и болгаро-итальяно-армяно-чиркесские (днепровские чиркесы – предки украинцев) полки мятежного эмира Мамаю (мятежного с точки зрения султана Тохтамыш), а победили силы Тохтамыш. У некоторых историков мелькают еще и такие этнонимы, как «буртасы», «печенеги», «кыпчаки» или «половцы», «нугай» (ногайцы), но это не отдельные народы, а группировки, или этнические группы болгар, которых часто называли также «бесерменами» (отсюда – русское «басурман», «бусурман»). Стоит предположить, что никакой «Орды» (которой поп Иван Глазатый в своей «Казанской истории» 1565 г. дал посмертное имя «Золотая Орда») тогда уже не было: в 1350 г. на месте Ак-орды возникло Булгарское царство, и Тохтамыш стал болгарским султаном.

Тогда уже не было единого Улуса Джучи и единой Ак-Орды и Большой Орды. И не было самих татар, так как их вообще никогда не было. А были одни тюрки-болгары. Одни жили на средней Волге, другие – в Ак-Саклане, третьи – в Кара-Саклане, четвертые – в Дунайской Булгарии. Были и многочисленные их родственники, потомки тех тюрков, которые жили повсюду, как об этом рассказывается в болгарских летописях, в настоящем Сборнике, а также в евразийских исторических трудах Л.Н. Гумилева и Ю.К. Бегунова.

Но давайте же предоставим здесь слово самим современникам и участникам Мамаевой войны или Куликовской битвы: ведь мы имеем здесь такую редкую возможность. Дело в том, что недавно были опубликованы тексты двух прежде запрещенных советскими властями болгарских дастанов (сказаний): «Сказание о двух головах» Бахши Имана (1693 г.) и «Мэндэ Бэр Сахэр» – «Тысяча и одно утро» (конец XIV в.). Необходимо отметить, что «Ике баш дастаны» опубликовано под вымышленным советскими властями названием «Идегей. Татарский народный эпос» и с некоторыми сокращениями. Так, сам Р. Набиев пишет (опасливо называя «Идигея» по-советски «татарским сказанием») буквально следующее: «...в одной из версий татарского сказания «Идигей»...главный герой назван «булгарской стрелой», пущенной из «бухарского лука»¹⁹⁵. На наш взгляд, эта аллегория призвана отражать воплощение интересов Булгарии и Средней Азии». Но в опубликованном тексте «Сказания о двух головах» это название Идегея – «булгарская стрела» - почему-то отсутствует. И ложное именование Р. Набиевым болгарского сказания «татарским сказанием» обесценивает высказанную им же верную догадку о столкновении в конце XIV в. империи Тамерлана с мифической «Золотой Ордой», а не с реально существовавшим в 1357-1437 гг. Булгарским царством. Но даже и в искажении идегеевский герой «Сказания о двух головах» сохранил целый ряд подлинных слов и даже песен Тохтамыш и Идегея. Вот подлинные слова султана Тохтамыш: «Я, Тохтамыш — хан Булгарии и Сарая...»¹⁹⁶. А вот как отвечает Идегей на вопрос Тамерлана «Откуда ты герой?»: «... Я — с берегов Идели (Волги) и Жаика (Урала)...из чеканящей монеты Булгарии...»¹⁹⁷.

Но мы помним, что Идегей был сказителем, поэтому самое сильное впечатление оставляет его песня о его родине — Булгарии, вызывавшая слезы умиления у многих поколений болгар:

*«О Идель, мне милый дом!
Очагом мне светит дом!
Был отец здесь женихом*

¹⁹⁴ Бегунов Ю.К. Новонайденный ростовский источник о Куликовской битве. С. 188.

¹⁹⁵ Набиев Р. Правда о Куликовской битве. С. 73.

¹⁹⁶ Идегей. Казань, 1988. С. 15. Перевод Ю.Б. и Ф.Н.

¹⁹⁷ Там же. С. 112-113.

*И с почтеньем бил челом —
 Мать невестой принял дом,
 Мне пупок обрезал дом,
 И белье стирал мне дом,
 Горд кобыльем молоком,
 Угощал кумысом дом,
 Меж Яиком и Иделью,
 Жеребят вместивший дом,
 Между Булгаром — Казанью
 Города вместивший дом»¹⁹⁸*

А начинается «Сказание о двух головах» такими памятными словами:

*«В давно прошедшие времена
 В Булгарии и Сарае
 Царствовал хан Тохтамыш»¹⁹⁹.*

В дастане «Тысяча и одно утро» также говорится о правлении Тохтамыша и его отца Туй-Худжи, но не в выдуманной попом Иваном Глазатым державе «Золотой Орде», а в реальном Булгарском царстве: «Среди булгарских падишахов Туй-Худжа (согласно «Нариман тарихы» царствовал в столице Булгарского царства городе Сарае под именем Хакан-бека в 1375-1376гг.) отличался умом и увидительной проницательностью. У Туй-Худжи был сын по имени Тохтамыш. После его смерти на трон булгарской державы воссел Тохтамыш»²⁰⁰.

Как видим, все, абсолютно все булгарские источники после 1357г. называют территорию ушедшей в прошлое в 1357г. монгольской Орды Булгарским царством. Это Булгарское царство гарачские булгары для отличия его от своей «внешней Булгарии» (т.е. Булгар аль-Харидж или Мэнгу-Булгар) называли Балыматской Булгарией, а просто сказать Балыматом и Булымером.

Слова «балымат» и «булымер» в старобулгарском казанском тюрки означали «гунн», поэтому «Балыматская Булгария» означала «Гуннская Булгария», а «Балымат» и «Булымер» — «Гунния». Юсуф аль-Булгари пишет в «Нариман тарихы» так: «Наиболее важные для всех булгар события истории Кыпчако-Булгарского периода (1236-1437гг.) описаны в «Нарыг тарихы» и сборнике Талкыша, поэтому именно они составляют основу наших, т.е. булгарских, знаний об этой эпохе».

Книга Мохаммед-Амина (книга «Праведный путь или благочестивые деяния булгарских шейхов» 1483г. казанско-булгарского историка Мохаммед-Амина) добавляет к этому только описания некоторых казанских событий и казанское видение этой эпохи. От всех этих трёх трудов до нас дошли только те отрывки, которые попали в «Джагфар тарихы» и «Нариман тарихы». Потери булгарской историографии были огромны: уничтожены были целые летописи.

Но в булгарских источниках сохранились подлинные значения нескольких тысяч старобулгарских слов и выражений. К примеру, из них мы узнаем, что выражение «Алтын Урда» или «Алтын Йортэ» означало «царский шатёр или дворец», выражение «Ак Урда» или «Ак Тюба» — «столичный округ», а словом «татар» казанские булгары называли воинов-наёмников и кочевников разных народностей. Поэтому Бахши Иман и писал: «Алтын Урда, Ак Урда — в государстве они среди 60-ти дорог» («Юлы», т.е. «дорога», по-булгарски значило и крупную административную единицу). А в русской казённой историографии «Алтын Урду» растягивали, как резиновую, до размеров Орды и Булгарского царства. Как пишет Даиш Карачай, «ещё царь Балук Ашраф (1025, 1028-1061) разрешил называть Ак-Булгар (Волжскую Булгарию) и Великой Булгарией, и Великим Буляром, и «страной кыпчаков».... С того времени в литературном булгарском языке слова «кыпчак» (по-русски «половец») и «булгар» —

¹⁹⁸ Там же. С. 247 - 248. Перевод И. Надирова.

¹⁹⁹ Там же. С. 11. Перевод Ю.Б. и Ф.Н.

²⁰⁰ Фатих Халиди. Мэндэ Бер сахэр. Казань, 2005. С.10. Перевод Р. Кадырова.

синонимы, только «кыпчак» означало «старый, истинный, коренной болгар», а «булгар» — вообще всех болгар. Любой болгарский писатель или царь мог называть любых болгар «кыпчаками» (т.е. «половцами»). Средневековые русские и арабские авторы знали об этом и нередко также называли болгар «кыпчаками», а Булгарию — «Страной кыпчаков».

Некоторые историки в своём желании исказить историю доходят до того, что пишут о столкновении на поле Куликовом чуть ли не генетических антиподов и даже «двух разных миров». Так ли это? Давайте прочитаем отрывок из «Нариман тарихы», рассказывающий о родственных связях болгарских султанов и эмиров и московских и суздальско-нижегородских князей: «В той же книге («О трёх Булгариях и трёх Русиях») Кубарджан написал также следующее: «Нам, как в упрёк, говорят, что первая дочь Иджим-Булгара или Иджим-Куштана (великого князя Димитрия Константиновича Суздальского) Энже стала женой посла в Джуне (Нижнем Новгороде) и будущего султана Науруза (1359-1360), что другая дочь Иджим-Булгара Марзия стала женой болгарского султана Хакана Туй-Худжи да родила дочь Нурию и вскормила сына Туй-Худжи от тюркменки Тохтамыша, что третья дочь Иджим-Куштана Арча стала женой болгарского эмира Чуры Коча Нарыга и родила пять новых эмиров Нарыковых и дочь Айтулэ, что одна дочь Джана Даниля (Ивана Даниловича) Джанике стала женой болгарского султана Тохтамыша, а другая — Елан-Кыз (Змея-Девница) — женой эмира Мамая. Но почему же они не говорят о том, что в тоже время пять болгарских эмиров и 60 тысяч болгарских воинов приняли крещение (православие)? Среди них такие прославленные эмиры и улугбеки (губернаторы), как Гази-Баба Исай, губернатор Нуршады («Наручады»), Саурбек Джурги (Юрий), улугбек Чирши-Субы («Елецкое княжество»), Бахта-Худжа Унан (Ананий), Хызыр-Худжа Азар (Азарий), Мохаммед-Худжа Мичаиль (Мисаил)». К этому известию Нарыковы добавляют то, что Науруз был двоюродным братом Туй-Худжи, отца Тохтамыша, и после гибели султана Науруза Туй-Худжа усыновил сына Науруза от Энже Бектута. Сам Тохтамыш познакомился со своей Джанике в 1377г., когда он ездил по поручению султана Арабшаха в Джун-Калу и Мосху в качестве посла Булгарского царства. Султана Арабшаха эмир султана Уруса Балтачек еще в 1376г. водворил в Сарае на месте Туй-Худжи, а смещенного султана Хакана (т.е. Туй-Худжу) повез в столицу Джунгара («Синей Орды») Сыбан (г. Сыгнак). Однако, не доехав до Сыбана, Балтачек по секретному приказу Уруса убил Хакана Туй-Худжу, благородного отца султана Тохтамыша. Официально было объявлено, что Туй-Худжа «скончался в дороге». Тохтамыш, прибывший тогда же из Кара-Бахты (Багдада), ничего не заподозрил, или сделал вид, что ничего не заподозрил. Что же — смещение Туй-Худжи «за неприятие мер против незаконных действий беков Джун-Калы и Мосхи в 1376г. (во время войны с Булгар аль-Хариджем или Казанской Булгарией)» было вполне обосновано. Только позднее сын Балтачека Идигай (Едигей, Идегей) рассказал Тохтамышу всю правду. Случилось это уже в 1378г., когда Урус решил убить уже самого Тохтамыша, которого многие джунгарские эмиры любили больше, чем великого султана Уруса. Урус хотел поручить новое убийство тому же Балтачеку, но Идягай, прознав об этом, упросил отца доверить это убийство ему. Когда они подъехали к реке Аму-Дарья, которую наши называют также и Аксан, Идигай все выложил Тохтамышу, и оба бросились бежать в Самаркент (Самарканд), к Аксак-Тимеру (Тамерлану). Эмир Газан, тогда служивший Урусу, заподозрил неладное и поскакал за ними. Когда он увидел, что они оба переправляются через Аму-Дарью, то сразу все понял и стал стрелять в Тохтамыша. Он ранил Тохтамыша, но когда Идигай подхватил утопающего принца и прикрыл его, бросил стрелять, боясь задеть своего любимца (Идигея). Позднее Газан первым из сильнейших эмира Джунгара перешел на сторону Тохтамыша со словами: «Я всегда стремился к утверждению в Джунгаре наиболее достойных султанов, а сейчас это ты, Тохтамыш!» Довольный султан дал ему звание улуг-тархана (главы Верховного Совета, ведущего национального собрания, главного прокурора). А вот Балтачек продолжал сражаться против Тохтамыша до конца. Когда его взяли в плен, то Тохтамыш в присутствии сыновей Балтачека Гыйсы («Исы») и Идягая предложил ему службу, но тот с бранью отверг это предложение и попытался ударить султана мечом. Тогда Гыйса загородил Тохтамыша своим телом, а Идягай убил отца своим мечом.

Но все это было потом, а тогда (в 1377г.) в Мосхе (Москве) Тохтамыш заботился только о выполнении поручения Арабшаха. Иджим-Тюрый (Димитрий Иванович Московский)

предоставил Тохтамышу свои покои и ловко свел с ним свою сестру Джанике, названную так в честь ее отца – Джана Даниля (Ивана Даниловича Московского). Тохтамыш безумно влюбился в Джанике и увез из родного дома и ее, и ее сестру Елан-Кыз, которую хотел выдать замуж за Арабшаха. Джанике стала, как и другие кортджакские (т.е. ростово-суздальские) жены наших султанов и эмиров, благочестивой мусульманкой и хозяйкой дома Тохтамыша, откуда шло управление половиной мира. Она родила султану нескольких дочерей и сыновей: Джелалетдина, Кадыр-Бирдэ. Судьба Елан-Кыз, которую прозвали Килен («Невеста»), сложилась иначе. Когда Арабшах поехал в Джалду (Крым) осенью 1377г., то взял Елан-Кыз с собой. После гибели Арабшаха Килен стала женой эмира Мамай Сынау, сына Хасана, а когда владыка Калга-Субы был убит, вышла замуж за Мансура – сына Мамай от дочери бека Чаллы-Булгара (Белгорода). Этот Мансур Хасани перешел на Артанскую (Литовскую) службу и стал улугбеком (губернатором) Балтавара (Полтавы).

Айтулэ стала женой Идигая (Идегея), а Нурия – женой Бахта-Мохаммеда).

Выходит Дмитрий Иванович Донской доводился шурином и Тохтамышу, и Мамаю! Какие уж тут «разные миры»!

Эта родственность многое значила при решении важных государственных вопросов. Так, по сообщению «Нарыг тарихы», сразу «после занятия Сарая Тохтамышем комиссия во главе с эмиром Газаном стала расследовать государственные преступления 1375-1380 гг. Газан, твердо и прямолинейно придерживавшийся буквы закона, хотел привлечь к суду Иджим-Куштана (Дмитрия Константиновича Суздальского) и Иджим-Тюряя (Дмитрия Ивановича Донского) за высылку в 1376г. из Джун-Калы (Нижнего Новгорода) в Булгар аль-Джадид (Казань) юл-баши (главу сборщиков дани) и тамгаджи (главного таможенника) султана Уруса аль-Булгари (1370-1378). Никакие разговоры типа «Урус-то был врагом Тохтамыша» на неподкупного и бесстрашного Газана не действовали: он решительно требовал наказать виновных по всей строгости закона, относившего покушения на юл-баши и тамгаджи к самым страшным преступлениям Барриятель-Бэрэкэт («Орды») и Булгарского царства. Иджим-Куштану, как зачинщику высылки, грозила смертная казнь, а Иджим-Тюряю, как соучастнику преступления – конфискация имущества и продажа в рабство. Тохтамыш, получивший в Кара-Бахте (Багдаде) блестящее юридическое образование, с огромным трудом нашел в законах Биркая (хана Берке) более мягкие наказания и спас своих родственников. Иджим-Куштан был наказан тем, что его лишили Джун-Калы (Нижнего Новгорода), а Иджим-Тюряй – огромным штрафом. Когда Иджим-Тюряй обложил москвичей новым налогом для уплаты штрафа, то партия недовольных этим москвичей напала на партию улубия (т.е. Дмитрия Донского), и самому московскому улубию пришлось убежать из захваченной мятежниками Мосхи (Москвы). Остан (Остей), которому улубий поручил восстановить порядок, сам перешел на сторону мятежников. Прежде, чем войску султана (в 1382г.) силой удалось разъединить дерущиеся партии и собрать сумму штрафа, те успели убить 20 тысяч москвичей» («Нариман тарихы»). Для того, чтобы окончательно похоронить вздорный миф «о двух мирах», посмотрим, что пишется в «Нариман тарихы» о населении Булгарского царства: «Улугбек Чирши-Субы («Елецкого княжества») Саурбек и улугбек Муршады («Наручэдь») Гази-Баба должны были принять кряшенство (православие) для того, чтобы избежать наказания за пропуск войск Мамай через свою территорию: ведь по странному закону Манкэй-Тимера (хана Менгу-Тимура) человек, принявший другую веру, становился уже другим человеком. Саурбек принял кряшенское имя Джурги (Юрия), но в правление Тимер-Кутлуга (1395-1399) вновь стал правоверным (мусульманином), хотя половина его людей была кряшенами (православными). Кряшенами были все ульчии (простое население Руси, говорившее только на древнерусском языке) и значительная часть баджанаков (печенегов) Тугар-Субы и Чирши-Субы. Главой кряшен Хазара (т.е. внутренних областей Булгарского царства) был ага-папаз (здесь – епископ) Сарая, владевший областью Дуло (Тула), улусами (районами) Каен (бассейн современной Непрядвы), Ширбэш (между Непрядвой и верхним Доном), Кичи-Уба (верховье Упы), Сыруза (бассейн реки Сережа), Тиджа (берега нижней Тешы), Эрми (район между правым берегом Нижней Мокши и левым берегом реки Теша в Нижегородской области), Зара (низовья Алатыря). Область Дуло, где находился город Дуло (Тула) – вторая по значению резиденция хазарского ага-папаза, была закрыта для прохода всех войск, и только послы султанов могли проходить

через нее со своими конвоями. Баджанак (печенеги) Дуло составляли конвой хазарского ага-папаза и охрану всех его улусов и сарайской резиденции «Хазарский Дом».

О субах (здесь – областях) Дуло, Тугар или Булгар и Чирши, а также о прошлом населявших их булгарах-баджанаках (печенегах) и булгарах-калайцах (смешанных печенежско-торкских групп) нам многое хорошо известно благодаря известиям, которые мы подчёркнули в книге Сусара Тудара (Сусара Федорова, первого атамана донских казаков) «Дастан о баджанакских эмирах Булгара». Этот Сусар Тудар, улугбек (губернатор) Тугар-Субы, был потомком булгарского эмира Куры, брата последнего хакана Хазар-Булгара (Хазарии) Биш-Араба (1013г.). Кура владел улусом в Маджаде или Маджара-Субе и, когда держава Биш-Араба разделилась (на Киевскую Русь, Новгородскую республику и Волжскую Булгарию), бежал с частью своих баджанаков в Кара-Бурджан (Дунайскую Болгарию) и там основал субу Тырна (Тырново). Сын Куры-Тырны был убит урумцами («византийцами») и помогавшими им Дугаром (губернатором Волжско-Булгарской провинции Саксин) и Буняком (Волжско-Булгарским эмиром) в 1091г. Сыном Тырны был Хурса, его сыном – Бурджа, его сыном – Уджа, его сыном – Чишма, его сыном – Джалы. Сын Джалы Курджалы и часть его людей с разрешения Беркая (хана Беркеса), вернулись на Шир (Дон) и полученную от него субу назвали Булгар-Суба. Но ненавистник имени булгар, исчадие ада Манкай-Тимер (хан Менгу-Тимур), велел Булгар-Субу называть Тугар-Субой, не зная, что «тугар» – это форма названия «булгар». Так у этой субы появилось сразу два названия.

Сыном Курджалы был Байдар, его сыном — Тудар, его сыном — Бегиш («Бегич» в русских источниках, убитый в битве на реке Воже в 1378г.), его сыновьями — Чаллыбей и Булат. Чаллыбей, будучи губернатором Булгар-Субы, присоединился к Мамаю и погиб на левом крыле его войска в Саснакской битве. Все другие потомки Курджалы были также улугбеками (губернаторами Тугар-Субы). Булат, по воле Тохтамыша, стал следующим — после Чаллыбея — губернатором Тугар-Субы. Он имел двух известных сыновей — Бегиша, бывшего эмиром Улуг-Мохаммеда, и Булата. Сыном Булата был Кыргар, его сыном — Аджар, его сыном — Сусар или Карт-Сусар, его сыном — Тудар, его сыном — эмир Сусар, написавший «Дастан о баджанакских эмирах Булгара», его сыном — Маджар, его сыном — Жабык (казацкий атаман Епиха Родилова русских источников)».

Сусар Тудар пишет в своём сочинении 1595г. следующее: «Сарайский ага-папаз (епископ) Арджан, любивший называть себя и «хазарским ага-папазом» добился разрешения в случае нужды обращаться за помощью прямо к тугарским улугбекам — настолько ага-папазы (Сарая) доверяли роду Курджалы, поговаривали, что Курджалы был не то кряшеном (православным), не то худоярцем (богомиллом), но из благодарности к Биркаю принял ислам. Его сын и внук были язычниками, а Бегиш ревностным мусульманином. Потомки Бегиша по линии Булата также были мусульманами, но народу были известны под своими языческими прозвищами. Но Сусар, сын Аджара, возмущённый нападениями узбеков (Большой Орды), принял кряшенство, и его потомки уже были кряшенами, хотя продолжали носить булгарские имена, как и большинство чиркесов или казаков. Постепенно среди чиркесов стали преобладать ульчии, т.е. простые люди с агильским («славянским») языком, но ульчии старались показать себя булгарами и поэтому назывались булгарскими именами.

Соседняя с Тугар-Субой булгарская суба называлась Чирши-Суба («Елецкое княжество» русских источников) и находилось под властью также баджанакско-булгарских улугбеков из рода эмира Бунека («печенежско-половецкий князь Боняк» русских источников, жил в XI-XII вв.). У Бунека был сын Турай. Сыном Турая был Алай, его сыном — Бунаи или Бунай²⁰¹, его сыном — Сабанчек, его сыном — Казанчек, его сыном — Биркай, его сыном — Хонджак (Кончак, ордынский посол в Русь 1319г.), его сыном — Сарайбек, его сыном — Каурбек Джурги («Юрий Елецкий» русских источников), его сыном — Азман, женившийся на дочери Булата Тугарского Джамиле. Сыном Азмана и Джамиле был Булат Чирши. Его сыновьями были Миртек и Бунай или Бунаи. Бунай принял кряшенство и перешел на службу кисанскому (рязанскому) беку. Сыном Миртека был Сары, сын Сары — Азман или Сары-Азман, его сын —

²⁰¹ Этот Бунай или Бунаи был предком рода писателя И.А. Бунина. См.: Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. София, 2005. С. 56.

Ширмак или Шах-Маран, его сын — Астабан (это старинное болгарское имя передавалось русскими источниками в форме «Степан»), его сыном — Савмак Чирши (Смага Стапанов Чершенский, атаман донских казаков русских источников). Большинство баджанакон Тугар-Субы были бахрийцами, прозванными так потому, что слово «булгар» произносили в форме «бахра» или «похра». Другие баджанакон и калайцы (объединение баджанакон и торков) произносят слово «булгар» и в таких формах: «бугур», «бугар», «бухар», «бигар», «бихар», «бугра», «бугри», «бугэр», «угэр», «угра» или «укра», «олгер», «тугар» или «тохар».

О булгарах-бахрийцах рассказывают следующее. Оказывается, они некоторое время жили в области города Балтавар или Миробад (Полтава) и на реке Ака или Ряд (Ока). В 1120 году искельский (киевский) бек Булымер Карак («Владимир Разбойник», т.е. Владимир II Мономах), осерчав на часть баджанакон и калайцев за их отказ принять крещение (православие), изгнал 100 тысяч баджанаконских и калайских семей из северной части Миробада, Бэр-Салы (Переяславля Русского). Воспользовавшись этим, сын Булымера Карак Джурги пригласил 50 тысяч семей баджанакон и калайцев в свое владение Балын, или Кортджак (Суздальщина, Северо-Восточная Русь) и расселил их между реками Мосха-Уба (Москва) и Ака, или Ряд (Ока), эту область булгары-переселенцы называли Зэбэе-Йорт («Дом Сабанов»), ибо все булгары-баджанакон любят называть себя Зэбэн или Сабан, и басна, или башняк. Все реки этой области булгары-баджанакон называли привычными для своего болгарского наречия словами: «Кара», т.е. «красивая, солнечная», «Сэбэр» (Северка), «Лапас», «Бахра» (Пахра), т.е. «Булгарская».

Булгары-бахрийцы составили основу балынской (суздальской) конницы и построили в Зэбэн, или Сабан-Йортэ (к югу от Москвы), следующие города: Балбал (Столбовая), Байдуло (Подольск), Сербик (Серпухов), Барын (?), Зэбэн-Йорт (Звенигород), Сэбэр на реке Сэбэр (?), Куллама (Коломна), Лапас на реке Лапас.

Из Балынской (Суздальской) Булгарии на юг вели две дороги: Балская («столповая», т.к. «балбал» значит «столп, памятник, скульптура»), которая в начале шла к Ширу (Дону), затем вдоль его берега и заканчивалась в Сарычи не (Волгограде), и Морайская (Муравский шлях), которая шла к Балтавару (Полтаве), а от него — в Джалду (Крым).

Предком биев (вождей, предворителей) бахрийцев-иллакцев, поселенных Джурги в Сабан-Йорте был Кургут-деде, или Кургутай, предком биев кубанцев или казанлы — Зиязи или Гиязи, предков биев харкайцев или джалматцев — Куштай или Куштан, предком биев ярдимцев или санджарцев — Аудан или Яучы, предком карабаев или агаджирцев — Кадим, предком биев кавылов или барсылов — Чура, предков биев сабан-булгашей — Мадан, предком биев ссоры-колпаков или кумыков — Абай.

В то время, когда баджанакон поселились в Балыне, их бием был бахрийский бий Сербик, в честь которого был назван их главный там город Сербик (Серпухов). Балынские булгары-урусы включили баджанаконских переселенцев в свое сословие — главное в Кортджаке (Северо-Восточная Русь): ведь и урусы, и баджанакон, и алан-хазары происходят из одного алан-барсылского корня. Бий балынских урусов Яглы отдал свою дочь в жены сыну Сербика Дуло, или Бай-Дуло. Надо отметить, что этим именем, т.е. «байдуло», любили называться все баджанакон. Сыном Бай-Дуло был Яглы, его сыном — Тутай, его сыном — Сагай. Когда Джурги Безумный (Юрий Всеволодович) в 1237 г. велел Сагаю без боя сдать татарам Сабан-Йорт (юг Московской области) и уехал в крепость Аамат (на реке Сити), то Сагай разгневанный таким позорным приказом, ушел с частью своих бахрийцев из Балына на место Тугар-Субы. Повстречавшийся им на пути хакан Биркай (хан Беркэ) добился для них разрешения на жительство в этих местах. Чуть позднее сюда же прибыли баджанакон моего предка (об этом пишет Сусар Тудар или «Сусар Федоров») Курджалы. Сагай с одной частью бахрийцев подчинился Курджалы, но старший сын Сагай Майкы-бий решил основать собственное владение и с другой частью булгар-бахрийцев, с разрешения Беркай, переселился за Булгари-Идель (Волгу) и основал там огромный бейлик Бахри-Иллак-Суба или просто Иллак-Суба с главными городами Яр-Булгар и Урга-Булгар. Беркай став султаном (правителем Орды), даровал Майкы-бию и его потомкам титул «эмир» и право управлять Иллак-Субой на вечные времена (приписка Юсуфа аль-Булгари: «сыном Майкы-бия был Иллак-бий, его сыном Булджак, его сыном — Булгар, имевший двух известных сыновей — Яглы-бая и Каратабана или Кара-Газиза, женатого на дочери Ахмад-Шейха. Яглы-бай пал в 1395 г. в сражении с Аксак-

Тимером смертью героя, а Каратабана с частью его бахрийцев изгнали из его субы (владения) Идигай (Идегей) и Тимер-Кутлу («хан Тимур-Кутлуй») – за поддержку ими султана Каерчета. Каратабан тогда укрылся – с разрешения Бахта-Мохаммеда – в Чулманской (Камской) Булгарии. Сын Каратабана Ахмад-Шейх некоторое время пребывал на реке Миуз (Миасс, правый приток урало-сибирской реки Исеть), а потом перебрался поближе к отцу, на реку Иректай (в Башкортостане) и получил прозвище «Иректай». Рядом с Каратабаном всегда был его друг Абдал, сын эмира Газана. Ахмад-Шейх женился на дочери эмира Абдала, и она родила ему сына Абдал-бия. Сыном Абдал-бия был Чулман, его сыном – Кылман, его сыном – Дурмэн, его сыном – Худайкул, его сыном – Худаяр, его сыном – Давлетьяр, его сыном – Давлетбай, его сыном – Исанхан, его сыном – Барак. У его сына Киека, верного друга Карасакала (последнего эмира Булгарского царства или Кичи-Булгара; правил в 1739-1740 гг.) есть сын Шариф (правнуком Шарифа был крупнейший булгарский поэт XIX в. Гали Чокрый, живший в 1826-1889 гг.). Потомок Майкы-бия Яглы-бий стал героем битвы с Мамаем у холма Бикташ (Мамаев курган) возле Сарычына (Волгограда), где Яглы-бий своим отважным натиском рассек воинство Мамая на две части – Мамаеву и Багунскую – и заставил их отступить. За этот подвиг Яглы-бай получил от Тохтамышша почетный титул «бахадир».

Если в Дуло-Субе (Тульском крае) преобладают булгары-булгаши, в Тугар-Субе – бахрийцы, то в Чыршы-Субе – булгары-казанлы. Одна часть из них правоверные (мусульмане), другая – кряшены (православные), третьи – язычники, но все эти три части булгар-баджанакоев не забывают старых булгарских обычаев. Один из таких обычаев – праздник Кавэстуй, отмечающийся в месяце кавэс (ноябрь). В этот день, в память об общем предке всех баджанакоев – царе Газан-Булгаре, спасенным алп-бикой (женский дух) Умай-биче («Госпожа-Лебедь»), или Кумай-биче, булгары-воины надевают на себя связки крыльев забитых белых гусей, просят Умай-биче защитить их и помочь им в грядущих сражениях, устраивают в честь Умай-биче пиры, танцы и игры. В игре «Кангалас» («Гусиный Царь», «Лебедь») одна часть детей берется за руки и перегораживает майда (площадка состязаний, игр, встреч), а другая с криком «Кангала!», «Кангала!» пытается с разбега, корпусом, расцепить руки «противников» и пробиться через их ряды (русская игра «Гуси-лебеди»), в это же время парни, разделившись на группы, устраивали рукопашные бои.

Несмотря на близость и родственность наших баджанакских племен и родов, между нами случались стычки. Но я (т.е. Сусар Тудар) не позволял, чтобы недовольство друг другом перерастало в ненависть. В 1437 г. и Тугар-Суба и Чершы-Суба вошли в состав Казанско-Булгарского царства валиэмир-сенда Жабик-Мохаммеда (Ябык-Мохаммед, 1437-1469 гг.). В том же году мой предок Аджар и улугбек Чыршы-Субы Булат Чыршы сообща помогли Улуг-Мохаммеду присоединить бейлик Бел-Суба (Белев) к Казан-Булгару (Казанско-Булгарское царство, существовало в 1437-1552 гг., после потери Казани в 1552 г. стало называться просто Булгарским царством или Кичи-Булгаром). Но нажим на наши субы узбеков («Большой Орды») заставил Аджара и Булата объявить свои субы (владения) казацкими (т.е. «свободными»). После 1465 г. Чыршы-Суба осталась кара-андашем (зависимым союзником) Казан-Булгара, а Тугар-Суба предпочла стать ак-андашем (независимым союзником) Болын-Уруса (Московской Руси). Дело в том, что Чыршы-Субе помогали кисанцы (рязанцы), их старые союзники, а тугарцы могли рассчитывать только на помощь Мосхи (Москвы). Кроме того, улугбека Аджара не устраивало то, что в 1465 г. Жабик-Мохаммед присвоил себе право казанских царей выдавать ярлыки ширским (донским) губернаторам.

В 1551 г. мой тесть эмир Алтыш Нарык со своим Сэмбэрским (Симбирским) илем (областью, провинцией) отделился от Казан-Булгара (Казанско-Булгарского царства) и присоединился на правах кара-андаша (зависимого союзника имеющего право разорвать союз) к Болын-Урусу (Московская Русь), а меня попросил помочь ему и не допустить нападения на него улугбека (губернатора) Чыршы-Субы Сары-Азмана, подчинявшегося Ашрафидам (булгарская династия владевшая Казанско-Булгарским царством). А надо сказать, что эмирам Чыршы-Субы Ашрафиды с 1465 г. подчинили улугбеков Турай-Субы (Воронежские земли вокруг Воронежа), Тук-Субы (земли между Доном и нижним Хопром), Тук-Субы (левобережье Дона между низовьями Битюга и Хопра) и Малик-Субы (территория между низовьями Хопра и Волги), а Нарыком – улугбеков Улуг-Буртаса (правобережье Волги от Камышина до Вольска),

Нуршады («Наручадь») и Агаджира (бассейн реки Вороны и Верхнего Хопра). По просьбе Ашрафидов дед Сары-Азмана Миртек напал на Тугар-Субу и пытался подчинить Казани и нас, и Одуй иле (Одоевскую область) для установления непосредственной связи с Артаном (Литвой). Сам же Сары-Азман по просьбам Ашрафидов, неоднократно напал и на Тугар-Субу, и Озак (Озов), и Ас-Тархан (Астрахань), свергал неугодных Казани астраханских султанов (астраханских ханов) и ставил на их место угодных. Чтобы противостоять этим нападениям, Аджар и все его потомки, включая меня, подчиняли себе отколовшихся от Казанско-Булгарского царства улугбеков (губернаторов) Эльбир-Субы (правобережье Дона от Богучара до Великой Донской Луки), Айдар-Субы (территория между средним и нижним Айдаром, между правыми берегами нижнего Северского Донца и нижнего Дона) и Оскал-Субы (междуречья Оскола и Среднего Дона, Оскола и Средне-Нижнего Айдара). Эти губернии, основательно разоренные узбеками (Большой Ордой), считались беспокойными местами и после гибели Кара-Узбек-Субы («Черно-Узбекская Орда», «Большая Орда», погибшая в 1552 г.), иби-нугаи (кочевые булгары Прикаспия) через зависимую от них Яр-Субу (территория от Волго-Донской Переволоки до Сала и до линии Чилгир-Привольный-Волжско-Никольское), постоянно нападали на их территорию. Во многих наших делах тугарским эмирам помогали потомки Тайги, старшего сына Сагая. В то время, когда младший сын Сагая Макы-бий пошел в Бахри-Иллак, Тайга-бий с частью своих людей обосновался в области Чаллы-Булгар (Белгород). Сыном Тайги был Бурай, его сыном – Далай, его сыном – Бек-Мансур, чья дочь стала женой эмира Мамая и матерью Мансура Хасани. Сыном Бек-Мансура был знаменитый атаман канильских черкесов (украинских казаков) Сабан Халджа, его сыном – Астабан («Степан»), его сыном – Караман, женившийся на дочери Азмана. Сыном Карамана был Азман, его сыном – Сагайдаш, потомки которого звались «Сагайдашами». Сыном Сагайдаша был Куштан, чья дочь стала женой Глуш-Идельского (Трансильванского, Семиградского) эмира Астабана и матерью Астабана Батыра (Стефана Батория), эмира Байлака (короля Польши). Сестра Астабана стала женой Куштана и родила ему сына Ботыра Бояндур. Сын Ботыра Бояндур Сагайдашского – Канджан (украинец) – приезжал к нам на переговоры о Чаллы-Булгаре (Белгороде) со своим юным сыном Батыром (Петр Сагайдачный, гетман украинских казаков). Атаман Батыр-Баяндур по просьбе Артанского эмира (литовского великого князя) в 1550г. стал наводить порядок в кинельской (украинской) субе чиркесов, и тогда многие кинельские казаки из ульчийцев (из «черных» и «славяноязычных» людей) бежали в балын-урусам (московским русам) и стали служить им. Эти ульчийские казаки стали нашими опасными соседями, ибо улубий Аладжа (Иван IV Грозный) поселил их возле Дуло.

После того, как Алтыш попросил меня помочь ему, и Аладжа предложил мне поучаствовать в его походе на Казан (Казань) в обмен на поставки продовольствия, тканей, оружия и пороха. Мои чиркесы (чиркесами называли только болгарских казаков, а «казаками» — вообще любых казаков) пообносились и голодали, ибо год (1551) был неурожайным, но я все не решался, зная о жестокости балыньских (московских) войн. Не дожидаясь моего согласия, Аладжа прислал в Баджанак (столица Тугар-Субы, ныне село Колпны на реке Сосне) 10 караванов с товарами, чем расположил к себе даже моих суровых чиркесов. В Нардуган (булгарский месяц декабрь и одновременно зимний новый год, 23-25 декабря) к Баджанак подошел Сары-Азман в надежде чем-нибудь пожить, но, увидев нашу крепость на ледяной круче, предпочел вступить в переговоры. Я дал ему часть своих вещей, запасов продовольствия и пороха, и чиршийцы вернулись к себе. Но в месяц джиен (июнь) 1552г., когда Баджанак внезапно атаковали джалдайцы (крымцы), Сары-Азман пришел к ним на помощь, правда, чиршийцы не особенно усердствовали, и джалдайцам приходилось идти к нашим стенам одним, но я и мои бахри-булгары (бахрийские булгары) сильно осерчали на чиршийцев и со стен пообещали им «припомнить все». Имея всего в достатке, мои бахрийцы легко отбили все приступы и с суши, и с другого берега Саснака (Сосны) и положили с 2 тысячи джалдайцев, а сами потеряли 15 чиркесов.

Видя, что взять Баджанак им не удастся, джалдайцы захватили в окрестных аулах тысячи три бахрийских ульчийцев и ушли с ними в Джалду (Крым). Узнав от пленных джалдайцев о том, что Кул-Ашараф (глава Казанско-Булгарского царства) в своем послании просил их мырзу (мурзу) Тимера-Ширина помочь чиршийцам искоренить тугарских бахрийцев, я решил помочь

балынцам (москвитянам). По моим расчетам, в борьбе против джалдайцев и чиршийцев бахрийцы смогли бы продержаться лет пять, а против балынцев — еще лет тридцать. Посланец Аладжи бояр Абу-Анас (Афанасий) говорил со мной нагло, а когда увидел, что я от обиды собираюсь отказаться от участия в походе, закричал: «Что же мне тебя на аркане, что ли, тащить за собой?!» Я велел передать Аладже, что пойду в поход, но с другим бояром... В ответ Аладжа прислал бояра Питряя с тремя тысячами балынцев и четырьмя тысячами артамышцев (мордовских болгар), а также извинения за недостойное поведение Абу-Анаса. Питряй со своими и я с шестью тысячами бахрийцев пошли к Кибен-Заю (Пенза) через Чиршу (Елец), Яучи (Липецк), Леубат (Шехмань), Ышна (Тамбов), Йозек (чуть южнее Бондарей), Буртас-Сэмбэр (Чембар Белинский) и Купэр (в верховье Хопра) по старой Хорыс-юлы («Дороге Солнца», пути из Булгара в Киев).

Когда мы подошли в Чирши и осадили столицу «синекафтанников» (прозвище болгар-казанльицев), то оставленный в нем Сары-Азманом бояр (старший дружинник, казачий полковник, старшина) Чуртан («щука») тут вступил со мной в переговоры. Он сообщил мне, что Сары-Азман со своим сыном Ширмаком и пятью тысячами канзльицев ушел на помощь Казани и что он из-за малого числа его бойцов и страха за жизнь большого числа женщин, детей и грудного сына Ширмака Астабана (Степана) город защищать не будет. Я велел ему оставаться в Чирши, но членов семьи Ширмака отправил в качестве заложников к себе (в Баджанак). Сопровождаемые чиршийским мураем («мурай» или «бурай» — эскадрон, около пятисот всадников) брата Чуртана Ямака или Чумака, мы в десять дней проследовали через поля и между лесов от Чирши до Кибен-Зая (Пензы). Ямак сразу сообщил мне, что бий нугаев (кочевых болгар) Измаил стал на сторону балынского улубия (московского великого князя) и пригрозил соседям нападением в случае перехода их на сторону Казани. Он даже вторгся из Яр-Субы в Малик-Субу и Агаджир (Малик-Суба, центральная часть современной Волгоградской области, простиралась от Камышинско-Волгоградского берега Волги до левого берега Нижнего Хопра и Великой Донской Луки; Агаджир простирался от среднего течения Рудни до Верхнего Битюга) и осадил в Барсыле (столице Агаджира) улугбека Агаджира Дан-бека, но проходивший поблизости Сары-Азман неожиданно напал на него и заставил убраться аж за Булгари-Идель (Волгу). Но я все равно велел своим и Питряю держаться настороже и разъезжать большими группами... Да у всех балынцев (москвичей) плохо с дисциплиной, и не менее трехсот их людей, отъехав по 5-6 и даже менее человек по разным делам, не вернулись назад. Кроме этого, мы оставили по пути на излечение у канзльских чиркесов до пятисот хворых и увечных, из которых только пять были моими. Я неустанно наставлял погрязших в грязи балынцев (москвичей) следить за чистотой тела и продуктов, но мало преуспел в этом. От Кибен-Зая мурай Ямака двинулся в обратный путь: по слухам, разъезды Алтыша Нарыка добирались до окрестностей этого балика (городка)... За пять дней мы проехали от Кибен-Зая до места впадения Барыша в Суру, где нас встретил булюк (полк) бека (князя) Курбата (Андрея Курбского), высланный улубием Джаном (Иваном Грозным) нам на встречу... В пятый день месяца сырпына (5 августа 1552г.; от болгарского «сырпын» произошло «славянское» название «серпень») мой булюк соединился с войском улубия Джана Аладжи (Ивана Грозного). Перед нашим прибытием хинский (волжско-булгарский) бек Салавыч, сын Абайды аль-Буави (Буинец), весьма влиятельный в Горной Булгарии, организовал собственную Буинскую армию из 10 тысяч курмышей (феодално зависимых крестьян) и попытался разгромить Джан-Калу (Свияжск), но во время осады на помощь чуртанцам (свияжцам) прибыла балынская армия и с трудом оттеснила буинцев от этой крепости. При этом пало 4 тысячи балынцев во главе с одним балынским беком. Салавыч происходит из известного баджанакского рода Бурибаш или Курбаш, по-баджанакски Курбой, и, как мне рассказали, мечтает встретиться и поразить в бою балынского бека Курбата (Курбского), которого считает изменником своего рода. Когда после разгрома Бунека (вождя печенегов, XI-XII вв.) одна часть рода Бурибаш осталась в степи, а другая, во главе с Абаем, ушла в Ак-Булгар, то третья часть, во главе с Тударом Курбашем, бежала в Балын (Суздальщину) и положила начало ветви Курбатов (Курбских князей).

Перед походным троном Аладжи я слез с коня и приветствовал улубия по-булгарски: прижал правую руку к груди и кивнул ему головой, не снимая своей высокой булгарской шапки. Я увидел, как удивились этому приветствию его бояры, которые распростерлись перед

ним как во время молитвы Богу. Аладжа был обрадован нашим прибытием, и мы с ним проехали перед его воинством, причем его глашатаи представляли меня «булгарским королем». Балынские воины двигались по балынскому обычаю тесными рядами тремя колоннами, расстояние между которыми не превышало четверти дня: ведь балынские улубии боялись отпускать далеко от себя свои отряды из-за страха перед возможными изменами и нападениями неприятеля. Когда мой булюк подъехал к Джан-Кале (Иван-Городу, Свяжску) для подготовки переправы, я повстречал на берегу атамана канильских (украинских) казаков-ульчийцев Куреша. Он рассказал мне, что с 5 тысяч его казаков были посажены балынцами на корабли и в жестокой схватке потопили весь казанский флот. Но при этом погибло 3 тысячи ульчийских казаков, полагавших, что казанцы – это подобие узийцев (турок), и неожиданно встретивших яростное сопротивление 2 тысяч булгарских матросов. Ульчийцы были потрясены потерями и говорили: «Знай мы, что казанцы – не узийцы, то не пошли бы на них». Куреш также сообщил мне, что берега Кара-Иделя («Черный Идель» – Волга до впадения в нее Камы) от Джуна (Нижний Новгород) до Джан-Калы (Свяжск) совершенно пусты, и они на пути к Чуртану (булгарское название Свяжска – по имени булгарского городка, который был на месте Свяжска) едва не умерли с голоду. Пришлось им разграбить несколько джунских (нижегородских) аулов (селений). Я спросил: «А разве нет на этом пути балынских крепостей?» Куреш ответил, что была одна – Васылкатау («Васильсурск»), но ее несколько раз до тла сжигали казанцы и до сих пор балынцы ее не восстановили. А комендант Лачык-Уба (Лыскова) принял их за булгар и отогнал выстрелами из пушек и мылтыков (ружей). В 14-й день месяца сырпына (14 августа 1552 г.) мой булюк (полк), четыре бургасских мурая (2 тысячи конников) Алтыша и тысяча рязанских стрелков Питряя первыми переправились через Кара-Идель (Волгу) у Бурата (Зеленодольска), но с большим трудом преодолели, двигаясь по крутым лесистым холмам, только половину пути до Казани. Только в 15-й день месяца сырпына (15 августа 1552 г.) мы вышли через разгромленную ульчийскими казаками Биш-Балту (пригород Казани) к Бак-Халдже (Царский Луг, луг между устьем Казанки и Кабан-Булаком, протокой, соединявшей озеро Дальний Кабан с Волгой), и соединились с пребывшими туда перед нами казаками Куреша и Ермака (Ермака Тимофеевича). Ермак, имевший 7 тысяч канильских казаков-ульчийцев, был настоящим кровавым разбойником. Вначале он служил Нарыкам, потом стал служить Сары-Озмону, Кыр-эмиру (верховный донских губерний Казанско-Булгарского царства) и улугбеку Чыршы-Субы (в основном, территория современной Липецкой области). Вместе с Сары-Озманом Ермак ходил на Астархань, нугаев, Азак (Азов), Кан-Мардан (Муром) и на другие места – и везде наводил такой ужас, что люди при вести о движении к ним Сары-Озмана с Ермаком тут же спешили сдаться.

Но однажды Сары-Азман дал Ермаку сжечь один из моих аулов (село), и тот, будучи обиженным, прибил к Аладже (Иван IV). Аладже, любителю кровавых зрелищ и дел, этот разбойник пришелся по вкусу, и он позволял ему даже бесчинствовать на балынской (Московской) земле. С Курешем Ермак держался высокомерно и не только отказывался признавать его старшинство, но и вредил ему при каждом удобном случае. Из-за этого Курэш относился к нему крайне враждебно. Узнав о том, что Куреш хочет взять Биш-Балтавар, или Биш-Балту, без боя, Ермак нарочно взял этот балик (здесь – пригород) приступом и основательно его разгромил. Пришлось казакам Куреша, которые рассчитывали с удобством разместиться в Биш-Балте, ночевать под открытым небом. Защищать Биш-Балту казанцы поручили казакам Сары-Азмана, но тот должен был срочно уехать в Алат на переговоры с засевшими там булгарскими казанчиями (аристократами, отказавшимся помогать Казани), и Ермак бился с сыном Сары-Азмана Ширмаком. Вскоре Сары-Азман вернулся и, узнав о случившемся, решил проучить Ермака.

Когда Ермак самонадеянно высадился в Урта-Бак-Халдже (ныне современный речной вокзал), то Курэш не поддержал его, и казаки Сары-Азмана перебили 3 тысячи ермаковских казаков. Остатки ермаковцев едва смогли убежать обратно на свои корабли. После такого позора Ермак поубавил свою прыть и смиренно назвал приплывшего с опозданием Куреша «батаем» («Батькой»). Довольный Куреш велел Ермаку войти по Кабан-Булаку в Халджийские или Кабанские озера и погромить Касимовский балик (район или пригород) Казани. Тот сделал это. Сары-Азман, узнав о нападении на Касимовской балик, отошел туда, и Куреш смог

закрепиться в Урта-Бак-Халдже. К нему прибыли еще 2 тысячи ульчийских казаков, и он вновь стал чувствовать себя достаточно уверенно. Он сказал мне, что эти новоприбывшие ульчийские казаки были направлены артанским (литовским) эмиром в набег на Балын, но перешли на сторону кортджакцев (москвитян). Они вначале вели себя разнузданно, и Куреш подчинил их только после того, как утопил в кулях их атамана Пана и нескольких бояр (полковников, старшин). Позднее Куреш, происходивший из болгарского баджанакского рода Джанай, принял крещение (православие) и стал называться «Васыл Джанай» (Василий Янов).

Захваченный Курешем чиршийский (Елецкий) чиркес рассказал, что алатские казанчи (болгарские аристократы, укrywшиеся в заказанском городе Алат) отказались помочь Казани. Когда я передал это сообщение Аладже, то он так обрадовался, что повелел щедро наградить Куреша. Впоследствии, я узнал, что Сары-Азман, вернувшись из Алата в Казань, предложил Кул-Ашрафу вывести из города большинство жителей по причине безжалостного обращения балынцев (москвитян) с беззащитными людьми. Казы-Эмир («казы-эмир», «сеид-эмир», «сеид-вэлиэмир» – титулы правителей Казанско-Булгарского царства из династии Ашрафидов, в том числе и Кул-Ашрафа) вначале не хотел отпускать жителей, но после указания Сары-Азмана на нехватку продовольствия, согласился на вывод части горожан. В день, когда балынцы (москвитяне) завершали полное окружение Казани (23 августа 1552г.), Сары-Азман успел вывести из Казани в безопасное место 10 тысяч Ак-Булгар (Волжских булгар). Этот вывод происходил на глазах балынцев из ворот Урта-Арча (средняя Арская башня) на холме Арча кыры и кортджакцы (Москвитяне) пытались помешать этому, но 5 тысяч конных чиркесов Сары-Азмана отбили балынцев от холма и увели горожан в Иске-Арча, или Эчке-Казан, («Старый Арск», или «Внутренняя Казань», болгарский город в 46 км. от Казани).

А в тот день (2 октября 1552г.), когда балынцам удалось – таки ворваться в Казань и взять эту великолепную столицу Казанско-Булгарского царства, эмир Булат Бухараи и Мулла-Телеш смогли вывести из Казани более 2 тысяч воинов гарнизона и несколько тысяч горожан. Прорвавшиеся тогда к столице с севера эмиры Япанчи и Сары-Азмана помогли пяти тысячам горожан. В этом эмирам помогли 4 тысячи примкнувших к ним субашей (крестьяне Горной стороны, взятые в русское войско). Таким образом, Сары-Азман спас в общей сложности 15 тысяч казанцев и сделался святым в глазах булгар. При дворе Сары-Азмана давно уже звали Сары-Бахадир. Это почетное звание он получил за свои подвиги в Хазаре (так иногда называли земли между Доном, Нижней Волгой и Кавказом). Подобно отцу своему, Сары, который в 1504 году – вместе с Мал-Нарыком утвердил в Ас-Тархане султана Кучак – Улана Джанибека, сына узбекского султана Ахмада, внука Халика. Сары-Азман утвердил в Ас-Тархане султанов: Касима – в 1528 году, Абдрахмана - в 1533 и 1539 годах, Ак-Кебека – в 1545 году, а кроме этого, свергал неугодных Казани султанов: Ак-Кебека, ставленника Азака (можно понимать и как Азова, и как Турции) – в 1533 году, Шейх-Хайдара, ставленника партии смутьянов его сына Дервиш-Гали – в 1539 году, Абдрахмана, вздумавшего склониться на сторону Азака – в 1545 году. Чтобы утихомиривать Азак, Сари-Бахадиру приходилось совершать нападения на него. Однажды он это сделал вместе со мной, и эта война была для меня великой наукой. Не имея возможности прямо действовать против султана Ямгурчи – из-за нежелания Казани раздражать его джалдайских (крымских) и азакских (турецких) покровителей – Сары-Азман совершил несколько нападений на астраханские корабли и товарами, взял ту дань, которую Ямгурчи отказывался давать Казани. Точно также Сары-Бахадир отнимал товары у людей Юсуфа, когда этот нугайский (ногайский) бий отказывался помогать Казани и платить за выпас скота. Народ же дал Сары-Азмону еще более почетное имя – «Ак-Сарыбай» («Святой Сары-Господин»).

Улубий Джан (Иван IV) поставил нас в тылу балынцев (москвичей), занявших посад Сыбчи («Ямскую слободу»), и доверил нам охрану своего лагеря в Дымлау с запада. С того места, где мы стояли, была хорошо видна часть города (Казани) за Булаком, впадающим в Казан-су (Казанку) под высокой башней Су-Манара. На Богылтау ясно различались дворы сеид-эмира Казан-Булгара (Казанско-Булгарского царства) и царя Казанского иля (области), который балынцы называют «Казанским царством». При въезде в Царский двор возвышалась башня Сюембики, которую построил для нее ее муж – царь Джан-Гали. Между дворами стояли тогда 5 мечетей и несколько мавзолеев, в которые клались капчегии (саркофаги) умерших

эмиров и султанов. Буджанаки (печенеги), в отличие от других болгарских племен, не смогли объединиться и сражались теперь под Казанью».²⁰²

Итак, и в 1380г., и позднее, основу московской и болгарской конницы составляли потомки болгар-кочевников (печенегов, торков, кыпчаков, половцев и др.), а московские и болгарские правители и аристократы были их близкими родственниками и помнили об этом.

Какая уж тут «война миров»?!

Когда мы выявляли детали Куликовской битвы, появилась ещё одна проблема, которую необходимо решить. Это проблема родства связей и взаимовлияний болгарской и московско-русской культур. До эпохи Ивана III последняя ветвь развивалась как ветвь совместной евразийской болгаро-русской культуры, ведшей своё начало с незапамятных времён. (См., например, статью Ю.К.Бегунова «Булгары и русы в древности» в настоящем Сборнике). Однако Иван III и Василий III стали отделять русскую культуру от единого болгаро-русского древа, о котором говорилось ещё в «Слове о полку Игореве» и его болгарском источнике. (См. совместную статью Ю.К.Бегунова и Ф.Г.-Х.Нурутдинова о «Слове о полку Игореве» в настоящем Сборнике). При Елене Глинской и Иване IV связь московско-русской ветви древа со стволом как будто бы частично восстановилась. Так крупнейший памятник третьей четверти XVI в. «Казанская история» попа Ивана Глазатого был написан под сильным влиянием болгарских летописей и местного фольклора. Но при этом Русская идея, идея процветания и господства Московского царства над всем превалировала. Но в эпоху Бориса Годунова под влиянием Московского патриархата произошёл полный отрыв московско-русской великорусской культуры от прежней болгарской, и после начала присоединения Сибири к России усилилось стремление к имперской идеи России под эгидой Романовых.

До сих пор исследователи не решались говорить о теме болгарского (евразийского) вклада Руси/России. Одно можно сказать точно: при разрыве исконной связи пострадало и живое и свободное русское слово, литература заменилась агиориторикой, нравоучениями, богословскими и политическими рассуждениями в духе теории «Москва — Третий Рим». Сравним «Высыл Галим тарихы» с древнерусской литературой того времени, которую один из авторов настоящей статьи (Ф.Г.-Х.Нурутдинов) называет «невыразительной». Как сообщается в «Нариман тарихы», «многое для своей летописи Высыл Галим взял из «Нарыг тарихы», т.е. летописи Нарыковых, вошедшей в состав «Нариман тарихы», которая начиналась сообщениями «Переяславской летописи» и изобиловала описаниями правителей (вроде тех, которые мы находим у В.Н. Татищева. – Ю.Б. и Ф.Н.) и рассказами об интересных случаях из их жизни. Такие же описания и рассказы были в летописи Васыла Галима.

Вот один из таких рассказов: «Когда маленького сына Васыла Галима – также Васыла (будущего Василия II – Ю.Б. и Ф.Н.) – впервые посадили на лошадь в присутствии войска и многих знатных людей, то мальчик попросил дать ему в руки боевой стяг. Васыл Галим был недоволен этим. Он мечтал увидеть сына учёным, а не воином. Кроме этого, улубий опасался, что мальчик не удержит стяга и упадёт с лошади. Поэтому Васыл Галим запретил передачу стяга сыну. Тогда маленький Васыл стал громко плакать и так разжалобил отца, что тот разрешил взять ему этот стяг. Мальчик едва не упал с тяжёлым стягом с лошади, но смог удержаться и засмеялся от счастья. Все присутствовавшие обрадовались: это был добрый знак. В память об этом маленькому Васылу дали прозвище «Урга», т.е. «Знамя».

Таким образом, свидетельства болгарских летописцев помогают нам, исследователям, увидеть следы летописи великого князя Московского Василия I Дмитриевича в том числе и в «Российской истории» В.Н. Татищева (1750г.), отдалённой на столетия от происшедших событий; замечательны в ней и портреты правителей, и уникальные сведения о прошлом болгарского народа в Средние века, когда Русь поднималась на борьбу за свои свободу и независимость в XIVв. для того, чтобы уцелеть и затем жить вечно.

Как видим, наш ответ на вопрос о том, была ли Куликовская битва, положительный. Он явился результатом кропотливой источниковедческой работы по выявлению не только всех характерных особенностей эпохи, но также проверкой сравнительной ценности русских и болгарских источников по взаимовлиянию московско-русской и болгарской истории, культуры,

²⁰² Сусар Тудар. "Дастан о баджаникских эмирах Булгара", 1595 г.

идеологии. Конечно, наша работа на этом не завершается, даже, можно сказать, что она ещё незавершённая и неполная из-за почти полной в прошлом неизученности почти запрещённых болгарских источников. Эта работа будет продолжаться молодыми исследователями, когда они найдут новые аутентичные источники, желательно на тюрки, которые уточнят и конкретизируют наши предварительные выводы. А пока мы можем со всей уверенностью утверждать, что Куликовская битва как таковая была, и она сыграла огромную роль в процессе становления и развития московско-русской, т.е. великорусской народности, цивилизации, государства и культуры Великой Руси на вечные времена.

ИСТОРИЯ ГОРОДА БУЛГАРА²⁰³

Городов с названием «Булгар» («Болгар») в мире немало. Даже на Волге «Булгаров» было несколько. На месте одного – нижеволжского – Булгара, Саксин-Булгара, был в XIII в. устроен Сарай аль-Джадид или Сарай-Берке, на месте другого Булгара – Джуннэ Булгара – находится ныне город Нижний Новгород. Мы же расскажем историю самого первого города Булгара, который из уважения к нему часто называют Великим Булгаром, т.к. другие волжские Булгары потом взяли другие названия, мы наш город будем именовать просто Булгаром.

Город Булгар, расположенный чуть южнее места слияния Чулман-Иделя (Камы) и Кара-Иделя (Волги до слияния с Камой) – древнейший город мира. Центральная часть города находилась на возвышенности Чулэм («Чулым» русских летописей), а часть посада – в низине Халджа. Между этими частями города, у подножия Чулэма, к Волге протекала река Булгарка (в XIX в. её стали звать и «Меленка»). Около 15000 г. до н.э. булгарский балгавар или балтавар (вождь), Карт-Джам по прозвищу Абы Зияджи устроил на Чулэме карамат (булгарское тенгрианское мольбище) Субаш в честь алпа («духа») любви, урожая и силы Сабана (Субана), Субаша Ярдима. А 22 июня 14953 г. до н.э. в этом карамате Карт-Джам провозгласил создание первой в истории булгарской империи под названием Идель – «Семь Племен» (ведь булгары считают, что их народ образовался в результате объединения 7 племён). Когда Карт-Джам умер, его похоронили в Субаше. Легендарный «сын» Карт-Джама Ал-Булгар основал в 13500 г. до н.э. возле карамата Субаш город Булгар. У него было много названий (Ардар, Арджан, Руджан, Булдан, или Бурджан, Боогард, Булган, Абаркам, или Ибрагим, Брягов, Бирхем, Абрашир, или Абаршир, Джам, или Шам), и он много раз испытывал периоды расцвета и тяжелых испытаний, но он всегда оставался главной святыней всех булгар Земли.

В XX в. до н.э. в городе Булгаре некоторое время правил знаменитый булгарский вождь и пророк Раджилъ Абар (Авар, Абра) – Кам (Бирхем). Это он первым стал проповедовать единобожие и был запечатлен в Коране под именем Ибрагима, а в Библии – под именем Авраама (Абрахама). В память о пребывании Абар-Кама в Булгаре этот город стали называть Абракам, Абрахам, Ибрагим, Брахимов, Бирхем, Пирехм и т.д. В то время Волгу часто называли Амидан – «Материнская (ами) река (дан, шан)», «Адар» – «Чистая, Священная, Белая, Серебрянная (ар) река (дар)» и «Аксу» – «Чистая, Священная, Белая, Серебрянная (ак) река (су)».

В 4953 г. до н.э. город Булгар стал столицей булгарской области Буртас или Идель (Волго-Урал). Наиболее знаменитый булгарский царь Буртасии царь-Буртас Барынджар Бурджак (VII в. до н.э.) стал императором Старой Великой Булгарии или Аскып («Скифии») – великой булгарской империи, основанной в 4953 г. до н.э. Естественно, город Буртаса-Булгар стал тогда на время столицей Скифии. В Великом Булгаре был торжественно провозглашен императором Гунно-Булгарской империи Булюмар (363-378) – прадед величайшего правителя всех времен и народов Аттилы-Тукая-Ардара-Ашлы. Растроганный Булюмар тогда даровал Иделю «на веки вечные» почетное имя Великая Булгария. Вплоть до 1557 г. Волжская Булгария с гордостью называлась и Великой Булгарией. Аттиле (Аттила) некоторое время был правителем Булгара. Другое имя Аттиле – Ашла – напоминает, что он родился неподалеку от Булгара (по легенде) – в булгарской крепости Ашла (современная Казань). Этим казанцы всегда гордились. А главной гордостью украинцев является тот факт, что Аттила, которого в детстве называли «Кый», основал их славную столицу и дал ей свое имя Кый (ныне – Киев). Когда Аттила повзрослел, его уважительно стали называть Ту-Кый («Великий (ту) Кый»). Волжские булгары запомнили это имя Аттилы в формах «Тукай» и «Туки», венгры – в форме «Токай». Когда читаете строки Габдуллы Тукая-Булгара «Пусть поверят все народы в то, что есть булгар земля!» – вспоминайте, что один из предков Г.Тукая был назван «Тукаем» в честь Аттилы, который в

²⁰³ Написана на основе булгарских источников ("Чулман-толгау", "Джагфар-тарихы", "Нариман-тарихы", имеющих историко-фольклорный характер).

434-453 гг. был императором почти всего известного Старому Свету мира – от Марокко до Камчатки. На коронации Атиллы получил еще два имени – Атряч (в честь великого болгарского императора Атряча Кимера, жившего в XXXI в. до н.э.) и Урус («воинственный»), поэтому болгары-урусы всегда считали его своим вождем. Когда Атилла находился в зените своего могущества, ему присвоили еще одно имя – Аудан – «Вселенская или вся (ау) Слава (дан)». В конце IX в. Булгар становится столицей царства Ак или Идель-Булгар (Волжская Булгария), которое также называлось Великая Булгария и Дешт-н Кыпчак («Булгарское Поле», очень древнее, сарматское название Булгарской империи). У него тоже прибавляется имен: его стали называть и Халджа («Славный») – Булгар. Когда в 922 г. в Булгар прибыло посольство халифа багдадского, то секретарь этого посольства Ахмед Ибн-Фадлан записал, что арабы прибыли «в Халджу», к «Трем озерам». В тот же год, по приказу болгарского царя Алмыша Джафара, была построена в форме маленького города или замка самая знаменитая мечеть Булгара – Исмаилдан или Исмаил-Рэбат, от которой сохранились основания стен, четырех угловых башен и высокий минарет («большой или великий столп») Исмаила. С тех пор до 1556 года Булгар всегда считался то первой, то второй столицей Великой Булгарии. Помимо этого Булгар (Улуг Булгар – Великий Булгар) был еще центром небольшой губернии Булгарского царства Великая Булгария. В середине X в. в Булгаре проживало около 50 тысяч человек, а в середине XII в. – уже около 100 тысяч. То, что сейчас называется «Булгарским Городищем», было раньше только центром Булгара: длина города (вдоль Волги) составляла около 10 км., а ширина – около 7 км. Город был застроен огромными, чаще всего двухэтажными домами из дерева и камня и кишел ремесленными мастерскими и заводами. Только меховых заводов в Булгаре насчитывалось не менее 700. Улицы были выложены камнем и блестели чистотой. Грязные люди, скот, телеги в город не допускались, они очищались в специальных «мочных» у стен и валов города. Знаменитые арабские писатели и путешественники, издавшие самые большие города мира, с восхищением и восторгом описывают Булгар X – начала XIII вв.:

- Мукддаси (985г.): «Булгар владеет двумя берегами реки (Булгарки – Ф.Н.). Строения его из дерева и камня... Соборная мечеть (Исмаилдан – Ф.Н.) – на базарной площади» (перевод наш – Ф.Н.; при переводе я учел тот факт, что в ряде болгарских диалектов слово «чит» значит «дом», и «камыш», и «камень», и «каменная плитка», и «черепица»)

- аль-Идриси: «Булгар-имя города, населенного христианами и мусульманами, последние имеют большую мечеть (Исмаилдан – Ф.Н.). Окружают эту мечеть крепкие деревянные дома, в которые жители переходят на зиму, летом же живут в палатках и легких деревянных домах» (перевод наш – Ф.Н.).

- аль-Гарнати (1135-1153 г.г.): «...Булгар – огромный город, дома которого строятся сейчас из соснового дерева, а стена – из дубового дерева» (перевод наш – Ф.Н.)

- аль-Джевалики (XII в.): «В постройках булгар есть связь с постройками Рума (Римской империей. Словом «Урм йортэ»

- «Римский дом» болгары называли и двух – трехэтажные каменные дома и двухэтажные дома с нижним этажом из камня и верхним из дерева – Ф.Н.). Они великий народ. Их (главный – Ф.Н.) город называется Булгар. Это город великий. Описывающий его доходит до пределов преувеличения» (перевод Н.Ф. Калинина).

В 1164 г. суздальский князь Андрей Боголюбский, помогавший болгарскому эмиру Отяку овладеть болгарским тронem, взял часть болгарского посада в Халдже. Этот скромный успех русские монахи-летописцы раздули до «взятия» всего «славного болгарского города Бряхимова». В реальной же «битве за Булгар» все войско Боголюбского было в Халдже окружено и пленено защитниками древнейшей болгарской столицы. Только после того, как болгарский улугбек (губернатор) Чалмати перешел на сторону Отяка (в обмен на согласие того присоединить Суварскую губернию к Булгарской губернии), пленные суздальцы были освобождены. Посмотрите: в 1164 г. суздальский князь Андрей Боголюбский, по данным болгарских летописей (вошедший в летописные своды «Нариман тарихы» и «Джагфар тарихы»), потерпел у Булгара поражение, но русские летописцы превращают это поражение в победу «русского оружия».

В XII в. Булгар содержал 20-и тысячный гарнизон и стоял незыблемо, как скала. В 1223 году именно силы города Булгара сыграли решающую роль при разгроме войска монгольского

полководца Субэдэ в Бараньей битве у города Кермек (ныне – левобережная часть Ульяновской области).

Монгольским захватчикам так никогда и не удалось захватить город Булгар.

В 1236 г., когда монголы осаждали Буляр, к Булгару по приказу Батыя, выдвинулся корпус Биркая (Беркэ). Но Беркэ, сочувствовавший булгарам, как и его отец Джучи (старший сын Чингизхана, убитый в 1227 г. по приказу собственного отца за дружбу с Булгарией), доложил Батыю, что взять сильно защищенный город будет чрезвычайно трудно. Батый не поверил ему и отрядил под Булгар Субэдэ. Субэдэ осмотрел укрепления Булгара и решил, что Булгар можно будет взять. Но когда он был у Булгара вместе с Беркэ, болгарский эмир Газан (его имя в форме «Казан» носит город Казань) атаковал монгольские войска у Буляра и позволил части булярцев во главе с эмиром Бачманом и дочерью царя Алтынбека Алтынчач вырваться из осажденной столицы Булгарии (после гибели Алтынбека при взятии монголами Буляра 5 ноября 1236 г. болгарская знать избрала новым царем Булгарии Бачмана, а его соправителем – сына Алтынбека эмира Бояна-Мохаммеда – так пишет болгарский эмир и летописец Талкыш Турген). Субэдэ, вернувшись к Буляру и увидев разгромленные лагеря монголов, быстро переменял свое решение и сказал Батыю, что Беркэ прав и что нужно сосредоточить все усилия на взятии Буляра. По договору тогдашнего эмира Булгара и Суvara Ялдау с болгарским эмиром Гази-Бараджем (союзником монголов), Гази-Барадж получил Сувар, а Ялдау сохранил под своей властью Булгар и обязался не воевать против монголов. После разгрома Буляра Булгарское царство (Великая Булгария) разделилось на северную (казанскую) часть эмира Бояна, которая сохранила независимость от монголов и стала называться Мэнгу-Булгаром (Мэн-Буляр) и Булгар аль-Харидж («Внешний Булгар»), и южную часть, в которой образовалось несколько зависимых от монголов владений.

Эмир Мэнгу-Булгара Боян войну с монголами не прекратил, как и царь Бачман, укрепившийся в дельте Волги, и Алтынчач, занявшая часть Булгартау (Уральские горы). Войска Бояна нападали на монголов в междуречье Оки и Суры, Бачмана – на Волге, Алтынчач – на Яике (реке Урал).

В 1241 г., когда на сторону Бояна перешел сын Ялдау Исмаил-Джику, Боян занял город Булгар и зависимую от монголов закамскую Булгарию – Эчке-Булгар («Внутренняя Булгария»). Это вызвало панику в стане монголов, и войско Батыя, бывшее уже в Венгрии, поспешно вернулось к Волге. «В 1242 году монгольское войско осадило Булгар, но взять его опять не смогло. Тогда монголы были вынуждены пойти на такое соглашение с булгарцами из трех пунктов: 1. Боян и Джику покидают Булгар; 2. Булгарцы впускают в город отряд Гази-Бараджа и подчиняются ему; 3. Булгар начинает платить дань монголам, а монголы уходят из Булгарской губернии» (Талкыш, «Нариман тарихы»).

В 1246 г., после смерти Гази-Бараджа, Боян и Джику опять соединили свои силы и захватили Булгар и весь Эчке-Булгар. В ответ монголы разрушили Сувар и пошли на Булгар. Увидев, что силы монголов значительно превосходят болгарское войско, Боян и Джику уходят в Мэнгу-Булгар, оставив Булгар под властью сына Гази-Бараджа Хисама. Хисам был союзником монголов, и поэтому те не стали нападать на Булгар. Более того – Хисам объявил Булгар столицей подчиненного ему Эчке-Булгара. А вот монголы Батыя не смогли образовать своего государства – они едва склотили безымянный союз монгольских племен, который булгары называли «Кара улус», а русские – «Орда». Но война Мэнгу-Булгара с монголами и после этого не прекратилась – отряды булгар, получив в Мэнгу-Булгаре выучку и оружие, отправлялись сражаться против монголов на всем пространстве от Днестра до Прибайкалья. Проезжавший в 1253-1255 гг. по этой территории посол французского короля Людовика IX монах Гильом де Рубрук отметил, что повсюду идет война.

Никогда монгольские захватчики не захватывали и не входили в священный Булгар. В «Казанской истории» Ивана Глазатого, написанной в 1565 г., не упоминается о пребывании Батыя в городе Великий Булгар, он говорит лишь о том, что после смерти Батыя следующий сильный ордынский каан («царь», по-русски) Саин (т.е. Беркэ) принял в «Болгарах» русских князей, привезших дань. Но эти «Болгары» были не «Великими Болгарами», как русские называли Великий Булгар, а Саксин-Булгар, где Беркэ действительно временами жил там. Этот Саксин-Булгар стали при Беркэ также называть и «Сарай-Беркэ», и «Сарай аль-Джадид». А

Батый держался подальше от Великого Булгара, где монголов вообще не было: его ставка, которую стали называть «Сарай-Бату», или «Сарай аль-Махтуса», находилась у самой дельты Волги, в 10 днях пути от Саксин-Булгара (его часто называли просто Булгаром, из-за чего его путали с Великим Булгаром). Булгары считали, что день пути для большого каравана – около 30 км. С такой скоростью шёл и большой караван послов багдадского халифа в 922 г. Между Саксин-Булгаром и Сарай-Бату как раз пролегал путь в 300 км.

Война булгар с «Кара-улусом» продолжалась до 1257 г. Беркэ, ставший в 1256 г. кааном «Кара улуса», заключил мир с Бояном, по которому передал Эчке-Булгар с городом Булгаром Мэнгу – Булгару в обмен на прекращение булгарами войны с «Ордой». Но за владение Эчке-Булгаром эмиры Мэнгу-Булгара должны были выплачивать «Кара-улусу» определенную дань. Вначале эмиры Булгар аль-Хариджа часть этой дани выплачивали деньгами своей казны, но потом возложили всю тяжесть дани на население Эчке-Булгара. В 1330-х гг. положение Эчке-Булгара стало ухудшаться – начало этому ухудшению положил ряд неурожайных годов.

Население Эчке-Булгара стало переселяться в Предкамье. К 1360 г. половина населения и города Булгара переселилась в Казань, и эмир Мэнгу-Булгара Азан дал своей столице новое название – Булгар аль-Джадид (Новый Булгар). Тяжесть ордынской дани легла на оставшихся, и некоторые закамские булгары стали продавать своих детей, чтобы выплатить «ордынщину». Когда один арабский купец спросил у них, не жаль ли им малюток, булгары ответили ему: «Если мы не выплатим дань, то на Эчке-Булгар распространится власть татар (так булгары называли монгольских захватчиков и вообще всех кочевых врагов Булгарии), а этого мы допустить не можем. Свобода родины нам дороже наших детей!»

В 1357 г. каан «Кара-улуса» Бердибек произвел в «Орде» переворот: он объявил «ордынскую» территорию Булгарским или Сарайско-Булгарским султанатом, а себя – булгарским султаном (императором). Все выступившие против этого монголы были беспощадно убиты. Монгольская «Орда» и монгольское иго исчезли, и началась история Булгарского султаната, которая уже является частью нашей булгарской истории. Но отношения между двумя булгарскими государствами – Мэнгу-Булгаром и Булгарским султанатом – основывались на принципе: «Братство-братством, а денежки – врозь». Ту же бывшую ордынскую дань Эчке-Булгар стал выплачивать булгарским султанам. Правда, выплата дани могла заменяться службой северных булгар (Мэнгу-Булгара) в армиях булгарских султанов. В войске булгарского султана Тохтамыш аль-Булгари, состоявшем, в основном, из кочевых булгар-ногайцев, служило не менее 20 тыс. северных булгар.

Правда, булгарские султаны Джелал-эд-дин (сын Тохтамыш, герой Грюнвальдской битвы) и Улуг-Мохаммед (приемный сын Джелал-эд-дина) отменили дань с Эчке-Булгара, почему булгары сохранили о них благодарную память. Но не все булгарские султаны были такими добрыми. Так, в 1360 г. булгарский султан Науруз ввел в Эчке-Булгар свои войска и силой взял с этой области дань за 1359 год. Против Науруза булгарцы войны не начали – все-таки свой и требовал свое. А вот когда булгарский султан Тимер-Кутлуг также решил в 1398 г. собрать дань с Эчке-Булгара силой, но при этом обронил роковые слова – «Я напомню булгарам о временах монгольского господства!» Булгарцы возмутились, и их посол Кутлуг-Тимер заявил султану: «Булгары на веки вечные прокляли и Тимера (Чингизхана) и всю его кровожадную банду. После того, как ты решил уподобиться татарам (т.е. монгольским завоевателям), народ города Великий Булгар отказывается признавать тебя булгарским султаном и платить тебе дань, называет тебя Кяфир-султаном (неверным султаном), а также прокликает тебя!» В ответ разъяренный Тимер-Кутлуг велел слугам казнить посла – эмира Кутлуг-Тимера, сына бывшего эмира Крыма Тулук-Тимера – и двинул на Великий Булгар 100 тысяч ногайцев брата эмира Идегея Кан-Тимера и 50 тысяч московских воинов. Эмир Талкыш, сражавшийся против воинства Тимер-Кутлуга, пишет: «Кан-Тимер был братом-близнецом Идегея, поэтому во всех войсках распространился слух об участии Идегея в этом нападении на Булгар. Коварный Тимер-Кутлуг не только не опровергал этого слуха, но даже велел распространять его – ведь Идегей славился полководческим даром. Между тем Идегей во время этой войны был в Джалде (Крым) и в Кан-Убе (Украина) Слуги султана, уважавшие эмира Кутлуг-Тимера, не только не убили его, но и бежали вместе с ним в Великий Булгар. Султан за три месяца боев страшно разорил Эчке-Булгар, разрушил несколько крепостей – в их числе и

Сувар – и, наконец, потеряв 10 тысяч нугаев (ногайцев) и 8 тысяч московских пехотинцев, взял и разгромил Великий Булгар. Из города смог вырваться со своими недавними спасителями только Кутлуг-Тимер, когда чудовищное пламя охватило великий город. Султан Габдулла, 10 тысяч ополченцев Кутлуг-Тимера и 30 тысяч мирных горожан погибли... Потом на пепелище пришли с Рабигой-бикой 15 тысяч болгарцев, ушедших за Агидель (Каму) еще до вторжения Кяфир-султана (Тимур-Кутлуга), и возобновили город...» («Нариман тарихы»).

В 1407 году, как и в 1398 году, эмир Булгар аль-Хариджа Би-Омар вывел из Великого Булгара свое войско, дабы не сталкивать оба болгарских государства между собой... «Однако невежественные нугаи (ногайцы – кочевые болгары) все равно устроили бесчинства в Великом Булгаре, ни за что убив и изувечив сотни людей, изрубив на дрова для костров деревья рощи Мусульманских Святых, спалив Казый Йортэ (здание Булгарского университета, «Черная палата» в русских источниках)... Я поклялся тогда во что бы то ни было убить Идигая за это святотатство, и в 1420 году принял участие в преследовании этого вожака своевольных болгарских кочевников... Когда Идигай, обладавший громовым голосом, скрылся в зарослях Джаика (реки Урал), я крикнул ему: «Эй, Идигай, в Булгаре ты, говорят громыхал, как гром, а здесь тебя что-то не слышно! Ничтожный комар – и тот нам что-то пищит – неужели ты ничтожнее комара?» Разъярившись, Идигай громко проклял меня, но один из моих людей тут же выстрелил из арбалета на звук и убил его наповал...» («Нариман тарихы»).

О дальнейших событиях, связанных с историей Великого Булгара, болгарский летописец-каракалпак Юсуф аль-Булгари пишет так: «После того, как султану Улуг-Мохаммеду не удалось воссоединить Булгарский султанат и Артан (Литву), он в сопровождении болгарских казаков с Шира (Дона), отправился в Великий Булгар и был там в 1438 году восторженно встречен жителями и гостями священного города, как сын Джелал-эд-дина и внук султана Тохтамыша. Сюда к нему немедленно прибыл Сеид-Эмир Жабьк-Мохаммед, и они договорились о присоединении Булгарского султаната к Мэнгу-Булгару, который вновь после этого стал называться Булгарским царством и Великой Булгарией, а также Казанско-Булгарским царством... За присоединение к Мэнгу-Булгару Улуг-Мохаммед и его потомки получили титулы улугбеков Казанского иля, двор в Казани и право употреблять титул султана («царя») при общении с иноземными правителями. Булгар остался второй столицей Булгарского царства и центром Эчке-Булгарского иля... В 1487 году воеводы московского флота, под видом купцов приблизились к Булгару и подвергли его разгрому, во время которого было убито 10 тысяч из 15 тысяч жителей. В 1505 году во время Казанской ярмарки, болгарцы увидели среди московских купцов участников нападения на Великий Булгар и потребовали от московского посла их выдачи. Тот не только отказался сделать это, но и призвал всех москвичей к вооруженному сопротивлению... Когда москвичи укрепились в своем дворе и стали стрелять по болгарам, разгневанные болгарцы и казанцы штурмом взяли этот двор и убили 5 тысяч москвичей. Некоторые москвичи заперлись в одном доме, но болгарцы подожгли его, и, когда он горел, кричали москвичам: «Испытайте то же, что вы сделали болгарцам в Великом Булгаре!»...»

В 1552 г. началась четырехлетняя война Москвы и Булгарского царства. Московское войско в 1552 г. взяло Казань, а в 1555 г. пробило выход к устью Камы. В феврале 1556 г. казанский воевода П.И.Шуйский послал на Булгар своего лучшего полководца П.В.Морозова с двумя тысячами москвичей, тысячей казаков, двумя тысячами чувашей и двумя тысячами узбеков. «Подкупленный москвичами йозбаши (сотник) округа Чирпэ изменнически пропустил московское войско через Агидель (Кама) и не предупредил о проходе москвичей соседей. К счастью, один мальчик, ехавший из Куляна в Чирпэ, издали заметил выдвижение казацких караулов, быстро повернул назад и предупредил об опасности начальника Ёзонского округа Белека. Булюк-баши (генерал) Белек разгадал намерения москвичей и, быстро собрав свой булюк (полк), двинулся к Булгару по левому берегу Агидели. Он подошел к Булгару, когда войско бояра Маруза (боярина П.В.Морозова) окружало великий город своими лагерями. В Булгаре находилось 25 тысяч жителей и двухтысячное ополчение Сын-Саида. Под этим именем и в мужском платье с москвичами воевала Сын-Саида – жена Аднаша. Несколько раз Сеид-Эмир Хусаин (правитель Булгарского царства, сын Сеид-Эмира Яднара Артана Кул-Ашрафа, погибшего при взятии Казани москвичами) пытался, под давлением ряда мулл, снять её с

командования, но каждый раз отступал из-за угрозы ополченцев «разойтись по домам в случае отстранения Сын-Саиды от командования». Сейчас ополченцы истово молились, готовясь принять смерть в бою. Белек немедленно начал переговоры с Марузом, обещая ему безопасность при возвращении (в Казань) в том случае, если он выпустит из Булгара ополченцев и жителей. К этому он добавил, что если Маруз проявит несговорчивость, то он подтянет к Булгару еще два своих заслона – в 3 тысячи бойцов каждый – и никого из москвичей не выпустит живым. На самом деле у Белека были только те 3 тысячи бойцов, которые шли с ним. Но в прошлом году войско Маруза угодило в засаду Белека, двигаясь к Ёзону: оно разбило один заслон Белека, но потом неожиданно для себя столкнулось со вторым, и при подходе третьего едва смогло отступить к Мише (река Мёша). Поэтому Маруз поверил Белеку и согласился выпустить людей из Булгара. Под прикрытием трёхтысячного булюка Белека, Сын-Саида увела болгарцев к реке Иждарлы (Стярле) в Кичи-Булгартау («Малые Булгарские горы») или «Маленький Урал», (ныне – Бугульминско-Белебеевская возвышенность), возле которой построила город Кичи-Булгар («Маленький Булгар») или Азнакай-Булгар (Азнакаево). Этот город стал вначале новой второй столицей Булгарского царства, а затем и первой. Только человек 200 болгарцев остались в Булгаре. Они защищали жилые урамы (кварталы) на Чалэме до последней возможности, а потом подожгли их и сгорели вместе с ними» («Нариман тарихы»). В тогдашних донесениях московских воевод Великий Булгар назывался по имени высокой части города – Чалэм – «Чалымским городком». Русский летописец XVI в. так описал взятие Булгара войском Морозова в 1556 году: «... боярин и наместник князь Петр Иванович отпустил ... боярина Петра Васильевича Морозова ... на побережных людей и на Чалымской городок; и Петр ходил, их повоевал и побил многих, и городок сжег и назад благополучно вернулся». Случилось это 15 марта 1556 года. После «морозовского взятия» в Булгар вернулось с 3 тысячи жителей и восстановили городскую квартал возле мечетей Хасана и Хусейна, однако в конце XVII в. русские власти выселили и их. Постоянно проживать в Булгаре смогли после этого только несколько отчаянных мулл и дервишей, кормившихся тем, что давали им паломники. А паломников было много – давняя слава Булгара, как священного для болгар и всех мусульман мира города, только окрепла после печальных событий XVI-XVII вв.

Однако, паломничеству угрожал православный Чертыкский монастырь, учрежденный неподалеку от Булгара. Русские монахи и монастырские крестьяне делали набеги на болгарских дервишей, разрушали памятники Булгара, избивали мулл. В ответ молодой болгарский принц Сеид Джагфар-Гали в 1643 г. с 200 своих людей и 500 подчиненных булгарам калмыков бия Турая произвел набег на монастырские селения и разгромил их. Юсуф аль-Булгари пишет: «Сеид Джагфар казнил тех, кто участвовал в убийстве трех дервишей и отрубил правую руку пяти разрывальщикам могил... Всех пленных вместе с папазом (попом), возглавлявшим набеги на Булгар, и многое другое принц даровал калмыкам, а себе из добычи взял только половину лошадей... Московский царь при известии об этом нападении пришел в полное неистовство, но отец Сеида Джагфара, тогдашний болгарский эмир (король) Балын или Бураш-Худжа сумел успокоить его согласием на строительство урусскими (русскими) Кара-Иргиза (закамской пограничной линии)... В 1654 г., получив оружие от эмира чиркесов Бакдана (вождя украинских казаков Богдана Хмельницкого), Сеид Джагфор, уже эмир (король) Булгарского царства, разгромил урусскую крепость в Буляре (Билярске) и двинулся к Булгару, но выдвижение урусского отряда из Мензели (Мензелинска) заставило его отступить... Бесчинства каратунов (монахов) и их крестьян в Булгаре продолжались и во время Семилетней войны Джагфара (1664-1671 гг.) – эмир опять ворвался в Чертык и наказал виновных. При этом он выбрал ответственного за поведение чертыкуев-каратуна Бунаса (Афанасия) и сказал ему: «Я не прогоняю урусов с нашей Булгарской земли – ее на всех хватит, но повелеваю уважать наши болгарские обычаи и могилы». Бунасу эмир дал право наказывать святотатцев, и он воспользовался этим правом и прекратил безобразия переселенцев. Поэтому при его жизни болгарские эмиры (короли) больше не тревожили чертыкуев... Но после смерти Бунаса переселенцы вновь стали творить безобразия в Булгаре...

В правление Сеида Джагфара (1649-1684) урусы (русские), испуганные его напором, не посмели вытеснить из Булгара несколько сот отважных мусульман, с разрешения эмира поселившихся в Великом городе. Их общину возглавлял абыз Мавля Колый, учитель Бахши

Имана... Говорят, он был сверстником эмира Джагфара и покинул Булгар вскоре после смерти эмира в возрасте 63 лет...

Сеид Джагфар, правивший после своего отца 34 или 35 лет, не мог допустить закрытия урусами предусмотренных проходов к Чулману (Каме), Таулы-Булгару («Горной Булгарии» – правому берегу Средней Волги) и Галидж-Булгару (Предкамью с городом Казанью) через Кара-Иргиз (Закамская линия) и в 1662 году, подняв не менее 30 тысяч булгарских бахадиров (доблестных воинов), обрушился на московские пределы (...). В числе нескольких русских крепостей тогда был взят и разрушен Яр (Набережные Челны) (...). Представителем эмира при дворе эмира казаков Рази (Степан Разин), сына Тимбая (Тимофея), был улугбек (булгарский губернатор) Булгар иле и Таулы Булгара Азан, сын Айбулата («Асан Карачуран» русских источников). Он был таким же доблестным бахадиром, как и его отец, служивший представителем булгарских эмиров при дворах урумских (турецких) и калмыцких правителей. С отрядом в 300 всадников он смог навести ужас на неприятеля и разрушить Азак – крепость, которую урусы пытались соорудить в Булгаре (...). А в 1682 году Азан, уже будучи при дворе эмира Джагфара, взялся сорвать наступление урусов на аул Кичи-Буляр под Мензелей (Мензелинском) и с блеском выиграл дело. Тогда Сеид Джагфар воевал против Москвы потому, что она вознамерилась насильственно окрестить булгар Галидж-Булгара (Предкамья) и Таулы-Булгара («Горной стороны»). Однако при этом обе стороны оставили Булгар вне сферы военных действий, ибо тогдашний московский царь Тудар (Федор Алексеевич, 1676-1682) объявил свою династию булгарской и не менее двух раз в году посещал Булгар, как паломник, со свитой в 5 тысяч человек. Его свита останавливалась в том, что осталось от Азака... Его люди говорили, что «Азак» – старое булгарское название Булгара, откуда вышли предки Тудара...» (Юсуф ал-Булгари).

От тех драматических и вместе с тем славных лет до нас дошли произведения каракалпака-булгара Бахши Имана – свод булгарских летописей «Джагфар тарихы» (1680г.) и дастан (поэма) «Две головы» (часть этой поэмы 1691 г. опубликована под названием «Идегей») и ряд стихотворений абыза мусульман Булгара Мавля-Колья. В одном из своих стихотворений (хикметов) Мавля Колья писал:

*«Говорится хикмет в год по хиджри такой:
Одна тысяча восемьдесят восьмой.
Говорится он в граде Булгар над рекой,
Говорит его грешник великий – Колья.
Беспросветно прошли мои годы, друзья,
Под глазами прорыта слезами стезя,
Дни и ночи раскаянье мучит, грызя.
Что отвечу я, раб, перед Божьим судом?...»*
(Перевод Р.Морана)

Юсуф аль-Булгари, сын Мурада и внук Сапар-Али, немало рассказывает о благовейном отношении представителей булгарской династии Тукаев к городу Булгару. Тукаи правили в Булгарском царстве после ухода последнего булгарского царя из династии Ашрафидов Шейх-Гали в Бухару в 1584 г. Юсуф аль-Булгари пишет что «Сары-Бахадир Тукай правил после Шейх-Гали 4 года (1584-1588), Джан-Гали, сын Сары-Бахадира, правил Булгарским царством после отца 31 год (1588-1619), Садыр, сын Джан-Гали, тронными именами которого были Балын-Худжа и Бураш-Худжа, правил 30 лет (1619-1649), Сеид Джагфар-Гали, сын Садыра, правил 35 лет, хотя некоторые считают 34 года, Мурад-Худжа Султан, сын Джагфара, правил 29 лет (1684-1713), Сары-Сеид или Сеид-Батыр, сын Мурад-Худжи, правил 9 лет (1713-1722), Акай, сын Сары-Сеида, правил 17 лет (1722-1739), Карасакал, сын Сары-Сеида, правил Булгарским царством не больше года (1740)... Урусы изгнали его из Булгарского царства, и булгарского правления не стало... Мой отец Мурад аль-Булгари ушел вместе с Карасакалом и потом написал такие строки:

*«Когда Карасакал ушёл за Джаик (Урал) – то все Булгарии,
Все чирмыши (финно-угры, чувашки), маджары, калмыки и булгары
Почувствовали себя очень несчастными
И огласили опустошённую страну рыданиями...
Когда Карасакал год назад въехал в город Булгар.
Те руины были только в нем.
А когда Карасакал переплывал Джаик, то урусы
Всю Булгарию превратили в руины...»»
(«Нариман тарихы»)*

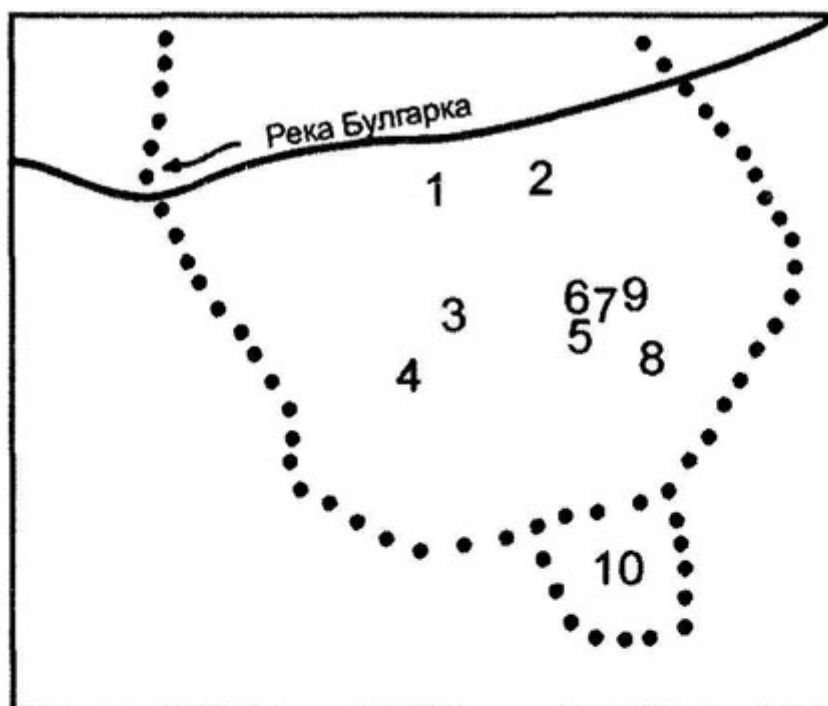
Русские власти с конца XVII в. сознательно и планомерно обостряли ситуацию на булгаро-российской границе: часто закрывали «коридоры» для прохода паломников к Булгару, самовольно передвигали границу. Так, в 1720 г. русские войска опять передвинули границу далеко к югу и из засады открыли пальбу по большой группе булгарских каракалпаков-паломников, спешащих в Великий Булгар. Несколько десятков ничего не подозревавших булгар, в том числе и дед летописца Юсуфа аль-Булгари Сапар-Али, женщины, дети – были убиты наповал. Разъяренные булгары выхватили сабли и в жарком бою разгромили заставу неприятеля. Об этом пишет Юсуф аль-Булгари.

В 1722г. Великий Булгар посетил российский император Пётр I, в 1767 г. – императрица Екатерина II. Но даже эти приезды «высочайших особ» не спасали Булгар от разрушения православными священниками и не отстававшими от них монастырскими крестьянами. В то время как священники и монахи строили церкви из булгарских надгробий, использовали мавзолеи булгарских святых людей в качестве погребов и в здании Казый Йортэ – мусульманского университета – коптили свиней, крестьяне подрывали сооружения Великого города в поисках кладов и сбывали камни развалин и надгробные памятники «на сторону».

При Петре I в центре Булгара сохранялись более 70 каменных сооружений, при Екатерине II – уже 44, в конце XIX в. – всего 6.

Был неустанным болгарским паломником и великий болгарский ученый, автор последнего болгарского летописного свода «Мустафад аль-ахбад фи ахфал Казан вэ Болгар» («Собрание полезных сведений о Казани и Булгарии») Шихабутдин Марджани аль-Булгари (1818-1889 гг.). Он сам пишет, что 6 июня 1870 г. «вторично посетил город Булгар, прочитал молитву и написал следующие стихи на минарете:

“Булгарское городище” - центр исторического Булгара

1. Соборная мечеть “Исмаилдан”
2. Дворец болгарских Царей
3. Казый Йорты (“Черная палата”) - болгарский университет
4. Баня “Кук Мунча” (“Белая палата”)
5. Минарет “Эль-Хум” (“Малый столп”)
6. Усыпальница Великих болгар
7. Роща мусульманских святых
8. Мечети Хасана и Хусейна
9. Усыпальница Мохаммедьяра
10. Квартал “Мэн Буляр” или “Тимар” (“Южный городок”)

*«Словно больше не поднимется на этот минарет муэдзин,
 провозглашая истину,
 И не восхвалит Аллаха, поминающий.
 Как будто не прожил в Булгаре
 Верующий в единого Бога и благополучный человек,
 И не проводил вечера в беседах на земле его собеседник.
 Да, конечно – они ушли вместе со своим временем,
 И оно уничтожило их.
 Миновали вечера и у них оказались злосчастные судьбы.
 Да будет мир над Булгаром –
 Его прекрасный воздух поднимает печаль в сердце».*
 (перевод А.Н.Юзеева)

К сожалению, Ш.Марджани аль-Булгари писал свой свод до открытия ваисовцами своей первой публичной библиотеки в 1882 г., иначе бы он непременно включил бы в свой труд описание Булгара, сделанное арабским географом аль-Джавалики в 1145 г. и сохранившееся благодаря Даишу Карачаю аль-Булгари в его своде «Нариман тарихы» – гордости ваисовской библиотеки:

«Вокруг этого великолепного города Булгара, а его местные жители с гордостью называют также «Алатура», то есть «Город Бога» –раскинулась степь Азнак или Базнак, по окраине которой протекает река Бэн-Азна (Бездна)... Жители Булгара, построив два канала длиной в фарсанг и в полтора фарсанга, соединили Бэн-Азну с двумя речками и устроили новую протоку Бэн-Азны – «Азна-Булгар» и три озера, из которых вытекает река Мола-Булгар (Болгарка). При высокой воде небольшие корабли подходят по Молла-Булгару от его порта Кичи Булгар аль-Харидж («Маленький Внешний Булгар») прямо к центру города, от которого порт находится в одном фарсанге (6-7 км.). В ширину, как видно, город тянется на протяжении фарсанга, а в длину, вдоль Итиля (Волги) – на протяжении полутора фарсангов (ок. 10 км.) Степь же достигает ширины пяти фарсангов, а длины – 15 фарсангов. На ее плодородных просторах, занятых обширными лугами с сочной травой и дивными цветами, вода и воздух исключительно приятны. Но еще более прекрасны болгарские девы, каждая из которых – будто госпожа мира. Но из-за продолжительных и суровых зим болгары носят так много разных одежд и мехов, что и мужчины и женщины выглядят несколько мешковато.

Булгар давно находится под властью ислама, и здесь имеются различные по виду и бесподобные мечети – языки не могут прославить, а перья – описать их. Они украшены разноцветными стеклами и платками и, несмотря на массивность прочных оснований, очень стройны и устремлены ввысь своими минаретами. Так что у описывающего их язык обессилит, а перо – сломается из-за невозможности передать всю их красоту... Особенно трудно описать соборную мечеть «Исмаилдан» и университет «Мохаммед-Алам», главный корпус которого называется «Казый Йортэ» («Дворец Правосудия»). Всего в Булгаре 84 мечети, из которых 7 принадлежат шиитам, а остальные – суннитам. Кроме этого, в Булгаре находятся 6 тысяч деревянных и каменных домов, половина которых имеет не менее двух этажей, 600 крупных мастерских с примыкающими к ним лавками, семь огромных караван-сараев, три общественных бани, не считая личных, коих здесь три тысячи...

Не менее 40 мастерских выделывают и обжигают глиняные трубы, которые широко используются во всех городах Булгарии. По одним таким трубам в дома булгар подается вода из специальных водных башен, по другим – горячий воздух печей, согревающий жилье в стужу...

Жители Булгара фанатичны при поддержании чистоты на городских улицах и площадях: они покрыты каменными плитами и убираются несколько раз в день. Все люди, их животные, повозки и вещи при въезде в Булгар очищаются от дорожной пыли и грязи в специальных помывочных при всех въездах в город. В то же время в Буляре насчитывалось 94 мечети, но суннитских было столько же, сколько и в Булгаре... Кроме них, в Буляре имеется семь больших каравансараев, три общественных бани, не считая личных, и семь тысяч деревянных и каменных домов...

Центральные стены и Булгара, и Буляра, имеют по 14 ворот. В Булгаре нет единой, общей внешней стены, и каждый квартал Внешнего города укрепляет себя сам и по своему вкусу, а в Буляре вместо внешней стены высокий земляной вал с частоколом с 10 проездами...»

*«Был город в древности седой, Казань затмил он красотой,
Булгар, ислама дом святой, – теперь он превращен в руины.
На дивном месте возведен, он виден был со всех сторон,
Мечетями гордился он, – от них остались лишь руины»*

– так писал о городе Булгаре другой знаменитый болгарский паломник – великий болгарский поэт Гали Чокрый (1826-1889 гг.).

Фото 1. Восточный мавзолей.

Фото 2. Большой минарет.

Фото 3. Малый минарет.

Фото 4. Вид с Большого минарета на Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

Фото 5. Черная палата.

Фото 6. Лестница Малого минарета.

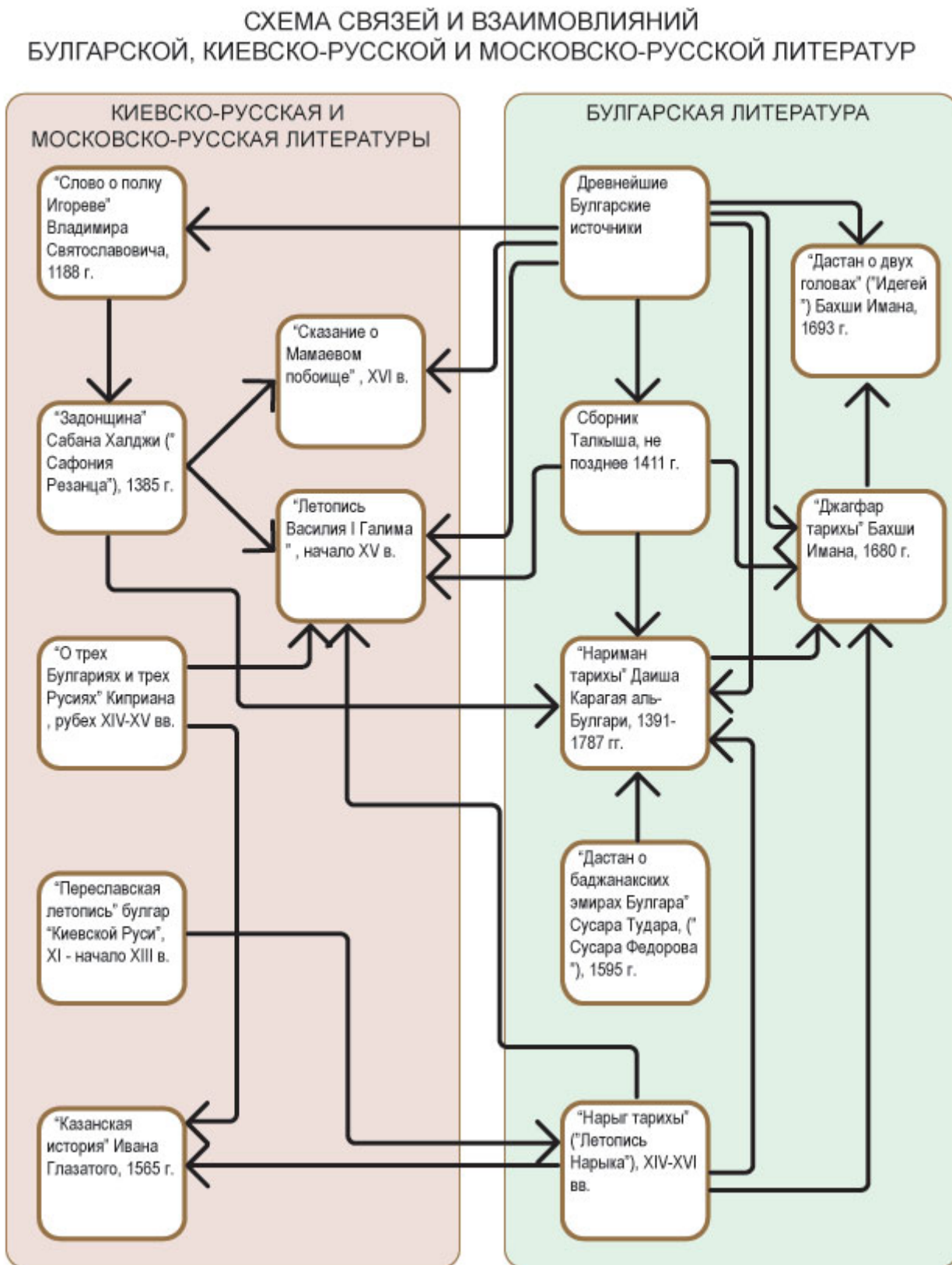
Фото 7. Восточный мавзолей.

Фото 8. Надгробный памятник болгар.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Табл. 1. Схема связей и взаимовлияний болгарской, киевско-русской и московско-русской литературы.

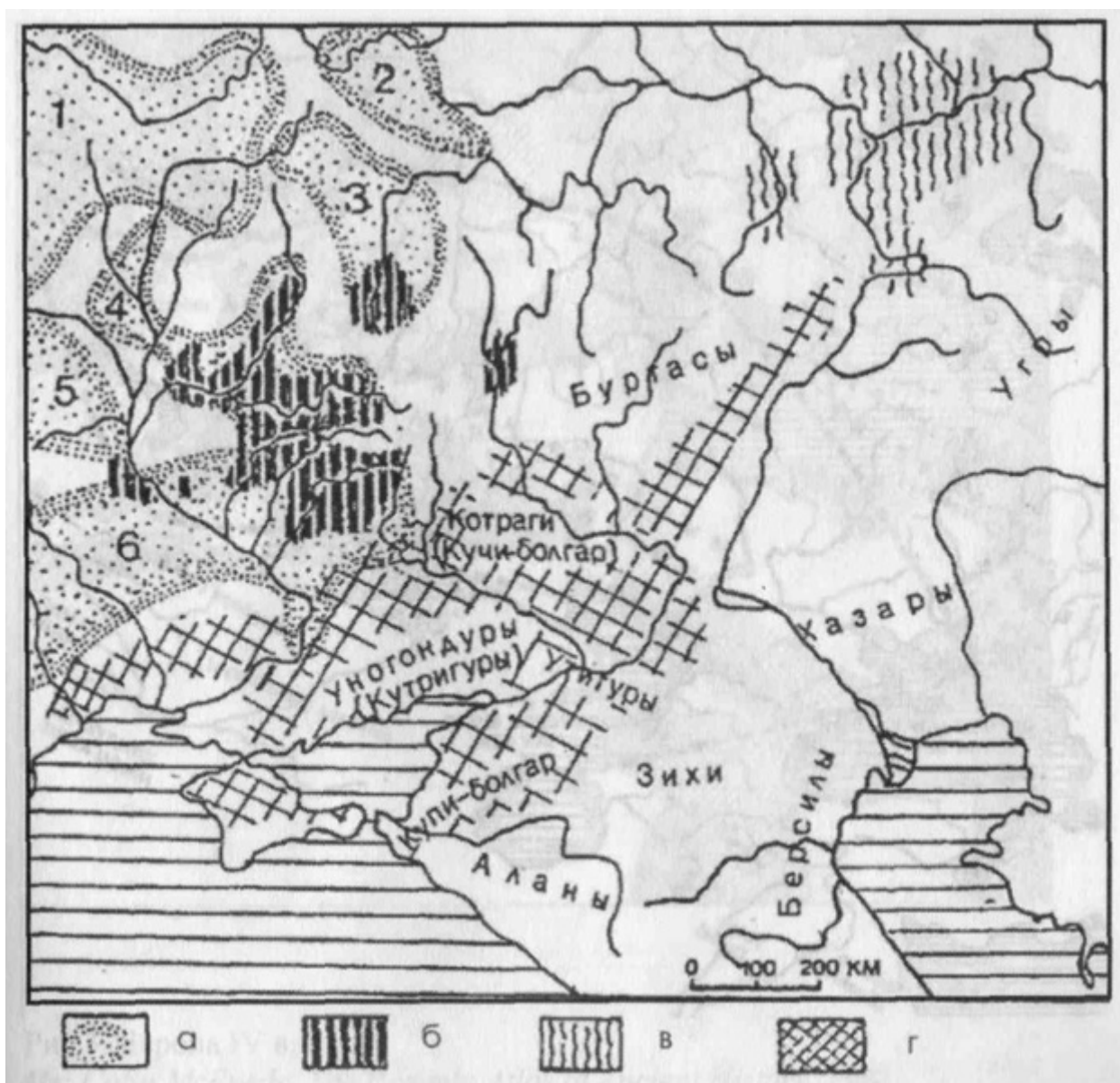

Рис. 1. Юго-Восточная Европа накануне становления Волынецовской культуры.

а - ареалы археологических культур:

1 - Тушемлинской; 2 - Позднедьяковской; 3 - Мощипемш
4 - Колочинской; 5 - Пражско-корчакской; 6 - Пеньковской;

б - распространение волынецовских древностей;

в - территория Именьковской культуры;

г - ареал болгарских племен и направление их миграции на среднюю Волгу.

Из: Седов В.В. Славяне, историко-археологическое исследование. М., 2002. С.257

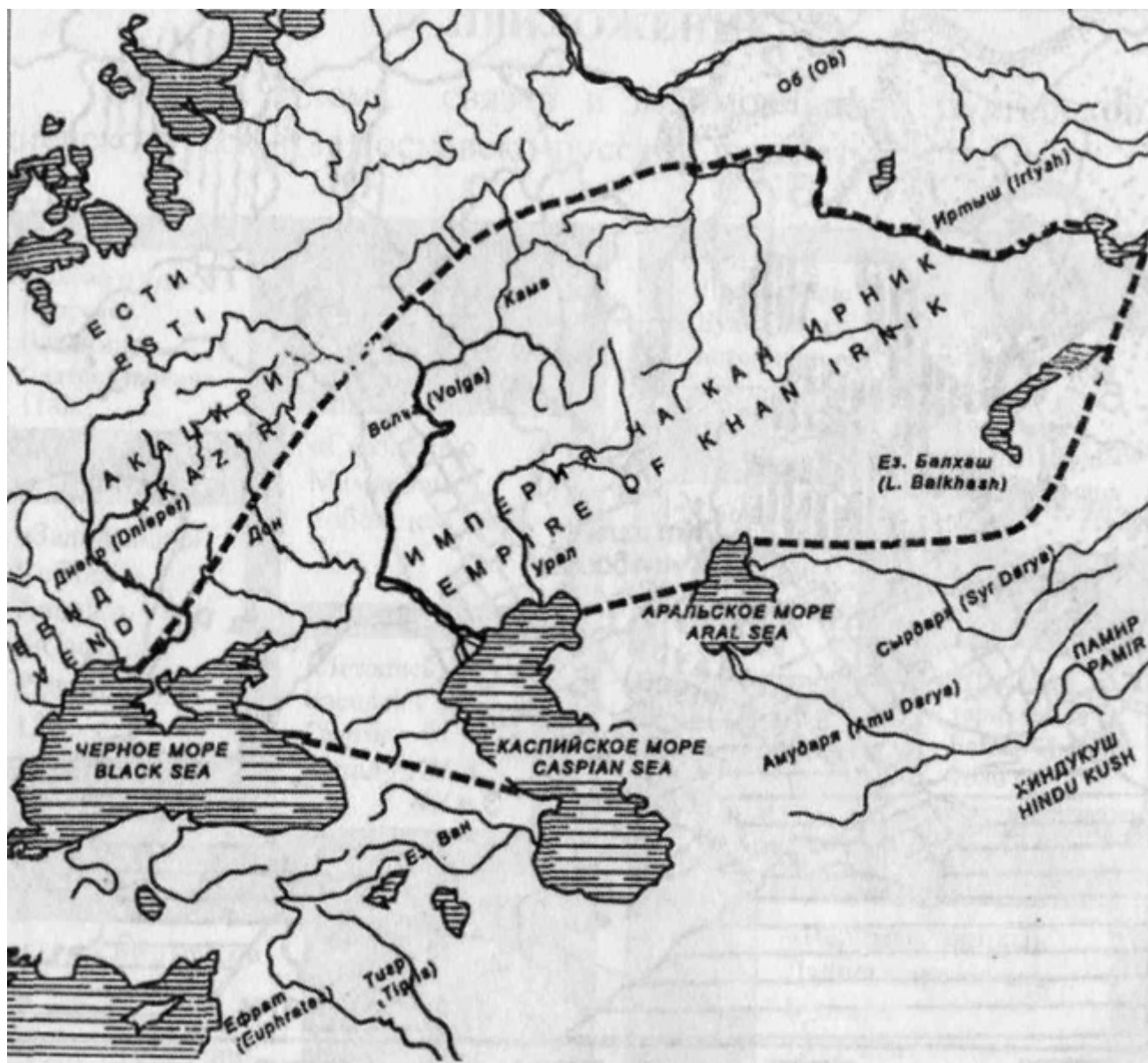

Рис. 2. Карта государства Булгар при хане Ирнике, V в. н.э.
Из книги: Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар. М., 2003. С.415.

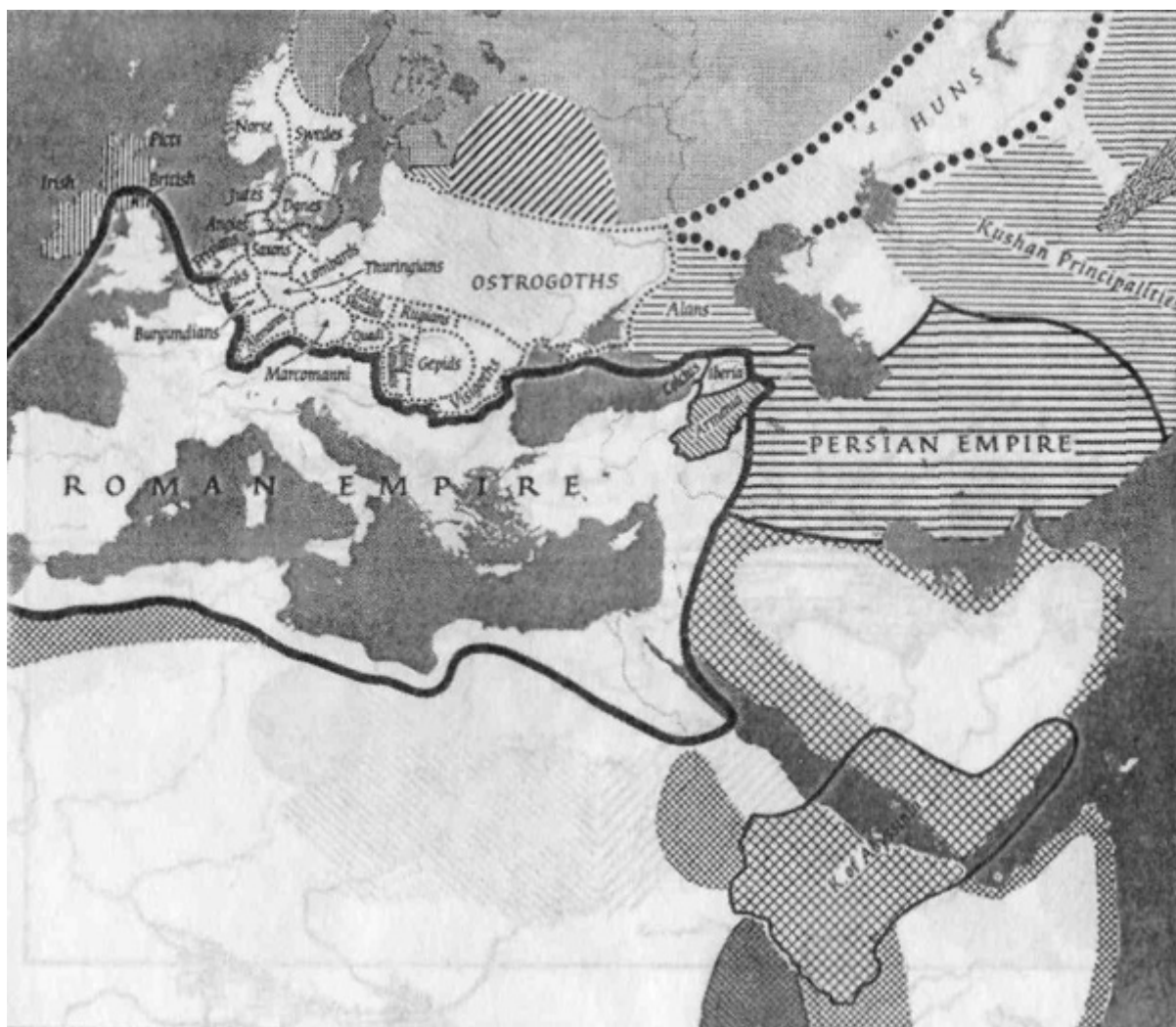

Рис.3. Европа IV в. н.э.
Из: Colin McEvedy. The Penguin Atlas of Ancient History. 1981.

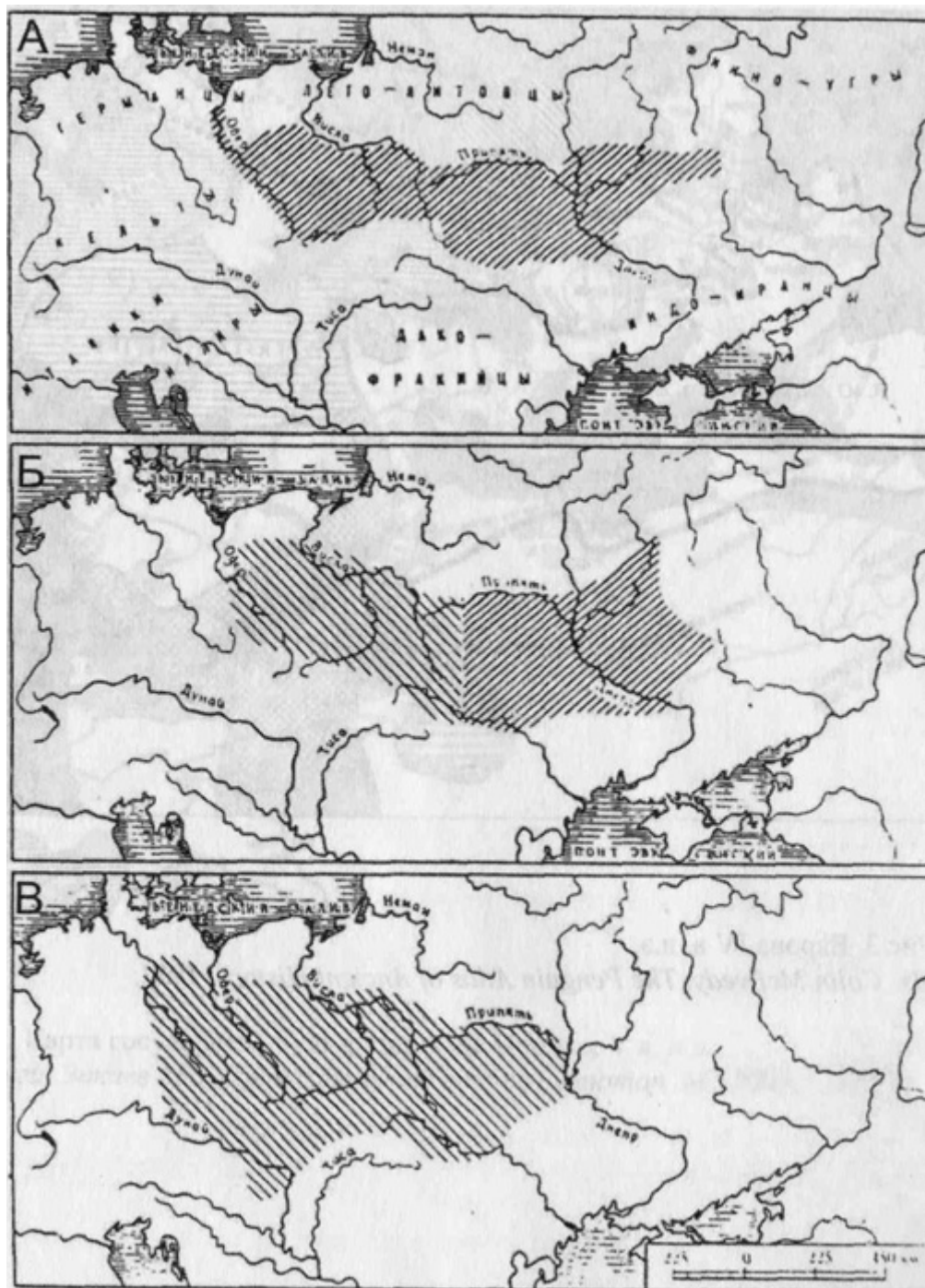

Рис.4. Древние ареалы славян по Б.А.Рыбакову.
 А - первичное обособление славян (XV-XIII вв. до н.э.)
 Б - часть славянского мира в V-VII вв. н.э.
 Из: Седов В.В. Славяне в древности. М.,1994. С.43.

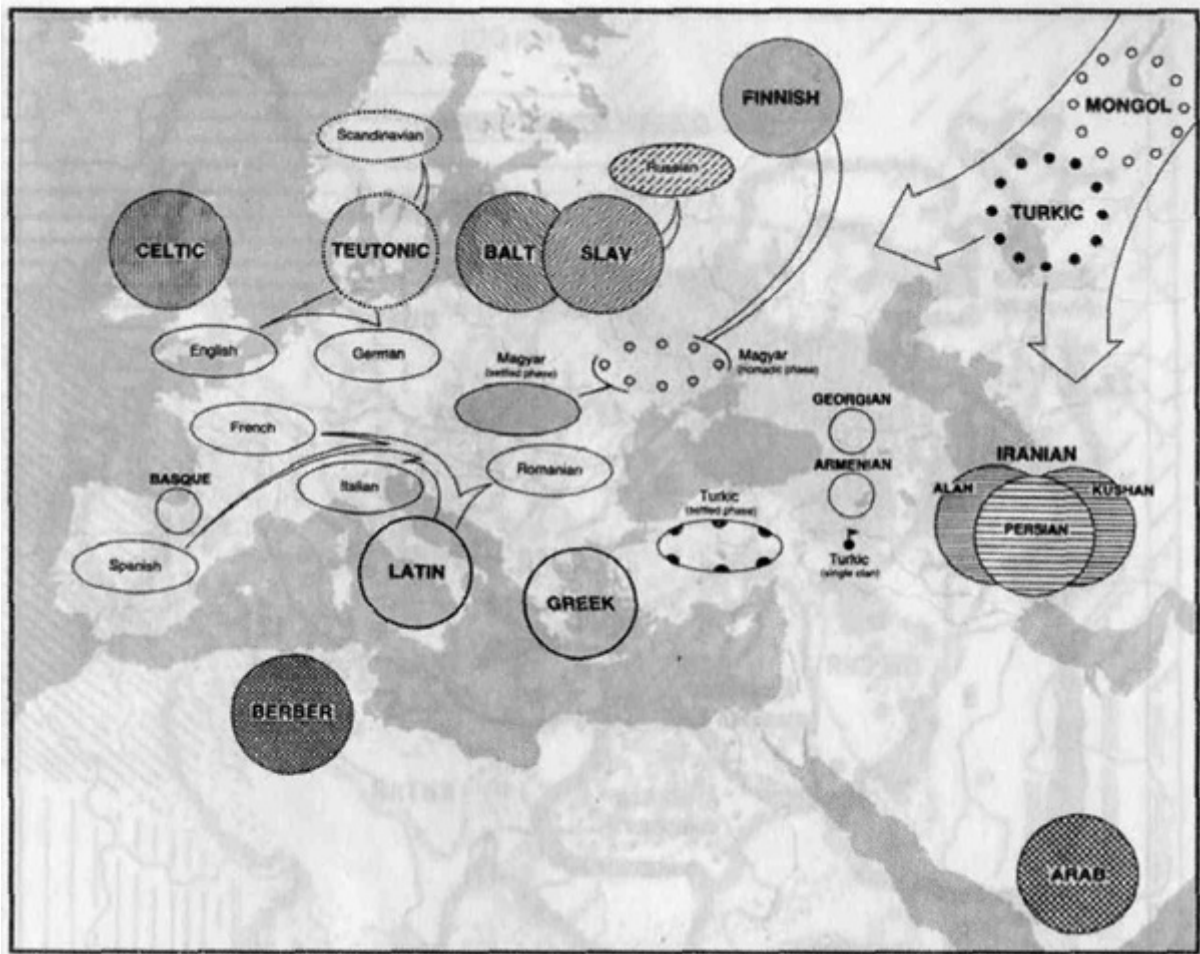

Рис.5. Происхождение тюркского народа.

Из: Colin McEvedy. The New Penguin Atlas of Medieval History. 1981. P.5.

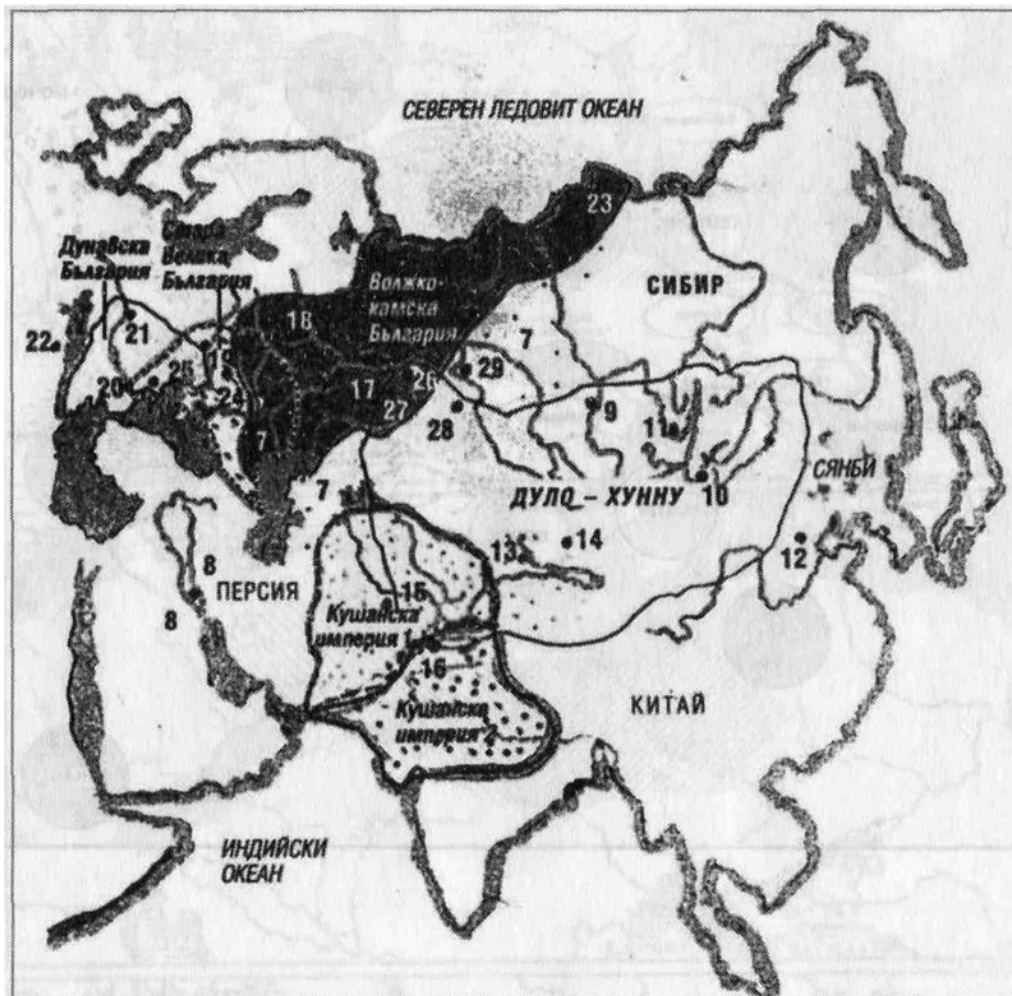

Рис.6. Евразия от 2400г. до н.э. до X в.

7. Контактни зони на българската
8. ШУМЕР - Субйер
9. Гр. Красноярск
10. Улан Батор на реке Дуло
11. Ез.Байкал и гр.Иркутск
12. Пекин
13. Гр. Куча, р.Куча и р. Тарим
14. Гр. Урумчи и Кулджа
15. Балхара
16. Пуло ша пуло (Пешавар)
17. Велики Болгар
18. Москва
19. Киев
20. Плиска
21. Будапеща
22. Равена до Пентаполис
23. П-в Таймир- народ дулгани
24. Харьков и Полтава
25. Галац - на дельтата на р. Дунава
26. Екатеринбург
27. Челябинск
28. Курган
29. Тюмени и Тобольск

Из: ДимитровМ.И. Древната българска цивилизация. С., 2000

Приложение IV.

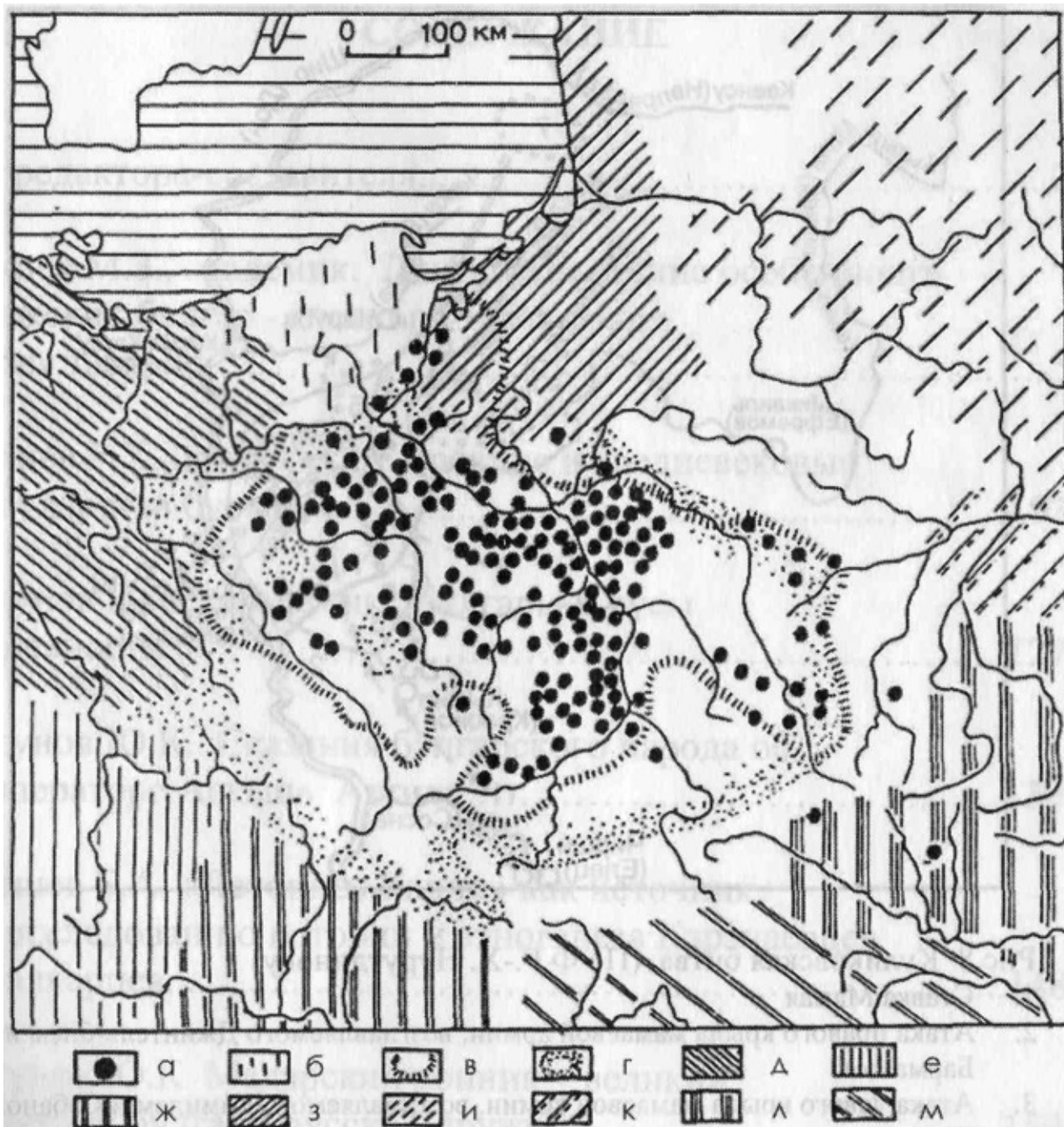
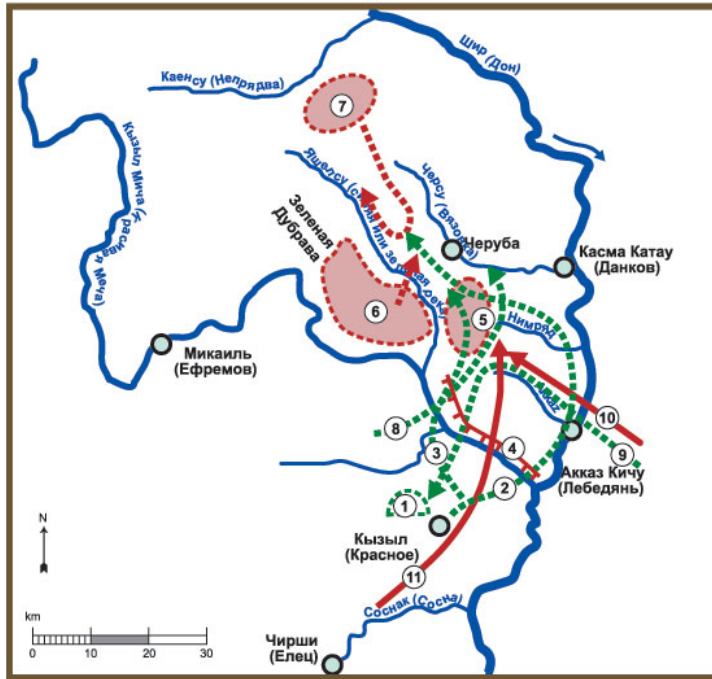

Рис. 7. Становление славянского этноса

- А - могильники культуры подклешевых погребений
- Б - первоначальный регион поморской культуры
- В - территория расселения племен поморской культуры
- Г - ареал лужицкой культуры
- Д - ясторфской культуры
- Е - западного (кельты)
- Ж - восточного гальштата (иллирийцы)
- З - западно-балтийских курганом
- И - территория восточных балтов
- К - ареал милоградской культуры
- Л - скифской культуры
- М - дакийских племен

Из: Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. С. 71.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА (1380)
по Ф. Нурутдинову

----- Булгаро-итальяно-армяно-чиркесские (днепровские чиркесы-предки украинцев) полки мятежного эмира Мамая (мятежного с точки зрения султана Тохтамыша)

1. Ставка Мамайя
2. Атака правого крыла Джинтель-бия и Бармака
3. Атака левого крыла Камиля и Сабана Халджи
8. Атака гарачских (казанских) булгар эмира Сабана Кашани, начавшая Куликовскую битву
9. Движение армии Багуна на соединение с армией Мамайя

----- Булгаро-московско-литовские (собственно, литовские и булорусские) полки великого князя Дмитрия

4. Оборонительные земляные сооружения и позиции московских пехотинцев на левом берегу Красивой Мечи
5. "Московский центр" (часть московско-литовской конницы)
6. Расположение и атака засадного полка Д. Боброка
7. Расположение и неудачная атака армии в.кн. Московского Дмитрия

----- Полки султана Тохтамыша

10. Движение орды кочевых булгар (ногайцев) эмира Идегея
11. Движение армии эмира Бахта-Мохаммеда, включая корпус Симая Малика